

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

М. Каченовскимъ и В. Жуковскимъ.

ЧАСТЬ ЛII.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ,

1810.

*Съ одобренія Цензурнаго Комитета,
учрежденнаго для Округа
Императорскаго Московскаго
Университета.*

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

№ 13. І Ю Л Ъ 1810.

І. СЛОВЕСНОСТЬ.

~~~~~  
П Р О З А.  
~~~~~

Платонъ въ Сициліи.

(Первая прогулка.)

Платонъ находился при дворѣ Діонисія въ то время, когда жестокость сего Монарха еще не обнаружилась во всей своей силѣ; праздные часы Аѳинскаго Мудреца посвящены были уединеннымъ прогулкамъ. Часто, бродя по берегамъ сего острова, славнаго своимъ великолѣпнымъ плодородіемъ, смотрѣлъ онъ въ размышленіи на грозную Епну, которая безпрестанно дымилась посреди веселыхъ полей, богатыхъ нивъ, рощъ прохладныхъ и благоуханныхъ, и удивлялся чудесному смѣшенію добра и зла въ Природѣ, которая дорогою цѣною продавала свои благодѣянія человечеству.

Однажды, пробираясь черезъ прекрасныя Леоншійскія поля въ горѣ Гиблѣ, Мудрецъ увидѣлъ на берегу Симешы миловиднаго младенца, который сперегъ спадомъ, наигрывая на флейшѣ жалобную пѣсню. Плащонъ приближается. Его присущствіе не испугало молодого музыканша, который, успремивъ на Мудреца взоры, спольже унылыя и нѣжныя какъ и гармонія его флейшы, продолжалъ доигрывать начашую имъ пѣсню. Плащонъ слушалъ въ молчаніи; а мальчикъ, которому пріятно было возбуждать вниманіе въ челоуѣкъ ему незнакомомъ, кончивъ первую пѣсню свою, началъ другую, спольже нѣжную какъ и первая, но гораздо унылѣе.

Сія унылость, ощушительная въ звукахъ и напечатлѣнная на лицѣ прекраснаго младенца, пронула душу Философа. Другъ мой, сказалъ онъ, шы очень пріятно играешь на флейшѣ; пѣсенки швой нѣжны; однако онѣ уже слишкомъ печальны: сыграй что-нибудь веселое.

„Веселое? сказалъ Калаисъ (имя пастуха); я ничего веселаго не знаю. Я умѣю играть однѣ только шѣ пѣсни, которыя поетъ моя машь.

— А гдѣ живешъ швая машь? —

„Видишь ли за этими ивами деревню ?
тамъ и наша маленькая хижина.

— Въ которой ты родился ? —

„Да, я родился въ этой хижинѣ.

— Гдѣ же твой отецъ, и что онъ —
паспухъ или земледѣлецъ ?

„Отецъ мой очень жестокой человекъ!
вопъ все, что я о немъ знаю!“ — Па-
спушокъ вздохнулъ, и флейша выпала изъ
его рукъ. Въ эту минуту показался на горѣ
человекъ въ плащи дровосѣка, съ попоромъ
на плечѣ, съ привязаннымъ къ поясу опѣв-
сомъ. — „Это онъ! воскликнулъ Калаисъ,
я побѣгу къ моей матери!“ — и онъ
скрылся, оставивъ на лугу свое сапо.

Плащонъ былъ въ изумленіи. Онъ рѣ-
шился познакомиться съ этимъ стран-
нымъ опцемъ, котораго присущствіе было
такъ ужасно для его сына; скоро увидѣлъ онъ
передъ собою человека высокаго роста,
нѣсколько угрюмаго, еще молодого и очень
пріятной наружности. Онъ шелъ по
дорогѣ въ Капанію; поровнявшись со са-
домъ, посмотрѣлъ на него задумчиво; по-
шелъ пише и какъ будто искалъ глазами
паспуха; но увидѣвъ его бѣгущаго въ дере-
вню, вздохнулъ тяжело, и обращаясь къ не-
знакомцу, сказалъ: мнѣ кажется, что этоиъ

маленькой паспухъ былъ подлѣ спада въ то время, когда я сходилъ съ горы.

„Ты не ошибся, опѣвчалъ Плашонъ: эшотъ паспухъ сидѣлъ подѣ шѣнїю вяза, игралъ очень спокойно на флейшѣ, а я слушалъ. Мы уже начинали знакомиться и разговаривать, какъ вдругъ онъ чего-то испугался, вскочилъ и побѣжалъ отъ меня такъ скоро, какъ будто бы за нимъ гнался дикій звѣрь.“

— Дикій звѣрь! это правда, меня описываютъ ему какъ диваго звѣря.

„Твоя наружность, нѣсколько суровая, могла его испугать; въ такія лѣта не мудро бояться бездѣлицы. Слабый всегда находишь спрашнымъ то, чего онъ не знаетъ.“

— Онъ знаетъ меня, и слишкомъ знаетъ, сказалъ дровосѣкъ, печально взглянувъ на деревню, которая мелькала между кивами; не въ первый разъ я замѣчаю, что онъ боится моего присутствїя.

Плашонъ пошелъ по одной дорогѣ съ незнакомцемъ. Ты иностранецъ, сказалъ ему дровосѣкъ: въ эшотъ убѣряешь меня свое лицо, одежда и выговоръ; но ты миѣ кажешься добрымъ человекомъ: согласишься ли оказать миѣ услугу?

„Опъ всего сердца!“

— Гдѣ ты живешь? —

„Теперь въ Сиракузахъ; но я часпо бываю въ полѣ — чего ты пребуешь?“

— Требую, чшобы ты навѣсшилъ меня въ Капаніи; но прежде увидѣлъ бы эшаго молодого пасуха, узналъ, что у него прошивъ меня на сердце, и наконецъ обвѣвилъ мнѣ, чѣмъ могу я его къ себѣ привязать. Я называюсь Неандромъ; прежде былъ дровосѣкомъ въ лѣсахъ Гиблы, а нынѣ спрою корабли въ здѣшней пристани.

Платонъ, разговаривая съ нимъ о его мастерствѣ, замѣшилъ, чшо наблюдѣніе, соединенное съ опытносцію, произвело въ немъ шопъ палацшъ, который наконецъ извелъ его изъ класса дровосѣковъ. Онъ общался придти къ нему въ Капанію — и они распались.

Я любопышенъ зналъ, подумалъ Мудрецъ, какое слѣдствіе имѣть будущъ нынѣшнія мои двѣ встрѣчи. Я не почишаю ихъ обыкновенною игрою случая; здѣсь видно благое намѣреніе боговъ, которые не забываютъ и о прошой хижинѣ поселянина. Одинъ шольно человекъ, суетный безумецъ, думаетъ, чшо на землѣ можетъ существо-

вашь чтонибудь презрѣнное для безсмертныхъ! — Плашонъ пошелъ въ мапери Калаиса.

„Вотъ онъ, воскликнулъ Калаисъ, который въ эту минушу рассказывалъ объ немъ своей мапери: вотъ онъ, вотъ добрый незнакомый человекъ, съ которымъ я встрѣтился! Онъ поднялъ мою флейшу и пришелъ сюда нарочно для того, чтобы се мнѣ возвратить.“

— Не удивляйтесь, сказалъ Плашонъ обѣимъ поселянкамъ, изъ которыхъ одна пряла, а другая соспавляла тонкую ткань изъ волны, мягкой какъ шоль; не удивляйтесь моему посвященію: эшошъ младенецъ плѣнилъ меня; но мы распались съ нимъ слишкомъ скоро, и онъ сказалъ мнѣ нѣсколько шакихъ словъ, которыхъ меня опечалили.

„Что ты сказалъ, Калаисъ?“ спросила у него мать съ замѣшательствомъ. Калаисъ повторилъ сказанное имъ Плашону.

Молодая женщина покрасѣла, пощупивъ свои прекрасные глаза въ землю; а старуца, посмошрѣвъ на нее съ нѣжностью, сказала: Ошъ чего ты красѣешь, другъ мой! Развѣ ты была обольстительницею добраго и безпришворнаго

сердца; развѣ ты употребляла во зло его опкровенность; развѣ ты заплашила предашельствомъ за самую нѣжную и безкорыстную дружбу? Да накажутъ боги нарущишелей кляпвы; мы невинны. — Ты не пресупница; ты только несчастна — вся вина твоя въ легковѣрїи. Не уже ли одна минута забвенїя можетъ лишитъ тебя спокойствїя на цѣлую жизнь? Чужестранецъ! продолжала старушка: эпомъ мальчикъ открылъ уже тебѣ слишкомъ много, и приговорство было бы для насъ бесполезно. Скажи мнѣ, знакомъ ли тебѣ помъ человекъ, съ которымъ я видѣла тебя идущаго по дорогѣ въ Кашанїю?

— Нѣтъ, не знакомъ! Я знаю только то, что онъ нѣкогда былъ дровосѣкомъ на горѣ Гибль, а теперь надзираетъ за поспроенїемъ кораблей въ пристани.

„Не говорилъ ли онъ съ тобою объ насъ?“

— Онъ говорилъ объ эпомъ младенцѣ.

„И ни слова о его матери?“

— Ни слова; но я замѣшилъ, что робость, которую оказалъ эпомъ мальчикъ, увидя его сходящаго съ горы, опечалила его сердце.

„Жесткою человекъ! ему ли удивляться пому чувству, которое онъ самъ производитъ?“

— Машушка! сказала молодая женщина, вы опять позабыли, что говорили при этомъ младенцѣ, и говорили объ его ошцѣ. Калаисъ поди къ своему спаду.

„Нещастіе наше, продолжала Мелипа (имя доброй мащери), всѣмъ извѣстно въ деревнѣ; и я желала бы, чтобъ оно сдѣлалось извѣстнымъ всему свѣту въ поношеніе обольстивелю. Будучи еще просрымъ дровосѣкомъ, онъ познакомился съ моею дочерью, полюбилъ ее, и любовь его казалась намъ самою нѣжною. Если Неозина будетъ любить Неандра также сильно, какъ и сама имъ любима, говорилъ мой мужъ, то будетъ истинно щаслива, и они, также какъ и мы, не переживутъ любви своей. И не проходило дня, чтобы Неандръ не спарался какимъ нибудь знакомъ нѣжности удословривить въ своей привязанности Неозину: то принесетъ ей изъ лѣсу двухъ горлицъ, то соловья, иногда лучшихъ плодовъ, иногда корзину съ цвѣтами. Скажи самъ, чужеспранецъ, могла ли дочь моя оспашься нечувствительною къ такой любви, которая по видимому изливалась изъ чистаго, чуждаго всякому прищворству серд-

ца! А мы, Дамешъ мой мужъ, и я, себя не помнили отъ радости — Неандръ былъ уважаемъ въ нашемъ околоткѣ и во всѣхъ окрестныхъ селеніяхъ; прилѣженъ въ работѣ и весьма въ ней искусенъ: никто въ нашихъ лѣсахъ не умѣлъ такъ хорошо дѣйствовать попоромъ, какъ Неандръ: корабельщики приходили изъ пристани совѣщавшись съ Неандромъ. Какой отецъ, какая мать не согласились бы отдать за него свою дочь? — и мы уже назначили время для ихъ брака; но вдругъ постигло насъ несчастіе! Мужъ мой Дамешъ умеръ; я не хотѣла, чтобы дочь моя плакала передъ олпаремъ Гименеевымъ, и опложила на нѣсколько времени поржесствовашъ ея супружество. Въ эти горестные дни одинъ Неандръ былъ нашимъ утѣшителемъ. Вѣроломный! съ какимъ коварствомъ умѣлъ онъ воспользоваться пою нѣжностію сердца, которая всегда неразлучна съ глубокою печалію! Моя невинная Неозина будучи очарована его чувствительностію и видя въ немъ почти супруга, позволяла ему опираться свои слезы и ничего не спрашивалась. Какое мученіе, говорилъ онъ, имѣшь свое счастье предъ глазами и имъ не наслаждаешься! Непорочную снудливостъ Неозины моей называлъ онъ жестокостію. Наконецъ, сожалѣніе, слабостъ, довѣренностъ, любовь, неосторожностъ юныхъ лѣтъ предали эту

нещастную ему на жертву: онъ обольстилъ ее и скрылся“

При этихъ словахъ Неозина закрыла обѣими руками лице, не могла удержашь своего рыданія, и все взмогло отъ слезъ. Насъ увѣдомили — продолжала Мелиша — что Неандру поручено смотрѣніе за работами въ приспани, и я не могла удержашься отъ сильнаго негодованія, помысливъ, что съ переменною фортуны можеть и сердце совершенно измѣниться. Но горестъ Неозины была совсѣмъ инаго свойства; она видѣла себя въ униженіи и упадала духомъ; но скоро отъ стыда перешла она въ опчаянію; ибо она почувствовала, что черезъ нѣсколь-но времени должна сдѣлаться матерью. Она боялась открыть мнѣ горестную тайну, и плакала въ молчаніи. Я видѣла, что бѣдная дочь моя увядала; я приписывала горестъ одной любви и не хотѣла совѣ-щами своими разтравлять раны ея сердца, оставляя времени изцѣлить его. Не возможно, говорила я Неозинѣ, чтобы въ душѣ швоей, истинно нѣжной и благородной, привязанность къ человѣку, себя недостой-ному, могла сохраниться; онъ преспу-никъ, ему одному надлежитъ спрадать и плакать. Бѣдная! она не отвѣчала мнѣ ни слова; глаза ея, полные слезъ, устремлялись на небо; она вздыхала и шомилась; но ско-

ро жестокая горячка, слѣдствіе скрытой
поски, обнаружила передо мною шайну ея:
„Бѣдной младенецъ! повшорила она въ без-
памятствѣ, опецъ пвой шебя покинулъ! . . .
Нѣшъ, злодѣй, нѣшъ вѣроломный, онѣ не
увидишъ свѣша, не будешъ обязанъ шебѣ
жизнью. . . . О боги! за шакую любовь
плашишь такимъ презрѣніемъ, шакою из-
мѣною! . . . Машушка! милый другѣ, не
возможно, я не могу побѣдись своего серд-
ца . . . пускай онѣ возврапшся . . . не
запворяйше для него нашей хижины! нѣшъ!
нѣшъ! вы меня любите. . . . Можно ли,
чшобы онѣ пожелалъ моей смерти! . . . Для
меня все равно, пучина морская, пучина Еш-
ны; на чшо мнѣ жизнь. . . . Но бѣдный мой
младенецъ!“ — Сїи ужасныя слова, произ-
несенныя безъ связи въ разное время, по-
добныя молніямъ сверкающимъ во мракѣ
ужасной ночи, озарили душу мою, и я уви-
дѣла бездну, предѣ нами опкрытую. Но я
вооружила себя мужеспвомъ, начала сѣ боль-
шею неусыпностію смосрѣшь за больною
Неозиною; прохладительныя лѣкарства ус-
покоили ея кипящую кровь — наконецъ
она воскресла; я воспользовалась минушою
спокойствіемъ, минушою, въ копорую сердце
ея болѣе расположено было къ довѣренно-
сти, и сказала: Милый другѣ! повѣрю ли я,
чшобы одна любовь, сѣ шакою жестокостію
обманушая любовь, могла споль сильно по-

колебашь пихую пвою душу? Въ горести пвоей сокрышо какое нибудь другое чувство!

Ты имѣешь самаго искренняго друга въ своей мапери; повѣрь ей пайну своего сердца, пайну, копорая почти уже ей извѣсна: ты была слишкомъ легковѣрна; а я съ своей спороны предавшись чрезмѣрной печали, не имѣла довольно оспорожности и опврапила глаза опѣшой погибели, въ копорую сама пебя повергала. Ты видишь, что я не спараюсь себя извинять; послѣдуй моему примѣру. Въ своемъ безпамятствѣ ты что-то говорила о младенцѣ, ты называла себя маперью — что это значить? Неозина! будь опкровенна съ пвоимъ испиннымъ другомъ — я хочу все узнать, и моя любовь даетъ мнѣ право на пвою довѣренность. — „Ахъ, мапушка! могу ли сразать вамъ, что я васъ недостойна! Опшавше меня умереть съ печали; я не хочу быть свидѣпельницею вашего безславья.“ — Нѣтъ, мой другъ! слабость пвоя не можетъ обезславить ни пебя, ни меня. Твое просшодушье, пвое неприпворное сердце, пвоя довѣрчивость должны быть пвоимъ извиненіемъ; ты вѣрила оболъспительнымъ словамъ: это не есть еще пресшупленіе, но одна только неоспорожность. Сохранивъ душевную непорочность, ты не потеряла права на уваженіе; презрищеленъ

одинъ обольщитель. — Тогда облегченное сердце ея обнаружило передомною всѣ свои тайны. Выслушавъ признаніе моей дочери я сказала : не перяй мужества, Неозина ; спыдишься должно одного порока ; и самая чиспая душа можешъ подвержена бышь нѣкопорою слабости : на что тебѣ скрывать свое нещастіе и свой просупокъ ? пускай всякой узнаешъ, что ты обольщена вѣрдомнымъ челоѳкомъ ; посвяти себя священному званію мапери , корми своего младенца , воспитывай его съ попечительною любовью , и пускай узнаешъ онъ (если это будешъ сынъ) , какого имѣешъ ошца , чтобы никогда не подражашъ ему въ вѣромствѣ.“

— И это единспвенный изъ всѣхъ соѳповъ вашихъ, мапущка, сказала Неозина, копорому не надлежало бы мнѣ послѣдовать : мой сынъ и безъ того познакомился бы слишкомъ рано съ горестію. Ненавидѣшь ошца великое нещастіе ; гораздо было бы лучше , если бы онъ не зналъ , что онъ имѣешъ ошца и имѣ оставленъ.

„Я не хочу , чтобы онъ ненавидѣлъ ошца своего ; но я желаю , чтобы онъ его убѣгалъ : эшотъ жестокой и послѣднее ушвѣненіе можешъ у насѣ похитишь.

Но еслибъ онъ самъ — сказалъ Плашонъ — покорившись наконецъ голосу Природы и раскаянію любви (ибо любовь можетъ еще существовать въ его сердцѣ), пришелъ въ вашу хижину и на колѣняхъ...

— Никогда! никогда! воскликнула неозина: онъ обманулъ меня, онъ меня покинулъ! онъ самъ желалъ моего безславія; онъ никогда не получитъ моего сердца!

Плашонъ видѣлъ, что этого негодованія не возможно было побѣдить открытыми силами разсудка; онъ видѣлъ, что оно было утверждено въ душѣ Неозины, и что въ этомъ случаѣ потребны были одни только медленные и тихія средства.

На другой день, увидѣвшись съ Діонисіемъ, рассказалъ онъ ему о своей встрѣчѣ. Согласись, Государь, что помирить эгихъ разсвоенныхъ супруговъ будетъ довольно трудно! — „Я не вижу никакой трудности, сказалъ Діонисій. Хочешь, я прикажу сію же минуту посадить своего Неандра на галеру и онъ будетъ работать весломъ по шѣхъ поръ, пока самъ не захочетъ жениться на обманушой имъ Неозинѣ!“ — Твое краснорѣчіе слишкомъ сильно; я не думаю однако, чтобъ оно было весьма дѣйствительно. Въмѣсто супруга мы

дадимъ Неозинъ презрѣннаго, недостойнаго своей цѣпи невольника ; а я желаю соединить ее вѣчными узами любви съ милымъ человекомъ, способнымъ возвратишь ей уничтоженное имъ щастіе. —

Плашонъ отправился въ Капанію, гдѣ Неандръ уже дожидался его. Онъ познакомился и съ другими корабельщиками, которые удивились обширнымъ свѣдѣніямъ Философа о мастерствѣ ихъ. Плашонъ разговаривалъ съ ними, какъ человекъ образованный путешественіями, подавалъ имъ благоразумные совѣты о томъ, какъ сдѣлать легче весло и галеру ; какъ выгоднѣе располагать паруса ; какими способами употреблять въ пользу свою и, вѣтеръ и волны. Спроишли видѣли въ немъ любимца небесъ, и поздравляли Неандра съ великимъ щастіемъ имѣть въ своемъ домѣ такого чуднаго гостя.

За обѣдомъ Плашонъ, наполнивъ кубокъ виномъ, воскликнулъ : да царствуетъ союзъ между Сициліею и Аѣинами, союзъ необходимый для блага обоихъ народовъ. И чаша, увѣнчанная цвѣтами, начала переходить изъ рукъ въ руки. Всѣ были веселы ; одинъ Неандръ казался унылымъ : вино, смягчая душу его, невеселило ее ; онъ слушалъ Плашона съ благоговѣніемъ и былъ

пораженъ краснорѣчіемъ его и знаніями; но замѣшательство изображалось въ его глазахъ, и шайная скорбь оправляла по удовольствію, которое въ немъ производимо было присущимъ Философа. Плашонъ это примѣтилъ. Хорошее предзнаменованіе! подумалъ онъ, и вставши изъ за стола, сказалъ своему хозяину: прости Неандръ, иду на лугъ; памъ ожидаешъ меня пошъ маленькой пасухъ. . . .

„Развѣ ты его видѣлъ?“

— Видѣлъ; вчера я былъ у него въ хижинѣ и познакомился съ его машерью.

„Съ Неозиною! Не говорила ли она чегонибудь обо мнѣ?“

— Она говорила о своемъ сынѣ, а это заспавляло сказать нѣсколько словъ и о тебѣ.

„Что же она говорила?“ —

— Она ничего не сказала такого, чего бы тебѣ не можно было слышать.

„Вѣрю! она имѣетъ доброе сердце; но машъ ея. . . О! это совсѣмъ другая женщина!“

— Машъ ея женщина благоразумная и швердая!

„Что дѣлали онъ въ своей хижинѣ?“

— Одна прядла волну; другая, Неозина, соспавляла изъ нее шкань.

„Не правда ли, что она чрезвычайно мила за работою?“

— О! Неозина прелестное швореніе! Такая шихая, скромная! сердце привязывается къ ней само собою.

„Скажи, не показалось ли тебѣ, что въ хижинѣ ихъ царспвуетъ бѣдность?“

— Я не замѣшилъ въ ней ни богатства, ни бѣдности; все порядочно, чисто.

„Ахъ! и я бывши бѣднѣе, былъ щасливѣе. Но ты ничего не говоришь мнѣ о Калаисѣ! каковъ онъ тебѣ показался?“

— Очень ласковымъ съ маперью.

„Таковъ же онъ былъ бы и съ опцемъ; но меня описываютъ ему самыми ужасными красками! Они забыли, что опецъ, сколь бы онъ ни былъ виновенъ, всегда имѣетъ право на любовь и почтеніе сына!“

— Что ты говоришь? развѣ ты опецъ ашаго младенца? —

„Не уже ли тебѣ объ этомъ не сказывали?“

— Слѣдовательно ты и супругъ Неозины?

„Нѣтъ, Плашонъ, и въ этомъ мое прешупленіе; Неозина мною обмануша! Но она была бы мсею супругою, когда бы не умеръ ея отецъ!“

— Предавая себя Неандру, Неозина вѣрила его обѣщаніямъ.

„И правду скажешь, могла имъ вѣришь — до самой той минушы я былъ честнѣйшій человекъ на свѣшъ.“

— И переспалъ уже бышь имъ?

„Увы! не могу запирашъся, и это меня терзаетъ несказанно!“

— Развѣ ты не любилъ Неозины? —

„Обожалъ, и теперь люблю ее спрашно!“

— Для чего же ты обманулъ ее?

„Для чего? Ты знаешь человеческое сердце и можешь объ этомъ спрашивать! Испыталъ ли ты когда нибудь чувство ревности?“

— Нѣтъ! но я знаю, что это чувство есть самое шяжкое и прискорбное.

„Щаспіе сдѣлало меня ревнымъ!“

— Развѣ ты имѣлъ совмѣстника?

„Нѣтъ!“

— Что же заставило тебя ревновать?

„Что? этого я не знаю и самъ! мой собственный примѣръ испугалъ меня; она могла быть слабою со мною, подумалъ я. Кто же увѣритъ меня, что другой на моемъ мѣстѣ не будетъ имѣть подобнаго моему успѣха. Въ это самое время честолубіе возмутило мою голову; я началъ думать о форшунѣ; я вообразилъ, что для меня уже низко быть мужемъ простой поселянки — погубительное заблужденіе ослѣпило меня — я пришелъ въ память, но уже въ это время я былъ пресшучникъ, и ложный стыдъ препящствовалъ мнѣ броситься къ ногамъ моей жены и моего сына, и умолять ихъ о прощеніи, котораго теперь единственно недоспаетъ къ моему щастію. Эпошъ младенецъ меня спрашиваетъ; Неозина должна меня ненавидѣть, потому что она любила меня спрашно; а мать ея меня проклинаетъ — и я заслужилъ эту ненависть. Но, другъ мой, если бы онѣ знали, какъ я спрадаю; если бы онѣ знали, съ какимъ перзаніемъ смошрю издалека на эту живину, въ которую не смѣю войти, въ которой заключено все милое для моего сердца; какъ горестна мнѣ разлука съ моимъ сыномъ, съ какою мучительною спрашною я думаю о Неозинѣ, и какъ ужасно мнѣ воображать ее увядшею опѣ горести въ цвѣтущіе годы жизни, осыпающую упреками своего губителя — ее, которая всегда

была какъ прелестна, пиха, добросердечна! . . . о Плашонъ! я жестоко, жестоко наказанъ.“

— Послушай, Неандръ! если бы ты могъ быть увѣренъ, что пресупленіе свое забудешь; что Неозина любитъ тебя, какъ и прежде. . . .

„Ахъ! я полешѣлъ бы . . . но это не возможно!“

— Почемужъ не возможно? въ глазахъ своей Неозины замѣшилъ я одну только унылость.

„Ахъ! какъ прекрасны ея глаза!“

— Прекрасны, восхищительны, исполнены чувства и спыдливости!

„О спыдливость! она никогда не перяла спыдливости. Милое пвореніе! одна непорочность была причиною ея нещасія. Чего боишься ты, Неозина, говорилъ я, мы уже супруги, отецъ и мать своя насъ благословили? Я плакалъ, вздыхалъ, нечелѣлъ обѣщаній . . . о вѣроломный! ты недостоинъ былъ обладать такимъ сокровищемъ!“

— Надобно признайся, что ты употребилъ неизвинительные способы!

„Такъ, мудрый человекъ! одинъ я преступникъ! Я не могу. не признаюсь въ эшомъ передъ тобою, моимъ другомъ, моимъ единственнѣмъ утѣшителемъ. Я былъ неблагодарный обольститель, человекъ, недстойный смотрѣть на солнце; но сердце имѣю доброе.

Плашонъ — которъй зналъ, что вино ускоряетъ довѣренность, способствуешъ стѣсненію дружескихъ узъ и обнаруживаетъ всѣ шайны характера, неизкаяя его, а только усиливая — наконецъ увѣрился, что новый знакомецъ его еще не лишенъ способности бытъ добрымъ оицемъ и добрымъ супругомъ. Позволь мнѣ, сказалъ онъ, испросишь тебѣ прощеніе у Неозины. Одно только условіе Неандръ! не бытъ ревнивымъ!

„Ревнивымъ! о небо! къ кому я могу ревновать? Неозина со времени своего несчастія ведетъ жизнь невинную, скромную — она примѣръ цѣломудрїя! развѣ я эшаго не знаю?“

Въ слѣдующее утро Плашонъ приходилъ на шопъ лугъ, на которомъ Калаисъ сперегъ свое садо. Мальчикъ по прежнему игралъ на флейшѣ; увидя Философа, онъ побѣжалъ къ нему на встрѣчу. „Калаисъ! сказалъ Плашонъ: что, если бы вмѣсто

меня пришелъ сюда пошъ человекъ, котораго мы видѣли на горѣ, швой опецъ — встрѣшилъ ли бы ты его такъ радостно, какъ меня?»

— Я убѣждалъ бы опъ него въ хижину!

„Не безпокойся! ты болѣе не увидишь его! теперь онъ знаетъ, что приближеніемъ своимъ приводишь тебя въ робость. Я видѣлся съ нимъ и онъ мнѣ сказалъ: не хочу дѣлать непріятности Калаису; съ нынѣшняго дня буду я обходить гору, чтобы не встрѣчаться ни съ нимъ, ни съ его спадомъ. Но я очень хотѣлъ бы его приласкать; мнѣ сказывали, что онъ очень милый мальчикъ, что онъ послушенъ, тихъ, привязанъ къ своей матери и дѣлаетъ ее щасливою — и я, которому онъ обязанъ жизни, желая сердечно ему добра, былъ бы истинно щасливъ, когда бы могъ прижать его къ сердцу и оставить ему какой нибудь знакъ своей дружбы. Но ласки мои прошивны ему, онъ не хочетъ имѣть отца — онъ и не будетъ имѣть его.“

— Не я, опѣчалъ младенецъ сквозь слезы, не я хочу убѣгать опъ отца моего; онъ самъ не хочетъ имѣть сына! зпомъ жестокой человекъ добровольно меня оставилъ.

„Послушай, Калаисъ; онъ кажется пещѣ жестокимъ — а я нахожу, что онъ имѣетъ доброе сердце.“

— Доброе? но съ этимъ добрымъ сердцемъ онъ сдѣлалъ несчастною мою мать!

„Калаисъ, иногда и самые добрые люди могутъ казаться злыми, совсѣмъ не имѣя злаго сердца. Злой человекъ находивъ удовольствіе въ дѣланіи зла; а добрый, сдѣлавши зло, мучится совѣстію, и до тѣхъ поръ остаётся недоволенъ самимъ собою, пока не загладитъ своего прощупка!“

— Нѣтъ, не возможно имѣть доброе сердце и поступать такъ, какъ поступаешь мѣи отецъ — бабушка моя говорила правду.

„Но бабушка своя безъ сомнѣнія говорила также, что надобно любить боговъ, ихъ почитать и спрашиваться!“

— Всякой день вмѣстѣ съ нею молюсь я передъ домашними ларами.

„Но если боги къ вамъ немилоспивы, переспрашаете ли вы имъ молишься?“

— Машушка учила меня любить и самыхъ немилосердыхъ боговъ; наши земледѣльцы вѣнчаютъ богиню Цереру колосьями

и тогда, когда на нивахъ нѣшъ богатой жаввы. И я въ потѣ самый день, въ копорый волю въ унесъ у меня овцу, не забылъ поклониться богу Фавну, и положишь гирлянду цвѣшовъ къ ногамъ его спашуи.

„Ты хорошо сдѣлалъ. Но знаешь ли, почему называю поступокъ швой хорошимъ?“

— Машущна всегда говоритъ мнѣ, что мы не должны ропшашъ прошивъ боговъ и пребовашъ опѣ нихъ опѣвша въ шомъ, что они дѣлающъ.

„Узнай же, Калаисъ, что всякой опецъ есть божество для дѣшей, копорья должны принимашъ безъ ропша гнѣвъ его, съ шербнѣемъ ожидашь или съ покорностію просишь его милосней, и никогда не позволять себѣ его ненавидѣшь.“

Калаисъ, копорый имѣлъ оспрый умъ, понялъ языкъ Философа. Теперь догадываюсь, сказалъ онъ, опѣ чего мнѣ было такъ шяжело нелюбишь моего опца. Теперь сердце мое облегчилось; шеперь я самъ побѣгу къ нему на шспрѣчу, если онъ подойдетъ къ моему спаду; или не согласишься ли шроводишь меня къ нему въ сію же минушу?

„Нѣшъ, Калаисъ, онъ придетъ къ тебѣ самъ; но шолько прошу шебя, не рассказывай обѣ эшомъ своимъ роднымъ.“

— Не скажу никому! но когда же я тебя съ нимъ увижу?

„Завпра по упру!“

— Дождитесь до завпрашняго упра! какъ долго!

Я преклонилъ на швою спорену посредника, котораго пособіе конечно будетъ для тебя полезно — сказалъ Плапонъ Неандру. Они пошли вмѣстѣ къ спаду Калаиса. Услышавъ флейшу своего сына, Неандръ перемѣнился въ лицѣ и глаза его наполнились слезами. Онъ подошелъ къ младенцу съ популпленными въ землю глазами; Калаисъ, привыкнувъ спрашиваться его присушствія, приблизился къ нему съ препеномъ. Но отецъ просперъ обвѣщія, и младенецъ, залившись слезами, прижался къ его сердцу.

Плапонъ, увидя это, сказалъ: теперь я пойду въ хижину — вы послѣдуете за мною; но прежде дайте мнѣ время расположить сердца ихъ въ вашу пользу.

„Я принесъ вамъ извѣстіе, которое должно показаться для васъ пріятнымъ, если не ошибаюсь — сказалъ онъ Мелисѣ и Неозинѣ. — Благодарите боговъ, друзья мои! они познакомили меня съ однимъ бога-

пымъ, добродушнымъ и одинокимъ человекомъ, который давно ищетъ счастья, и не находя его, переспалъ уже полагаться на форшуну! Благодаренія слѣпаго божества были для него смѣшаны съ горестями; но онъ надеется ихъ усладить и очистишь, употребляя на благо свои многочисленныя сокровища. Онъ видѣлъ Калаиса — эпошъ младенца павшиаго его своею красою и милымъ характеромъ; онъ хочетъ его усыновить и проситъ васъ черезъ меня, чтобы вы дали ему позволеніе именоваться опцемъ Калаиса.“

— Мнѣ удалишь опъ себя своего сына! воскликнула Неозина: какое жестокое предложеніе!

„Ты съ нимъ не разлучишься! Мой доброй знакомецъ желаетъ быть твоимъ супругомъ!“

— Но развѣ несчастіе мое не извѣстно ему?

„Ему извѣстно, что несчастіе непорочно сдѣлалось теперь несчастіемъ добродѣтели — онъ извиняетъ себя, Неозина!“

— И всякой честный человекъ можетъ меня извинить — я это знаю; но можетъ ли онъ позабыть мой проступокъ?

Краснѣть передъ супругомъ — какое мученіе! Нѣтъ, Плапонъ! я хочу довольствоваться своею бѣдностію, и не могу употребить во зло предложеній великодушныхъ.

„Уважаю благородство мыслей твоихъ, Неозина, сказала Мелиса: но подумай, что дѣло идетъ о щастіи твоего сына; подумай, что эпомъ почтенный чужеземецъ не сталъ бы намъ предлагать чело-вѣка, способнаго прижворяться въ чувствахъ или показывать презрѣніе къ своей супругѣ. Рука твоя должна быть наградою за эту любовь, которую онъ имѣетъ къ Калаису. Вѣрь, другъ мой, что подобныя происшествія никогда не могутъ случиться безъ особеннаго произвола боговъ“ . . .

— И твое упорство, Неозина, прибавилъ Плапонъ, будетъ совершенное неповиновеніе верховной власти.

„Къ чему вы принуждаете меня, жестокіе люди! Не уже ли должна я доказывать моей мащери, что я не могу желать добра моему Калаису; а этому чужеземцу, что вѣрю и повинуюсь богамъ безсмертнымъ! Узнайте же мою шайну, шайну несчастную, которую хотѣла я унести съ собою въ могилу — о мащерица! можете ли вы мнѣ повѣрить. — эпомъ жестокосердой, безчеловѣчной, достойной

презрѣнія измѣнникъ, увы! онъ все еще въ моемъ сердцѣ и я никого другаго любишь не въ силахъ!“

Въ эту минушу разтворилась дверь хижины; вбѣгаетъ Калаисъ; онъ повергается въ объятія своей мащери: машушка, милый другъ! сжалъсь, прости же отца моего! и уже Неандръ обнималъ колѣна Неозины. Мелиса онѣмѣвшая, неподвижная отъ изумленія, не могла произнести ни одного слова; упреки умерли на языкѣ ея: но милый младенецъ своими ласками смягчилъ бы жестокость шигра, и съ такимъ посредникомъ примиреніе послѣдовало въ ту же минушу. Поцѣлуи Калаиса освящали брачное поржество: любовь, согласіе, вѣрность переселились вмѣстѣ съ Неандромъ въ хижину Мелисы и Неозины. — Таково было слѣдствіе Плапоновой прогулки. Государь! сказалъ онъ Діонисію: дѣсять лѣтъ могущественнаго и блестящаго царствованія не дадутъ тебѣ того счастья, которымъ я наслаждался въ послѣдніе при дни подъ кровлею бѣдной хижины.

Съ Французскаго. А.

О дружбѣ и друзьяхъ.

Человѣкъ не созданъ бытъ одинокимъ ; душа его потребуетъ сообщества и только тогда можетъ она имѣть наспоющую свою цѣну.

Привязанность существуетъ и безъ взаимности, но дружба никогда ; ибо она есть договоръ, подобный другимъ договорамъ, но только самый священный. Будь, или прищворишься моимъ другомъ, тогда только можешь пріобрѣсти мою дружбу.

Дѣлишься чувствами необходимо для сердецъ чувствительныхъ. Въѣряемая горестъ спановишся сладкою и прогашельною ; дружба дана въ особенноти несчастнымъ для облегченія ихъ скорби, для услажденія ихъ спраданій.

Свидѣтель, кто бы онъ ни былъ, препяшшвуетъ изліянію дружбы. Есть мюжество пайнъ, которыя должны знать при друга, но которыя не иначе могутъ бытъ опкрышы, какъ только однимъ одному, и въ неприсущствіи прешьяго.

Сколь немногіе испытали сладостъ молчанія, задумчивости, спокойствія, беззабошнаго размыцленія съ самимъ собою въ присущствіи милаго ! друга Свѣтскіе люди

неимѣющъ понишя объ эшомъ наслажденїи. Разговоры между двумя друзьями неиспощимы, говорящъ они. Согласенъ, что языкъ сообщаетъ какую-то легкую болпливосшь привязанности обыкновенной но дружба! дружба! живое небесное чувство! Какой языкъ себя достоянъ! какія слова могутъ быть исполкователями твоихъ шайнъ! Что говоришь другу, замѣняешь ли то, что имѣешь въ сердцѣ чувствуя, что онъ съ тобой! О Боже! какъ много выражаетъ одно пожатїе руки, одинъ оживленный взглядъ, одно стѣсненїе въ объятїяхъ, одинъ слѣдующій за онымъ вздохъ — и какъ ничтожно, какъ холодно первое послѣ, того произнесенное слово!

Состоянїе спокойной задумчивости имѣетъ великую прелесть для человека чувствительнаго; но я всегда замѣчалъ, что присутствїе посторонняго мѣшаетъ имъ наслаждаться, и что два друга должны быть наединѣ, чтобы во всей полнотѣ вкушать удовольствїе молчанїя. Желаетъ, какъ сказать, углубиться одинъ въ душу другаго; тогда малѣйшее развлеченїе мучительно, малѣйшая принужденность несносна. Если случится, что сердце передастъ какое нибудь слово, успамъ, то нѣтъ ничего восхищительнѣе, какъ произнести это слово безъ помѣщательства; намъ кажется

ся, что мы не смѣемъ свободно мыслить, какъ скоро не имѣемъ свободы обнаруживать свои мысли. Присущствіе поспороннаго какъ будто налагаешъ узду на чувствво; оно спѣсняешъ души, которыя безъ сего свидѣтеля совершенно понимали бы одна другую.

Чувствво, прежде другихъ созрѣвающее въ душѣ молодаго человѣка, воспитаннаго со щцаніемъ, есть не любовь, а дружба. Онъ узнаешъ подобныхъ себѣ гораздо прежде, нежели ощущаешъ шайное влеченіе къ другому полу. Вотъ время, въ которое не прудно воспользовашься раждающеюся чувствительностію молодаго сердца, дабы посѣяшь въ немъ первыя сѣмена человѣколюбія и нѣжности — это единственное время въ жизни, въ которое душа, раскрывающаяся для чувствва, начинаешъ узнавать привязанность; тогда надобно окружись ея предметами добродѣтели и изящнаго.

Слабость привязываешъ человѣка къ общежитію: спрданія всѣмъ общія дѣлають его человѣколюбивымъ. Всякая привязанность означаешъ чувстввованіе собственнаго недостатка; если бы мы не имѣли нужды въ другихъ, мы не искали бы съ ними союза: отъ слабости нашей раждаешь и наше бренное щасліе. Истинно щаспли-

вымъ можетъ быть только существо отъ всѣхъ другихъ отдѣленное; но одному Богу известно счастье положительное, а человекъ не имѣетъ понятія о такомъ счастіи. И чѣмъ наслаждалось бы существо ограниченное, когда бы оно могло довольствоваться однимъ собою? Одиночество бѣдственно. Не имѣя ни въ чемъ нужды, не можемъ ничего и любить; а въ чемъ же счастье, когда оно не въ любви? Голосъ испытанной дружбы есть самый сильный владѣтель человеческого сердца: мы знаемъ, что онъ всегда говоритъ намъ для собственной нашей пользы. Я могу повѣрить, что другъ меня обманываетъ; но я никогда не повѣрю, что онъ желаетъ обмануть меня. Можно проливаться его совѣшамъ, и никогда не можно ихъ презирать.

Счастливецъ не знаетъ, любимъ ли онъ, говоритъ одинъ Стихотворецъ Лапшинскій; а я знаю: счастливецъ не умѣетъ любить.

Съ Франц.

Изъясно о Ривароль.

Ривароль, Французской авторъ, извѣстный въ республикѣ словесности по прекрасному переводу Данта, Разсужденію о всеобщемъ употребленіи Французскаго языка, Мѣлкому лексикону великихъ мужей и по многимъ другимъ произведеніямъ, былъ одаренъ большимъ остроуміемъ. По мнѣнію Французовъ въ умѣ Ривароля была и сила Монпешіе, и пылкость Дидерота, и шпнкость Фоншенеля, и оспрая живость Пирона. Языкъ и перо его были бѣги. Его Сатирической лексиконъ великихъ мужей сдѣлалъ многихъ ему врагами. Онъ умеръ на 47 году жизни; сія безвременная смерть не дала ему кончить нѣкоторыхъ сочиненій, которыя утвердили бы еще болѣе славу его имени. Выберемъ здѣсь изъ книги, вышедшей въ Парижѣ подъ названіемъ *Духъ Ривароля*, нѣкоторыя мысли его, осприя слова и анекдоты изъ его жизни.

„Живошное, наслаждающееся свободою, бѣжитъ уполить жажду въ ручѣ, который не пришекъ бы къ нему, погда какъ рѣки и моря поднимающся влажными парами, и преобращенные въ дождевыя облака, орошаютъ расшеніе жаждущее, но прикованное къ землѣ и ждущее къ себѣ

дождя. Человѣку, одаренному неограниченною свободою и дѣятельною промышленностію, Природа должна была приготовитьъ одни только матеріалы. Закрывая завѣсою полупрозрачною, она и прятала отъ него, а вмѣстѣ и обнаруживаетъ предъ нимъ дары своей благости. И такъ самимъ намъ было суждено предузнатьъ плодородіе земли въ употребленіи ея металловъ, вызвать изъ каменоломни зданія и грады, испробовать отъ спадъ одежду, отъ лѣсовъ корабли, отъ магнита ключь морей; самимъ намъ было предоставлено похитить песокъ у вѣтровъ, его разбивающихъ, и сотворя изъ него стекло, обратитьъ взоры наши на составъ непримѣтнаго насѣкомаго, или употребить его на окрышеніе новыхъ небесъ.

„Человѣку уединенному прилично имѣть мѣсто въ одной Натуральной исторіи, и по еще въ числѣ феноменовъ.

„Печатаніе аршиллеріи мыслей.

Людей не надобно считатьъ ни овцами, ни львами, а смѣсью шѣхъ и другихъ. Тирани, услащивающій въ нихъ одну подлую покорность первыхъ, и философъ одну жестокую неукротимость послѣднихъ, равно безразсудны и виновны.

„Память всегда готова къ услугамъ сердца.

„Немного Философїи отдаляетъ отъ религїи, много Философїи сближаетъ съ нею.

„Кришкѣ, скупой на время, ищетъ пшени въ Расинѣ, а красоту въ Кребильтонѣ.

„Монпешкѣй перьяется часто во множествѣ облаковъ, его окружающихъ; но частыя молнїи спасаютъ его.

„Чтобъ въ Литературѣ достигнуть до чего нибудь новаго, надобно переспавлять выраженїя, а въ Философїи переспавлять мысли.

„Въ свѣтѣ мы видимъ вообще болѣе ума, нежели дарованїй: общество богато умными людьми, а бѣдно людьми съ истинными дарованїями.

„Въ большихъ городахъ невинность послѣдняя добыча порока.

„Зависть, которая шумитъ и кричитъ, всегда неоспорожна: спросишь одной молчаливой.

„Исторїя оппимаетъ всякихъ мужей у забвенїя, сего безмолвнаго и жестокаго ширана, слѣдующаго вблизи за славою и пожирающаго въ глазахъ ея доспойнѣйшихъ ея любимцевъ.

„Делиль, въ Поэмѣ Сады, занимаясь судьбою *каждаго* стиха, не думалъ о жребіи *цѣлаго* шворенія.

„Ничто такъ часто не бываетъ въ ошущствіи, какъ присущствіе ума.

„Мирабо на все гошовъ для денегъ, даже и на доброе дѣло.

„Чипанъ Барема, елушанъ Арно и дурно обѣданъ: вошъ шо, чего я желаю своимъ врагамъ.

„Сынъ Бюфона есть бѣднѣйшая спашья въ Нащуральной ищоріи ошца.

„Единствѣнный великой мужъ, ошавшійся нынѣ въ Европѣ послѣ смерти Фридриха Второго, есть необычайная Жена, управляющая Россією.

„Кондорсетъ пицешъ опіумомъ на свиновыхъ лиссахъ.

„Судъ нравственности ужаснѣ суда законовъ. Первая пребуешъ не только чшобы мы избѣгали зла, но чшобъ мы дѣлали и добро; чшобъ мы не только назвали, но и на дѣлѣ были добродѣтельны: ибо она ссылаешся не на *общее уваженіе*, которое можно легко похипишь, но на *соблзвенное*, которое насъ никогда не обманываетъ.

„Мы никогда шакъ много не плачемъ, какъ въ возрастѣ надеждъ; но однажды ихъ попереявши, уже на все смопримъ сухимъ окомъ.

„Всякой возвышающійся человекъ уединяется, и можно сравнить гѣерархію умовъ съ пирамидою. Камни, находящіеся ближе къ фундаменту, опвѣчаютъ проспраннѣйшему кругу и имѣютъ много равныхъ себѣ; но чѣмъ болѣе идешь вверхъ, тѣмъ болѣе кругъ уменьшается, и наконецъ вышній камень, оканчивающій пирамиду, не принадлежитъ ни къ какому кругу: онъ одинъ.

„Природа гремитъ въ ухахъ ученыхъ людей тогда, какъ едва журчитъ въ ухахъ свѣпскихъ.“

Однажды за ужиномъ въ Гамбургѣ Ривароль замѣпилъ, что нѣсколько изъ присутствующихъ старались понять острое слово, вырвавшееся у него между многими другими: смопри, сказалъ онъ Французу, сидящему подлѣ него, Нѣмцы дѣлаютъ сборъ, чтобы понять и исполковать шушку.

Какой-то дуракъ хвастался передъ нимъ, что онъ говоритъ на четырехъ языкахъ. Поздравляю васъ! сказалъ Ривароль: вы имѣете всегда четыре слова для одной мысли.

Нѣкто прочиталъ ему длинное и скучное сравненіе Корнеля съ Расиномъ. Ваше сравненіе прекрасно писано, но оно немного долговаши, и я вамъ совѣщовалъ бы сказать просто: одного звали Пепромъ Корнелемъ, а другаго Иваномъ Расиномъ.

Аббашъ Беливѣръ просилъ у него эпиграфа для новаго какого-то своего шворенія. Къ сожалѣнію, могу вамъ служить одною щолько эпиграфѣю — отвѣчалъ Ривароль.

Ривароль не уважалъ Флоріановыхъ дарованій. Однажды встрѣшивъ его на улицѣ съ большою кипю бумагъ въ карманѣ, сказалъ онъ ему: Ахъ! милоспивый государь, если бы васъ не знали, то вы бы вѣрно были окрадены,

Онъ говорилъ объ Аббашѣ Вонсенѣ, шворцѣ многихъ надгробныхъ рѣчей: Никогда щакъ сильно не чувспвуецъ ничщожности чловѣка, какъ въ прозѣ сего орашора.

Его эпиграммы дѣлающъ честь его сердцу, сказалъ онъ однажды о какомъ-то неколкомъ остроумцѣ.

. . . . В. . . .

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Мое мечтаніе въ ночь осеннюю.

(Писано въ 1808 въ Саксоніи.)

Зари я вижу просвѣшъ милой ;
Я слышу свѣжій вѣтерокъ.
Гдѣ жь ты, давнишній мой дружокъ,
Съ швоей гармоніей унылой ?
Проснись, молчавшая давно,
Проснись прелестница драгая,
Подруга, арфа золошая !
Присѣвь въ часъ ночи подъ окно,
Хочу игрой швоей волшебной
Въ воспоминанье незабвенной
Свой духъ унылый усладить,
И мракъ окрестный оживишь !
Зови ко мнѣ мою супругу
Изъ хладныхъ нѣдръ земли сырой,
Да прежнюю мою подругу
Узрю въ красѣ ея земной !

*

О радость ! . . . Зефиръ повѣваетъ !
Свяпой я шрепетъ ощутилъ !
Не швой ли духъ съ небесъ слезаетъ ?
Сожилель крошкой горнихъ силъ !
Явился мнѣ, душа небесна !
Въ сіяньи Ангела любви,
Шепни : люблю , . . . слова прелестны ! . . .
И другомъ сердца назови ! —

*

Не пылъ . . . и въ звѣздочкѣ сребристой,
Не швой ли слѣдѣ, сей слѣдѣ огнистой,
Что взоръ мой та небѣ ловилъ?

О! — сколько духъ мой ни унылъ —
Едва увижу взоръ небесный,
Услышу голосъ твой прелестный,
Что ты мой другъ, — и что не вѣкъ
Въ несчастьяхъ спраждешь человекъ,
Что раноль, поздноль, но съ щобую
Я буду жить одной душою:
Ущбенъ я въ единый мигъ,
И нѣшь ужъ слезъ въ глазахъ моихъ!

*

И въ видѣ бабочки прекрасной
Не пылъ къ свѣшильнику лешишь?
Леши, спѣши къ душѣ несчастной,
Ты въ ней надежду возродишь;
Надежду, что въ предѣлахъ вѣчныхъ
Безсмертіе она найдешь
Съ щобой, и въ узахъ безконечныхъ
Союзъ нашъ шлѣнной оживеши. —

*

И лучъ, что въ густошѣ древесной
Ошѣ полныя луны скользилъ,
Не швой ли взоръ — швой взоръ прелестной
На лирѣ струны осребрилъ? . . .
Чтожь медлишь, милая супруга!
Явися въ образѣ своемъ,
Мой благодѣшель, другъ, подруга
Въ ничшожномъ, мрачномъ мирѣ семъ!
Мой Ангелъ — шамъ, гдѣ все нешлѣнно,
Все свяшо, вѣчно, непременно,
Душа швоя и красоша. . . .
Гдѣ жизнь ешь жизнь — а не мечта.

* *

II. НАУКИ и ИСКУССТВА.

МЕТАФИЗИКА. ПСИХОЛОГИЯ.

О предчувствованіяхъ во снѣ.

По опыту извѣстно, что иногда представляющія намъ во снѣ такія произшествія, которыя попомъ дѣйствительно сбываются. Какая была бы пому причина? какая сила производитъ это? Имѣетъ ли душа способность предчувствовать, или можно сіи предвѣщательные сны объяснить другимъ образомъ?

Въ твореніяхъ древнихъ мудрецовъ упоминается о подобныхъ сновидѣніяхъ. Цицеронъ (*) повѣствуетъ слѣдующій до-спомятый сонъ: Двое путешествующихъ друзей прѣзжаютъ въ Мегару. Одинъ изъ нихъ останавливается въ гостинницѣ. Другому являясь во снѣ другъ его и проситъ помощи, ибо онъ находится въ опасности лишиться жизни отъ руки хозяина.

(*) De divinatione lib. I. cap. XXVII, Valerius Maximus lib. I. cap. VII.

Первый хочеть бѣжать въ гостиницу на помощь своему другу; но вспомнивъ, что это одинъ сонъ, ложися опять спать. Лишь только омыкаеть глаза, какъ другъ его опять споймъ предъ нимъ и заклинаеть его, чтобы онъ по крайней мѣрѣ не оставилъ его смерни безъ опмщенія, и что шрупъ его, закрытый навозомъ, везушь теперь за городъ. Онъ снова пробуждается, бѣжитъ въ городскимъ ворощамъ, находивъ шелегу и предавъ виновника суду. *Плиній* (*) рассказываетъ объ одной женщинѣ, копорой приснилось, что ея сынъ, находившійся въ лагерѣ и страдавшій отъ боязни воды, просишь ее прислать шиповнику; мать исполняеть его шребованіе, и онъ исцѣляется отъ болѣзни.

Цицеронъ повѣствуетъ, что *Еней* видѣлъ во снѣ всю свою учась.

Супругъ *Юлія Цезаря* приснилось, что онъ весь обогреный кровію упадаеть къ ней на колѣни: она просишь его не выходить изъ дому; но *Юлій Цезарь* не исполняеть ея прозьбы, и плашишь за шо жизнью.

Супруга *Генриха II*, Короля Французскаго, видѣла во снѣ, что Король ли-

(*) *Historia Natural. lib. V. cap. XI.*

шился глаза. На одномъ турнирѣ въ самомъ дѣлѣ поразили его въ глазъ, отъ чего онъ и умеръ.

Я упомянулъ бы чипапелей, если бы спалъ рассказывать многіе подобные сны; но какъ повѣсповашели оныхъ люди достойные всякаго вѣроятія, по и не лзя сомнѣваться въ истинѣ сихъ повѣспованій. И такъ сспашся только сдѣлашь опѣвшъ на вопросъ: имѣетъ ли душа способность предчувспвовать въ продолженіе сна, хотя она лишена сего дара во время бодрспвованія, и чрезъ по предузнавать будущее? Или подобныя сновидѣнія, копорыя въ послѣдспній исполняются, можно объяснить совсѣмъ другими причинами, нежели способностію души предчувспвовать и предузнавать будущее? Если сіи сны хорошенко изслѣдуютъ, по увидятъ, что суевѣріе и склонность къ чудесному не рѣдко украшаютъ ихъ неправдою и спранностями. О безчисленномъ множествѣ несбывшихся сновъ весьма благоразумно умалчиваютъ, для того чшобы случайно исполнившіеся могли казаться чудеснѣе. Не въ природѣ человѣческой искашь происхожденія и исполненія такихъ сновъ; но за удобнѣйшее сочли признашь ихъ чрезвычайными, сверхъестественными и разумъ человѣскій превышающими явленіями. Подобныя

сновидѣнїя почипали вдохновенїемъ божества и благихъ духовъ. У Египтянъ, Іудеевъ, Грековъ и Римлянъ сны были въ большомъ уваженїи и служили испочинкомъ обмана. Прослоюдины и знашныя нынѣшнихъ временъ вѣрять еще нѣкоторымъ снамъ и находящъ въ нихъ всякїя значенїя и предсказанїя.

Такїе предзнаменовательные сны, которые исполняются, можно раздѣлить на три класса :

1.) На сны, происходяще отъ физическихъ причинъ, заключающихся въ шѣлѣ.

2.) На такїе, которые происходятъ отъ нравственныхъ причинъ предвидѣнїя.

3.) На сбывающїеся случайно.

Отъ физическихъ причинъ суть слѣдующїе :

Нѣкто видѣлъ во снѣ, что онъ будетъ боленъ, и въ самомъ дѣлѣ занемогаетъ; или ему приснилось, что выздоравливаетъ, и онъ выздоравливаетъ. Сверхъ того что сила воображенїя и происходящїй отъ онаго страхъ или надежда къ тому способствующъ (какъ по мы увидимъ ниже изъ многихъ примѣровъ), сїи предчувствованїя могутъ еще произойти и отъ того, что

душа во время сна болѣе спокойная и сама себѣ преданная — ибо тогда она бываетъ опчаспи свободнѣе отъ впечатлѣній наружныхъ чувствъ — удобнѣе можетъ примѣчать въ снѣ малѣйшія перемѣны и имѣть предчувствія о соспоянїи здоровья или болѣзни телесной. Есть даже примѣры, что люди во время бодрствованія могутъ навѣрное предвидѣть предсказующую имъ болѣзнь.

Отъ *нравственныхъ* причинъ предвидѣнія, зависящихъ отъ общоисшельствъ и хода идей человѣческихъ, происходятъ слѣдующіе сны: Солдату приснилось, что онъ пойдетъ въ походъ; ученому, что онъ будетъ Профессоромъ; купцу, что онъ заключитъ выгодной торгъ, и сїи сны исполнились. Здѣсь причина заключается въ томъ, что сїи люди во время бодрствованія часто думали объ этомъ, и что они находились въ такомъ положенїи, что ихъ сны легко могли сбыться.

По случаю: Кто будетъ щцательно примѣчать сны свои, тотъ увидитъ, что изо сна сновъ можетъ быть ни одинъ не исполняется; но склонность къ чудесному производитъ то, что мы охотно сами себя обманываемъ. Мы забываемъ о безчисленномъ множествѣ несбывшихся сновъ, а

объявляемъ за чудо шопъ, который случайно исполнился. Вѣрованіе въ исполненіе сновъ, когда спраши (какъ - то страхъ, боязнь, надежда) возбуждающа онымъ, такъ же способствуетъ къ событію.

Нѣкто видѣлъ во снѣ, что снѣ упадетъ и повредитъ себѣ ногу. Страхъ и боязнь не позволили ему твердо спунуть, — онъ падаетъ и въ самомъ дѣлѣ повреждаетъ себѣ ногу. Сіе вѣрованіе въ предвѣщательные сны ни на что не имѣетъ такого вліянія, какъ на здоровье и болѣзнь человѣческую. Много есть примѣровъ, что нѣкоторымъ людямъ видѣлось во снѣ, что они въ извѣстное время умрутъ; увѣренность въ исполненіи сего сна сдѣлала ихъ унылыми, печальными; они посковали, чахнули и умерли. О днѣ и часѣ совсѣмъ почти не думая, только они умерли, и вопъ предвѣщаніе сна уже сбылось. Къ сему роду сновъ, которые въ самомъ дѣлѣ способствуютъ смерти человѣка, принадлежатъ и шопъ, о которомъ повѣствуетъ покойной Гальской Профессоръ *Майеръ*. Однажды приснилось молодому Гальскому студенту, что онъ былъ на тамошнемъ кладбищѣ, и нашелъ свое имя и день своей смерти ясно написанные на надгробномъ камнѣ — только послѣдняя цифра года заросла мохомъ; онъ хотѣлъ соскрестъ его, и

шу самую минушу проснулся. Онъ записалъ весь эпитъ сонъ, запечатавъ бумагу, и заперъ ее въ свой письменной споль, будучи совершенно увѣренъ, что скоро и въ назначенный день умретъ. Незадолго до смерти онъ опдалъ ключъ опъ письменнаго сполы Профессору, копорой, по распечатаніи бумаги, нашелъ, что сонъ почно сбылся; ибо студентъ умеръ въ назначенный день. Здѣсь также дѣйствовала сила воображенія; опъ спраха и боязни шѣлесныя силы его пришли въ шакое расслабленіе, что онъ наконецъ совсѣмъ испостились.

Есть также примѣры, что при опасныхъ болѣзняхъ сонъ, предвѣщающій выздоровленіе, дѣйствительно способствуетъ къ возстановленію здоровья. Въ слѣдующей исторіи заключающся оба случая. Нѣкто на 27 году сдѣлался споль опасно боленъ, что врачи начали опчаяваться въ его выздоровленіи; они увѣрили его родспвенниковъ и прочихъ при немъ находившихся, что больной безо всякой надежды; но спрадалецъ былъ веселъ, спокоенъ и въ ушѣшеніе при немъ бывшихъ сказалъ: не лзя еще на вѣрное положить, что я умру; ибо моя покойная машь увѣрила меня во снѣ, что я опяшь выздоровлю, а умру не прежде 30 лѣшь опъ роду, Онъ дѣйствительно умеръ въ срокъ по предсказанію.

Выше сего упомянушой Цицероновъ сонъ можно располковать слѣдующимъ образомъ. Два друга, вѣроятно, разлучились до прибытія въ гостиницу. Можетъ быть одинъ изъ нихъ видѣлъ шамъ шелѣгу съ навозомъ. Вѣроятно также и то, что хозяинъ многократно уже дѣлалъ убійства, потому что онъ умѣлъ такъ искусно сироваживать убишыхъ. Можетъ быть другъ его имѣлъ подозрѣніе; можетъ быть физіогномія прахширщика ему не понравилась; можетъ быть спашься онъ сказалъ своему другу о предстоящей ему опасности. Слѣдовательно сонъ могъ произойти отъ безпокойства обѣ его другѣ. Весьма естественна, что всѣ предметы, которые онъ видѣлъ днемъ, представились ему ночью, и что онъ проснулся точно въ то самое время, какъ вѣхала шелѣга съ двора. Тутъ итъ ничего невѣроятнаго; ибо другъ могъ проснушья отъ безпокойства, которое причинили ему оба сна.

Прошу извинить меня въ томъ, что я помѣщаю разсужденіе мое въ семъ Журналѣ. Но если видишь, сколько людей, въ числѣ которыхъ есть впрочемъ много образованныхъ и умныхъ, вѣривъ предвѣщательнымъ снамъ; сколько простой народъ уважаетъ ихъ, и сколь велико зло происшедешъ отъ того для человѣчества;

шо всѣ старанія по возможности испребитъ сѣ пагубное суеврїе не будутъ излишними; если же сверхъ того, какъ явствуетъ изъ многихъ примѣровъ, сѣ безумное суеврїе можетъ еще разспроить здоровье челоѵка; если поврежденная сила воображенія часто влечетъ за собою смерть; если сонъ не рѣдко бываетъ поводомъ къ убійству: то не должно ли всѣми силами стараться вывести народъ изъ заблужденія? Желательнo, чинобы проповѣдники избирали иногда сны предметомъ для своихъ поученій, обнаруживали прихожанамъ своимъ господствующіе предразсудки и ясно полковали бы имъ ничтожность оныхъ.

*Докторъ Саломонъ Либ-
шицъ, Членъ многихъ уче-
ныхъ Обществъ.*

III. С М Ъ С Ъ.

Описание ботаническаго сада Е. С. Графа А. К. Разумовскаго, въ Горенкахъ близь Москвы.

(Изъ письма одного путешественника.)

Достопамятный ботаническій садъ Графа Разумовскаго, въ Горенкахъ находящійся, извѣстнѣе въ чужихъ краяхъ, нежели въ Россіи. Еще будучи въ Парижѣ, слышалъ я разговоры многихъ ученыхъ, которые съ изумленіемъ опзывались о семъ чудѣ Естественной исторіи. Садъ сей натурально былъ однимъ изъ первыхъ предметовъ моего любопытства, когда я въ Москву пріѣхалъ.

Нѣкоторые изъ моихъ пріятелей вызвались проводить меня. Загородной домъ Графской стоить на большой Сибирской дорогѣ, въ шестнадцать верстахъ отъ столицы. Кто бы чаялъ здѣсь посреди сѣвернаго пояса, отдаленнаго отъ знаій и пособій наукъ прочей Европы, на пуши къ пусынной Сибири, найти прекраснѣйшіе храмы Флоры и увидѣшь восхищительное собраніе почти всѣхъ извѣстныхъ прозябеній нашего земнаго шара!

Почтенный Директоръ сада принялъ насъ дружелюбнѣйшимъ образомъ. Невсегда нахо-

дипль можно въ ученыхъ любезную услужливостъ и пошъ ласковой видъ, кошорымъ еще болѣе възвышается внушреннее достоинство.

Домъ Графа величественъ и простъ. Самодержавный Государь не безъ удовольствія проводилъ бы въ немъ лѣшнее время года. Внушренность соотвѣтствуетъ наружности; вездѣ соединена величественная простота съ достоинствомъ. Передъ домомъ находится пространная большимъ валомъ и рвомъ обнесенная площадь, на кошорой видны пруды и рощицы недавно насажденные; она предназначена для звѣринца. Насъ провели большими ворошами въ сѣни, откуда мы всушили въ оранжерею, подъ кошапами перваго ешажа находящуюся и въ длину болѣе двухъ сотъ шаговъ простирающуюся. Мы очутились посреди искусственного сада изъ померанцевыхъ и лимонныхъ деревьевъ, стоящихъ въ шрехъ густыхъ рядахъ и составляющихъ длинныя аллеи. Намъ казалось, что мы переселились въ прелестныя рощи Неаполишанскія. Всѣ деревья украшались плодами, кошя уже и въ нынѣшнемъ году снято оныхъ болѣе шрехъ тысячъ. Изъ оранжереи вышли мы на шеррасу, мраморными статуями украшенную; удивлялись прекрасной мраморной вазѣ, стоящей на дерновой площади; а прошедши Англійскій садъ и два Кишайскіе моста, достигли до большаго зданія, въ кошоромъ храняшся книги и собранія шравъ и сѣмянъ.

Библиошека есть одна изъ знашнѣйшихъ въ Россіи, и въ разсужденіи богашства книгъ, до Естественной исторіи касающихся, а особливо до Бопаники, неуступаетъ ни одной

въ Европѣ, немедленно доставляются въ неѣ-
 атѣ Графа новѣйшія и самыя дорогія сочине-
 нія; памѣ, на примѣрѣ, нашелъ я уже нѣ-
 сколько экземпляровъ Нѣмецкихъ дорогихъ со-
 чиненій: *Люзитанскую Флору* Графа Гоф-
 маннсега, первыя шепради *Флоры Таври-
 чска - Кавказской* Маршала Биберштейна,
Сибторпову Флору Греческую, драгоценныя
Сочиненія Гумбольдта, и *Бонпланда*, *Ди-
 лейныя растѣнія Редуще*, *Веншенациа* и дру-
 рія книги,

Кромѣ большаго собранія сухихъ растѣній,
 ежедневно умножаемаго путешествующими на
 иждивеніи Графа естество - испытателями,
 также перепискою производимою съ величай-
 шею точностію и дѣятельною ботаническою
 ибною со всею Европою, находящаяся здѣсь важ-
 ныя, извѣстные правники покойнаго *Пот-
 та* и *Бухша*, выписанные Графомъ изъ Гер-
 маніи, равно и недавно умершаго Профессора
Германна въ Дерптѣ, и часть правника
 достопочтеннаго Русскаго испытателя при-
 роды *Палласа*, коего одно безсмертное имя
 придаетъ неопытенное достоинство всему со-
 браженію. Въ собраніяхъ сѣмянъ, сохраняемыхъ
 въ особой залѣ, находящаяся преимуществен-
 но многія рѣдкія, въ опдаленнѣйшихъ стра-
 нѣхъ Россіи произрастающія; онѣ приумно-
 жены Китайскими, Тибетскими, Камчатскими,
 Японскими и Бразильскими сѣмянами,
 которыя доставлены путешественниками, со-
 провождавшими Россійское посольство въ Ки-
 тай и Капичана Крузенштерна около свѣща.

Изъ сѣмянъ привезенныхъ Докторомъ *Ре-
 маюмъ* изъ Тибетской ацшеки и Докторомъ

Дансдорфомъ изъ Уналашки, вошли въ собраніе многія совсѣмъ неизвѣстныя растѣнія, копорыхъ еще нѣтъ ни въ какомъ саду Европейскомъ. Находящійся нѣсколько лѣтъ въ западной Персіи, на Кавказѣ и въ Крыму Надворный Совѣтникъ *Стевенъ* дѣятельностію своею споспѣшествовалъ обогащенію сего зааса. Кромѣ многихъ другихъ достопримѣчательныхъ Естественной науки предметовъ изъ всѣхъ царствъ природы, находится здѣсь богатое, въ наилучшемъ порядкѣ и сохранности расположенное собраніе насѣкомыхъ, которое приводится въ совершенство путешествующимъ по Южной Азіатской Россіи ученымъ *Беншомлогамъ*, Докторомъ *Таушеромъ*.

Отсюда повели насъ въ теплицы, копорыхъ числомъ 40; изъ нихъ 14 предназначены единственно для Ботаники; въ прочихъ содержатся плодовиыя растѣнія, на примѣръ прекраснѣйшіе ананасы, коихъ болѣе 2000; различные виды винограда, косянки (*Steinfrucht*) и п. д. Сіи теплицы съ плодовиыми растѣніями по большей части выстроены изъ камня, а собственно ботаническія изъ дерева, и стоятъ всѣ рядомъ. Передъ ними находится насыпь для шравъ, кустарниковъ и деревъ, на вольномъ воздухѣ распущихъ; онѣ расположены по достопримѣчательной естественной системѣ г-на *Жюсье*, такъ что однимъ взглядомъ объять можно всѣ фамиліи въ гармоническомъ еродствѣ оныхъ.

Сыррано видѣшь, какъ здѣсь чада средняго пояса переносятъ суровость зимы, и напрошивъ много нѣкокорыя растѣнія хладной Сибири никакимъ образомъ на открытомъ воздухѣ

не произрастаютъ, а пребываютъ для себя мѣста въ щеплицахъ. Такъ Природа по видимому иногда прошиворѣчитъ сама себѣ въ расшительномъ своемъ царствѣ! У каждаго растѣнія на палочкѣ находится нумеръ и имя. Намъ показывали садоваго ученика, получившаго сыпь по всему тѣлу, а особливо на конечностяхъ, производящую сильной зудъ, подобную лишаямъ и продолжающуюся нѣсколько недѣль; она явилась отъ прикосновенія къ растущей здѣсь *ядовитой валлѣ* (*Rhus toxicodendron.*).

Съ какимъ шикомъ, преисполненнымъ благоговѣннѣмъ восхищеніемъ, вступаютъ равно и несвѣдущій и знающій во внутренность сихъ священныхъ, въ конорыхъ первая, неизбѣжная жизнь творенія въ безчисленныхъ органическихъ образахъ, въ самыхъ простыхъ, въ самыхъ нѣжныхъ, величественнѣйшихъ, пестрѣйшихъ видахъ, намъ являясь, и доставляетъ чувствамъ новыя, неизвѣстныя наслажденія, а душу погружаетъ въ глубокое размышленіе! Между тѣмъ какъ одинъ отъ разсмащиванія прекрасной полночи, отъ восхищительнаго многообразія, отъ многообразія неизвѣстныхъ цвѣточныхъ чашечекъ, отъ многообразныхъ листовъ, отъ гибкихъ вьющихся стеблей и вѣтвей, отъ спелющихся едва видимыхъ мховъ, и гордыхъ столбовъ пальмы, приходишь въ изумленіе, — испышашель природы приближается какъ знакомецъ съ опраднымъ чувствованіемъ свиданія; находитъ здѣсь многихъ приятелей своихъ изъ лучшихъ странъ, многія любезнѣйшія существа, коноры онъ видѣлъ и собиралъ нѣкогда на Альпахъ Гельвеціи, или въ пустыняхъ Африки, или въ величествен-

ныхъ странахъ Америки, на утесахъ Шимборазо. — Отъ иссопа до кедра, отъ самаго малѣйшаго папоротника до благороднѣйшихъ растѣній пропиковъ, всѣ здѣсь находящяся въ одномъ мѣстѣ. Зришель незнакомый съ Бошаникою оспанавливается съ великимъ любопытствомъ при финиковомъ деревѣ (1), при кокосовой (2) и саговой (3) пальмѣ, при различныхъ бананахъ, при сахарномъ (4) и бамбусовомъ (5) просшникѣ, при чайномъ кустарникѣ (6), при казуаринѣ (7) восточныхъ островитянъ, при крѣпкомъ подобно желѣзу, шелковомъ льнѣ Новозеландскомъ (8), при различныхъ куснахъ хлопчатника (9), при красномъ деревѣ (10), при канфорномъ деревѣ (11), при драконникѣ (12), при орѣшникѣ Индѣйскомъ (13). Мы удивлялися всегда движущемуся раздражительному копешнику (14); ошвѣдывали листья квасси, корицы и многихъ другихъ растѣній; видѣли вѣющуюся ваниль, цвѣшную

-
- (1) Dattelpalme. *Phoenix dactylifera*.
 - (2) Cocospalme. *Cocos nucifera*.
 - (3) Sagopalme. *Cycas revoluta*.
 - (4) Zuckerrohr. *Saccharum officinarum*.
 - (5) Bambusrohr. *Bambusa arundinacea*.
 - (6) Theestaude. *Thea Bohea*. *Thea viridis*.
 - (7) Keulenbaum. *Casuarina fricta*. *Casuarina torulosa*.
 - (8) Seidenflachs. *Phormium tenax*.
 - (9) Gossypium.
 - (10) Acajoubaum.
 - (11) Kampherbaum. *Laurus camphora*.
 - (12) Drachenblutbaum. *Dracaena draco*.
 - (13) Catechubaum. *Accacia catechu*.
 - (14) *Hidysarum gyrans*.

ную здѣсь въ первой разѣ въ Европѣ. — Всѣ печи были наполнены благовоиѣмъ пахучей маслины, кошорою Китайцы иногда приправляютъ чай. — Различныя зданія, черезъ которыя мы проходили, большею частію суть печи, каждая въ длину отъ 50 до 70 футовъ. — Самая обширнѣйшая изъ нихъ есть конечно одна изъ высочайшихъ и единственна въ своемъ родѣ. Высота ея простирается до 40 футовъ. Окружность ея представляетъ видъ осмиугольника. Вверху кругомъ выспроена галерея, съ которой можно обнять взоромъ пропическую лѣсъ (*), и наслаждаться созерцаніемъ единственныхъ красотъ высокаго Барбадскаго кедрѣ, различныхъ музъ (**), Китайской липши и проч.

Въ галерею входъ по лѣсницѣ изъ сѣней Ботаническаго храма и чрезъ нѣсколько прекрасныхъ комнашекъ, находящихся на сѣверной сторонѣ въ одинакой высотѣ съ галерею. Здѣсь очень удобно могло бы помѣститься нѣсколько ботаниковъ; какъ жрецы сего храма, въ святилищѣ самаго Естества между драгоцѣннѣйшими и прекраснѣйшими предметами могли бы они удовлетворять свое благородное любопытство, и оцѣплясь отъ суроваго нашего климата, мысленно переселяясь въ очаровательныя поля и роци обѣихъ Индій.

Съ удовольствіемъ примѣчаетъ всякой въ семъ огромномъ зданіи, съ какимъ-безпримѣрнымъ стараніемъ заботятся здѣсь о томъ, чтобы большія растенія и деревья имѣли нужное для себя пространство. Нигдѣ болѣе не

(*) Деревъ подъ пропиками растущихъ.

(**) Бананен. *Musa paradisiaca*. *Musa sapientum*.

некутся объ отдаленіи препяшпвій, недозво-
ляющихъ достигать ещеспвеннаго роста, въ
высопу и шолщину.

Зданіе сіе нашапливается двумя чугу-
ными печами, которыхъ вѣсѣ простирается
до 200 пудовъ. Во всѣхъ оранжереяхъ и теп-
лицахъ прозябаешъ шеперь отъ 8 до 9 тысячъ
различныхъ видовъ. Поняшь невозможно, ка-
кимъ образомъ сіе заведеніе, въ короткое де-
сятилѣтнее время достигло до такого совер-
шенства, которое спавинѣ его на ряду съ
първѣйшими ботаническими садами, одолжен-
ными цвѣшущимъ своимъ состояніемъ един-
ственно продолженію многихъ лѣтъ и особен-
ному покровительству Монарховъ! Спослѣство-
ствовали къ сему какъ пошоянная охота къ
Ещеспвенной исторіи и швердое познаніе наукъ
акаменишаго Хозяина, которой не щадилъ ника-
кихъ издержекъ, такъ и удачный выборъ му-
жей, которыхъ распоряженію все сіе заведе-
ніе препоручено было. Назадъ тому около пять-
надцаши лѣтъ, сдѣланъ былъ первый опытъ
ботанической оранжереи Профессоромъ *Стефа-
ножь*, находившимся тогда въ Москвѣ. Одна-
ко сей зародыщъ едвали общалъ богатые
плоды спаранія и порядка, шеперь здѣсь цар-
сшвующихъ. Преемникомъ его былъ, недав-
но въ Камчаткѣ слишкомъ рано для наукъ
умерщій, Докшоръ *Редовскій*, который пере-
пискою со славнѣйшими ботаниками, преиму-
щественно же съ Англійскими садовниками, до-
сшавилъ вскорѣ начашому дѣлу благопріяшное
направленіе, и собраніе расшѣннй обогатилъ
множесшвомъ предметовъ. Еще до пущеше-
ствія его съ Россійскимъ посольствомъ въ Ки-
тай, для котораго онъ вызванъ Президентомъ
С. Пешербургской Академіи, былъ опредѣ-

ленъ помощникомъ ему Г. Докторъ Фишеръ, привезшій сюда изъ Гальберштапта по рекомендаціи Профессора Шпренгеля. Нынѣшнимъ совершенствомъ своимъ, богатствомъ находящихся растѣній, приспойнымъ и искуснымъ содержаніемъ обязанъ сей садъ единственно несравненной дѣятельности сего превосходнаго молодаго ученаго, коего имя должно быть теперь поставлено между первыми знаменитостями въ Ботанической наукѣ. Здѣсь видно, что могутъ произвести глубокія познанія, соединенныя съ любовью и ревностію! Сія знанія употребляютъ здѣсь не только шехнически, но съ истиннымъ философскимъ духомъ, и нигдѣ сполько не обращается вниманія на фізіологію растѣній и на взаимныя ихъ отношенія.

Директоръ неусыпно смотритъ за всѣмъ садомъ, печется о воспитаніи и жизни каждаго всходящаго растѣнія, и съ неушомимымъ прилѣжаніемъ ведетъ переписку со всѣми справами свѣта. — При семъ онъ никогда не перестаетъ изъ вида главной цѣли, ш. е. обогащенія и распространенія познаній о растѣніяхъ споль богатои природными сокровищами Россіи; для того или отправляются въ отдаленнѣйшія страны путешественники, или нарочно посылаются во многія мѣста собиратели, которые ежегодно доставляютъ въ Горенки великое множество сѣмянъ и растѣній.

Сими способами, правники и оранжереи обогащены многими новыми видами, и даже нѣкоторыми новыми родами, на пр. *tauschetia*, которой есть теперь уже два вида. За нѣсколько лѣтъ передъ симъ Доктору Фишеру дакъ былъ въ помощь Докторъ Лондесъ, изъ Геттингена; но онъ умеръ на пути къ Кавка-

зу. — Изъ числа находящихся въ сѣверной Сибири путешественниковъ, Докторъ Таушеръ въ прошломъ годѣ доставилъ богатую добычу изъ окрестностей Индерскаго солянаго озера, находящагося въ степи Киргизской. Путешествующій по Уралу, служащій при Московскомъ Университетѣ г. Гельмъ, неутомимостію своею много споспѣшествовалъ умноженію Горенскихъ сокровищъ.

Подъ управленіемъ г-на Фишера прудился весьма искусный садовникъ, г. Пельцель изъ Франконіи, и работающъ 34 садовыхъ помощника, болѣею частію крѣпостныхъ людей Графа. Сверхъ того каждое мѣсто болѣе 70 работниковъ занимающа здѣсь украшеніемъ Англійскаго сада, извивающагося чрезъ большой паркъ многими кривыми дорожками и богатаго прекрасными прудами и каналами.

Ежегодное содержаніе сада вѣроятно должно стоить Хозяину около 50,000 рублей. Но цѣна всего заведенія безъ сомнѣнія простирается до полумилліона, не полагая въ сей счетъ постройкія увеселительнаго преобширнаго каменнаго въ при ешажа съ флигелями и службами дома, устройкія Англійскаго сада, звѣринца и пр., что все въ сложности конечно составитъ болѣе милліона рублей. Одна кора для грядъ, привозимая сюда во многихъ сошняхъ воевъ изъ Московскихъ кожевенъ, стоить болѣе 2000 рублей въ годъ, не считая дровъ, кои вывозятся изъ собственныхъ Графа Разумовскаго лѣсовъ, и коихъ употребляется для ботаническихъ заведеній въ годъ болѣе двухъ тысячъ сажень: одно лишь доставленіе сихъ дровъ на мѣсто

составляетъ издержку, до 15 ти тысячъ рублей проспирающуюся.

Назадъ пому нѣскольکو мѣсяцовъ, Докторъ Фишеръ, Московскій Профессоръ Гофманъ и Докторъ Юсифъ Либошицъ, соединяся съ первыми учеными мужами въ Европѣ, учредили *Фитографическое общество*, имѣющее цѣлю не только приводить въ большее совершенство Горенки, но и самой наукѣ приносить пользу своими сочиненіями. Здѣсь кромѣ прочаго видѣли мы усовершенную и въ наилучшемъ порядкѣ содержимую больницу, съ небольшою аптекою, при которой находится лѣкаръ. Учрежденіе сего заведенія служило доказательствомъ, что Графъ Разумовскій, стараясь увеличить и довести до цвѣтущаго состоянія Горенки, ошнудъ не упускаетъ изъ вида помогать спраждущему челоувѣчеству. Я не упомянулъ еще о находящемся здѣсь богатомъ собраніи минераловъ, которое самъ Графъ со всевозможнымъ тщаніемъ расположилъ и привелъ въ наилучшій систематическій порядокъ.

Желательно, чтобы сіе единственное въ своемъ родѣ заведеніе, достигшее въ столь короткое время до такого высокаго совершенства, приносящее честь какъ своему Основателю, такъ и цѣлой націи, навсегда оставалось въ нынѣшнемъ цвѣтущемъ состояніи.

N.

Б е з д ѣ л к и.

Нѣкто изъ ученыхъ, желая распространить молву о славѣ своей дѣлѣ К. уѣзда, въ которомъ онъ жилъ, вздумалъ издавать журналъ подъ именемъ *Уранин*. Планъ сдѣланъ, матеріалы готовы; недоспаешъ одного эпиграфа. Бѣда! безъ эпиграфа и книга не книга! Искать здѣсь, шамъ, въ библіотекахъ господъ городскихъ жишелей . . . наконецъ находишь онъ въ стихотвореніяхъ Державина: *Витѣйствуютъ ураньи въ школахъ*, и съ воспортомъ беретъ стихъ сей для эпиграфа къ своему изданію. Слова *витѣйство*, *ураньи*, *школы*, показались ему какъ нарочно для него прибранными. Но Воже мой! какъ судьба надъ нимъ подшучила! слово: *ураньи*, есть опечатка! настоящій стихъ долженъ быть: *Витѣйствуютъ уранги въ школахъ*. Какой ударъ для бѣднаго журналиста и какое оружіе насмѣшникамъ!

*

Д. Вы знаете Изидора? П. Знаю; очень *хорошій человекъ*! Д. Я много слышался объ его честности. П. Можешь быть; не думаю однакожь, чтобъ Изидоръ имѣлъ въ чемъ нибудь слишкомъ строгія правила. Д. Онъ добрый сынъ, хорошій братъ, нѣжный и вѣрный супругъ? П. Да; ошца - то онъ правда

никогда невидитъ; спарикъ не выбзжаетъ никогда изъ своего села, а сынъ изъ Москвы; съ сестрою за чпо - по онъ не очень въ ладу, а съ женою живетъ не хуже другаго. — Д. Чпо же? Изидоръ ревностный папріотъ, неупомимо служишъ опечеству? — П. О, всѣмъ нѣшъ! его, нѣсколько лѣшъ шому назадъ, обошли чиномъ, и онъ немедленно вышелъ въ опспавку съ швердымъ намбрениемъ никогда впредь не всшупашъ въ службу. — Д. За чпо же вы его называете хорошимъ чловѣкомъ? П. А вы къ чему высшупаете съ правилами вашихъ Капоновъ, Эпикшеповъ? Вы всегда забываете, чпо вы живете въ нашемъ вѣкѣ! Д. Извините меня; въ самомъ дѣлѣ забылъ. . . .

*

Недавно перебирая разныя Русскія книги въ библіотекѣ нѣкопорого любителя опечественной словесности, я нашелъ маленькую книжку, напечатанную въ 1795 году, и достойную по многимъ содержащимся въ ней піесамъ бышь опличенною опъ кучи книгъ, лежащихъ въ нашихъ книжныхъ лавкахъ. Я говорю *О подражаніи древнимъ* Николая Эмина. Въ этомъ собраніи чпшашель найдешъ нѣкоторыя стихопворенія Анакреона, Сафы, Теокриша, Біона, Мосха, Кашулла, и двѣ оды Горация; переложенныя стихами на Русской языкъ. Стихопворенія взяшыя изъ Анакреона лучше другихъ обрабошаны подрашелемъ; можешъ бышь пошому, чпо онъ болѣе нравились ему, и чпо духъ оживляющій пѣснопѣнія Греческаго поеша болѣе сходенъ съ духомъ нашего. На примѣръ ода *Амуръ, увявленый пчелою*, должна спояшъ на ряду съ лучшими анакреоншическими одами на на-

жемъ языкѣ извѣстными. Какая пріятная легкость въ слѣдующихъ стихахъ :

Однажды рѣзвый Купидонъ,
 Въ кусточкахъ розовыхъ играя,
 Прервалъ безъ мысли, и не зная,
 Трудолюбивой пчелки сонъ.
 Хошь пчелка, сердце естъ у ней!
 Амуру пчелка заплашила;
 Амура въ палецъ уязвила;
 Жужжишь и скрылась межъ лилей.
 Спрадаешь богъ и слезы льешь,
 Не можешь боли снести ужасной;
 Лешишь къ Венерѣ онъ прекрасной,
 Кричишь: нѣтъ силъ... ой! руку рвешь.

Осьмая ода подъ именемъ *Желанія* не успушаетъ эпою, и также сдѣлала бы честь всякому. Однимъ словомъ скажемъ, что всѣ оды, переведенныя изъ Анакреона, можно читать съ большою пріятностію.

Нѣкоторыя опрѣзки изъ стихопвореній Сафы переведены удачно, также какъ и Идилліи Біона и Москуса; но признаюсь, что для славы издашеля я не желалъ бы въ этомъ собраніи видѣть перевода двухъ одъ Кацулла и Горация, а съ ними и Теокришовой Идилліи, хошя она и лучше ихъ. Замѣшимъ также, что и въ хорошихъ своихъ подражаніяхъ г-нъ Эминъ не наблюдаетъ всегда числосы слога и спрогихъ, но необходимыхъ правилъ вкуса, на примѣръ: онъ вкладываетъ въ уста Амура слово *пожалуйста*, слово простонародное, кошораго вѣрно Купидонъ, говоря по Русски, никогда бы не употребилъ. Въ другомъ мѣстѣ онъ заставляешь любовника говорить любовницѣ своей:

*Но сходноль съ сердцежь тво, съ твоимъ
умомъ?*

Любовные упреки едва ли выражаются такимъ языкомъ! въ одномъ шолько шуточномъ слогѣ позволено говорить о Венерѣ какъ будто о какой нибудь Коллежской Совѣшницѣ:

*Сказавъ сие, она изволила вдругъ скрыть-
ся,*

А эшопѣ стихѣ находишь во второй Бюновой Идилли. Кое-гдѣ встрѣчаются чершвые и вялые стихи, какъ на примѣрѣ: *Одна-кожь чудно мнѣ и очень непонятно!* или, *Жестокъ и дикъ сей богъ, что сколько ни зови!* Не взирая на всѣ эши мѣлкые пороки, совѣшную всѣмъ охотникамъ до Русской Поэзии чипашь *Подражанія древнимъ*: эшо чшеніе не можешъ не бышь пріятно. Къ спаши замѣшимъ здѣсь, что у насъ по несчастію слишкомъ мало занимающаюся изученіемъ древнихъ языковъ, а попому и чшеніемъ древнихъ писателей, сихъ истинныхъ наставниковъ ума, вкуса, краснорѣчія и всего изящнаго. Какъ немного у насъ знающихъ Латинской или Греческой языки между людьми, посвятившими себя словесности! Къ стыду нашему, нѣшъ у насъ почти ни одного хорошаго перевода древняго классическаго Автора, и любилешю чшенія, пришедшему въ Русскую книжную лавку, вмѣсто пребуемаго имъ Цицерона, Плутарха, Демосѣена, Фукидида или Тита-Ливія, книгопродавецъ подаетъ какой нибудь новый переводъ Дюкре-Дюминила, или подписку на какія нибудь бредни о Пиренейскихъ замкахъ.

В

М ы с л и.

Молчаніе естъ украшеніе и щипъ юности.

Скупые на похвалу доказывающъ, что они небогаты достоинствами.

Путешественникъ имѣетъ много хозяевъ и мало друзей.

Не дѣлай ничего такого, чегобъ не долженъ былъ знать и твой непріятель.

Если ты хочешь свѣситъ услугу и обиду, то отними вѣсу у одной, прибавь отнятое къ другой — и будешь справедливъ.

Что естъ благодарность? — Память сердца.

Добродѣтель идетъ мимо счастья и злополучія, на по и на другое бросая презрительные взоры.

Боги! — даруйте мнѣ мудрость, остальное — все вамъ! —

Философія господствуетъ надъ прошедшимъ и будущимъ; *настоящее* убиваетъ ее.

Любовь спарфешся, почтеніе шакже.

Великіе люди предпринимающъ великія дѣла, пошому что они велики; а дураки, пошому что счищаютъ ихъ бездѣлками.

Великія мысли испекающъ изъ сердца.

Кондильякъ говоритъ, что чпеніе Спихотворцевъ образуетъ лучше способность мыслишь вѣрно, нежели чпеніе Философовъ. Въ прагедіяхъ Расиновыхъ болѣе логики, нежели въ Сенекѣ, и проч.

Б

Ч у д а к и.

Въ небольшомъ городкѣ Мишпельвальдѣ, въ Глацскомъ Графствѣ, жилъ нѣкоторой Графъ, удивлявшій всѣхъ людей своими странными поступками. Въ молодые годы онъ велъ себя порядочно, какъ всѣ прочіе люди, и шолько ошличался своимъ великимъ богатствомъ. Лишась первой супруги, женился онъ въ другой разъ на почтенной и любезной женщинѣ. Два года прошекли во взаимной любви и удовольствіи. У чепы нашей родилась дочь, кошорая теперь почишается украшеніемъ своего пола. Въ сіе-шо время характеръ Графа весьма перемѣнился, шакъ чшо всѣ немогли надивишься странному превращенію. Онъ возненавидѣлъ супругу свою и дочь; причина ошпалась для всѣхъ непроницаемою тайною. Мать и дочь ошправлены въ дальнѣйшій замокъ; имъ опредѣлено присшойное содержаніе, и приказано никогда непосѣщать Глацскихъ владѣній. Съ шѣхъ поръ Графъ ни одного разу не видался съ женою. По прошествіи двадцати двухъ лѣтъ молодая Графиня ошбилась посѣщеніемъ своего родителя, кошорой принялъ ее какъ незнакомую и чужую, и по двухдневномъ угощеніи простился съ нею. Разсшавшись съ женою и дочерью, кошорая по видимому была причиною непоняшной перемѣны, Графъ началъ вести себя ошличнымъ, весьма страннымъ образомъ. Онъ совсѣмъ ошпавилъ плашье кынѣшняго покроя, и одѣвался въ шаромодное Франконское. Сряду по нѣскольку недѣль спалъ въ кафтанѣ, камзолѣ, исподнемъ плашьѣ и сапогахъ, и по нѣскольку же недѣль сряду носилъ свой плафрокъ, запачканный, изорванный, съ висящи-

ми лоскутками. Поспелая его была самая бѣдная и неопрятная; ее никогда непереспили. Рубашку свою скидалъ только тогда, какъ нельзя уже было носить ее по причинѣ вѣшности; въ такомъ случаѣ бросалъ онъ ее въ уголъ комнаты, доставалъ другую и носилъ, пока на плечахъ могла держаться. На постелѣ лежали разбросанныя монеты золотыя и серебряныя, бумаги, сбѣспные припасы и проч. Тотъ навлекъ бы на себя величайшее негодование Графа, кто осмѣлился бы прибрать всѣ сіи вещи. Комнату выметать надлежало не иначе какъ по данному приказанію, а это случилось весьма рѣдко. Надобно представить себѣ разбитыя и бумагою залѣпленныя окна, съ полусогнутыми, едва держащимися рамами, отъ малѣйшаго вѣтра готовыми развалиться; изломанныя двери, черезъ которыя дулъ сквозной вѣтеръ; сбитыя гвоздями шулья и сполы, вѣшкія, замаранныя, едва сполція на кривыхъ ножкахъ; вездѣ разбросанныя бумаги и книги, едва видимыя подъ толстымъ слоемъ пыли; куски пироговъ, нашествовъ и мяса; кружки, бушылки и фляжи съ напишками; разные сосуды, которыхъ никто нечаялъ бы найти въ комнатѣ здороваго человѣка; по всѣмъ угламъ свинки паутины; вѣшную печь, которая зимою только замазывается нечистою глиною: тогда можно имѣть нѣкоторое понятіе о семъ опротивительномъ жилищѣ. Почти такой же порядокъ господствовалъ и во всемъ замкѣ, которой всякому съ перваго раза могъ показаться обшадлищемъ ночныхъ пугалищъ и привидѣній. Во внутренность дома надлежало взбираться по небольшой темной, полу-развалившейся и весьма нечистой лѣстницѣ. Передняя поч-

ши безъ дверей и совсѣмъ безъ оконницъ, походила на кузницу; на лѣвой споронѣ описанный выше кабинетъ, на правой комната для прехъ служителей Графскихъ, или лучше сказать для прехъ медвѣдей съ человѣческими руками и ногами. Глаза ихъ дико смотрѣли изъ подъ бровей густыхъ и нависшихъ; склокоченные длинные волосы разшилались по смуглой рожѣ; нельзя угадать, какого цвѣта было засаленное ихъ плашье. Графъ принималъ спороннихъ людей обыкновенно или въ шаромодномъ своемъ нарядѣ, или въ изорванномъ шлафрокѣ, лежа на постелѣ и держа въ правой рукѣ полспую проспь, а въ лѣвой слуховую трубу, копорую прикладывалъ къ уху. Въ немъ примѣтны были многія основательныя свѣдѣнія, чпеніемъ и размышленіемъ пріобрѣтенныя; шѣмъ удивительнѣе, какъ могъ онъ вести таковой спранной родъ жизни. Онъ былъ весьма щедръ, и подарки его иногда превышали всякое чаяніе.

Проспавши цѣлой день, работу свою начиналъ онъ при наступленіи ночи; чилалъ и писалъ неушомимо, шолько не письма отъ родныхъ и знакомыхъ, копорыя оспавлялъ даже нераспечатанными, но повелѣнія своимъ чиновникамъ и примѣчанія къ бумагамъ по судопроизводству. Тяжебныя дѣла были его спихією; ими и для нихъ жилъ онъ на свѣтѣ. Самъ ни на кого неподавалъ прошеній; но распоряжалъ такимъ образомъ, чшобы на него жаловались. Заключалъ условія и неисполнялъ по нимъ; неплатилъ купцамъ и ремесленникамъ, для того чшобы искали на немъ судебнымъ порядкомъ; договаривалъ управителей, и невыдывалъ имъ въ срокъ опредѣ-

деннаго жалованья; нанималъ въ разныхъ городахъ большіе дома, приказывалъ убирать ихъ великолѣпно, и ни за наемъ, ни за уборы не платилъ по доброй волѣ. Даже адвокатамъ своимъ, кошорыхъ содержалъ великое множество, не выдавалъ жалованья, чшобы довести ихъ до необходимости начать шяжбу. Дѣла свои защищалъ неупомимо и съ удивительнымъ упрямствомъ; но иногда, и очень часто, умышленно пропускалъ назначенные сроки, и каждой разъ былъ чрезвычайно доволенъ, когда шяжба клонилась не къ его пользѣ. Онъ никогда не выигрывалъ; не могъ и не хотѣлъ выигрывать, и по окончаніи дѣла судебнымъ порядкомъ каждой разъ платилъ вдвое болѣе того, чшо долженъ былъ бы заплащать не начиная шяжбы. „Я люблю справедливость, обыкновенно говаривалъ Графъ, и для того хочу всегда, чшобы судьи насъ разобрали.“

Забавы его были неменѣе странны. Около пятидесяти маленькихъ дѣвочекъ жили у родителей своихъ на иждивеніи Графскомъ. Въ назначенное время онъ должны были плясать и дѣлать разные смѣшные прыжки подъ его окошкомъ. Въ ненасынное время собирались онъ подъ дочашой шалашъ, нарочно для того сдѣланной. Въ лѣшнюю пору ѣздилъ Графъ на саняхъ, и приглашалъ съ собою чиновниковъ своихъ, кошорые также на саняхъ должны были за нимъ шащиться. На кухнѣ его всегда готовилось большое количество разнаго кушанья; приносили къ Графу каждое блюдо; онъ дѣлил ихъ на части, и пошомъ отсылалъ въ коляскѣ или къ дѣвочкамъ, или къ другимъ любимымъ особамъ. Самъ онъ ѣлъ мало, кромѣ 22 яицъ, обыкновенной ежеднев-

ной его пищи; пилъ одну воду и по маленькой рюмкѣ вина Венгерскаго. Число чиновниковъ, находившихся въ службѣ его, было весьма велико: въ одной небольшой волости, кошорою могли бы управлять два человека, содержалъ олъ генералъ-инспектора, главного економа, управителя, директора, бухгалтера, контролера, двухъ казначеевъ, каштеляна, лѣсничаго, объѣздчика лѣсовъ, сборщика податей, секретаря, повѣреннаго, юстиціарія, юстицъ-адвюката, полицей-мейстера, счешчика, архивариуса, многихъ писарей и другихъ служителей. Всѣ сіи люди безпрестанно судились съ Графомъ и выигрывали свои шажбы. Графъ непринималъ ничьихъ посѣщеній и самъ ни къ кому неѣздилъ. Проживъ такимъ образомъ 24 года, онъ умеръ 74 лѣтъ въ Маѣ 1796.

Незадолго передъ своею смерщью, велѣлъ онъ призвать сапожника и сказалъ ему: „какъ возможно скорѣе сдѣлай мнѣ пару сапоговъ изъ крѣпкой кожи и съ самыми лучшими подонками; я собираюсь въ дальнюю дорогу.“ Ежедневно спрашивалъ онъ о сапогахъ своихъ. Они принесены въ пятой день. Графъ осмотрѣлъ ихъ, похвалилъ работу, и на пребываніе мастера о заплащѣ денегъ за сапоги и по старому счешу, ошѣвчалъ улыбаясь: „Подай на меня прощбу; пускай судьи разберушъ насъ; когда веляшъ, я заплачу въ шужъ минушу.“ Позванъ хирургъ, которой сверхъ опредѣленнаго жалованья за бришье каждой разъ получалъ по два гроша. „Теперь, другъ мой, ны мнѣ болѣе уже ненадобенъ, сказалъ ему Графъ: знаю, что за нѣсколько лѣтъ слѣдуешъ себѣ получишь жалованье. Найми адво-

каша, и подай на меня просьбу; а между шѣмъ обрѣй мнѣ бороду; вошѣ швои два гроша; попоролись, мнѣ недосугъ.“ Послѣ того велѣлъ призвать священника, и поговоривши съ нимъ о вѣрѣ, скончался.

Такова исторія сего челоуѣка, котораго я зналъ лично, съ которымъ часто разговаривалъ, котораго поступки наблюдалъ въ продолженіе цѣлаго года, и о которомъ собралъ многія достоверныя извѣстія. Жаль, что ничего немогъ я развѣдать о подробныхъ обстоятельствеихъ его молодости; тогда было бы легче угадать причину странной его жизни. Думаешь надобно, что скрытная досада и горестъ заславили его возненавидѣшь людей и отказался отъ свѣта. Вѣроятно, содѣйствовало тому и скука, сія мать странныхъ прикошей. Можешь бышь, Графъ сперва рѣшилъ казаться чудакомъ въ опмщеніе несправедливости ненавистнаго ему свѣта; пошомъ мало по малу привыкъ къ новому образу своей жизни, и напоследокъ привычка сія сдѣлалась вшорю натурою.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ.)

Московскія записки.

Императорской Академіи Художествъ Механикъ, г. Гладкой, недавно изобрѣлъ самую простую машину для пряжи всѣхъ произведеній природы, какія только подлежатъ пряденію. Пенъка, ленъ, хлопчатая бумага, растѣліе, называемое шелковица, и шерсть всѣхъ ро-

довъ , прядущая сею машиною съ наивозможнѣйшимъ совершенствомъ , припомъ безъ помощи упоминельнаго и безпокойнаго пѣлеснаго движенія работающихъ , и съ такою скоростію , которая во всемъ превосходитъ скорость какъ пряденія верешеннаго , такъ и самопрялокъ. Всякая нитка, отъ тончайшей башишовой до хряцовой , отъ шалевой пряжи до ухака крестьянскаго сукна , прядется равно и сучится по произволению; конецъ нитки никогда незахлестнется. Если сію машину сдѣлать въ большемъ видѣ , приведши въ движеніе водою или лошадями , то при пряденіи множества нитокъ вмѣстѣ , разорваніе одной или нѣсколькихъ , не требуетъ остановки пряденія прочихъ нитокъ: ибо каждая навертывается на свое верешено , которое въ одинъ мигъ давленіемъ ноги можетъ быть остановлено , безъ помѣхи прочимъ. Когда нитка исправлена , то споймъ только опнеть ногу , и верешено тотчасъ начнетъ работать.

Г. Гладкой , будучи художникомъ хотя искуснымъ , но небогатымъ , живетъ единственно дневными своими трудами , и дондѣ неимѣетъ еще способовъ безъ посторонняго пособія исполнить на дѣлѣ ни одного изъ своихъ полезныхъ изобрѣшеній , которыя въ масшерской его существуя въ малыхъ моделяхъ , привлекаютъ только взоры любопытства. Онъ извѣстенъ уже любителямъ Механическаго искусства , чинавшимъ объ немъ увѣдомленія въ Русскихъ Журналахъ , а особливо нѣкопорымъ нашимъ помѣщикамъ и фабрикантамъ , которыя , принимая участіе въ полезныхъ трудахъ своего соотечественника , совѣшуютъ ему объявить подписку на открытіе сей машины.

Слѣдуя сему совѣту, г. Гладкой намѣренъ въ скоромъ времени чрезъ Московскія Вѣдомости пригласитъ благомыслящихъ и любящихъ отечественныя изобрѣшенія къ подпискѣ на открытие прядильной своей машины. Число подписавшихся должно простираеться до пятидесяти; для нихъ г. Гладкой обязуется по моделямъ сдѣлать и самыя машины, назначая цѣну за каждую по 250 рублей Государственными ассигнаціями. — Собранныя такимъ образомъ умѣренная сумма дастъ возможность нашему художнику завести порядочную мастерскую, и не только приведетъ его въ состояніе сдѣлать извѣстными другія свои механическія изобрѣшенія, относящіяся къ домоводству и фабрикамъ, но вообще облегчитъ средства его быть полезнымъ обществу по мѣрѣ своихъ знаній и способностей.

Между тѣмъ, до полученія машины, каждая подписавшаяся особа обезпечивается въ деньгахъ своихъ предлагаемымъ обязательствомъ г-на Гладкаго. Имена подписывающихся будутъ публикуемы въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, для того чтобы число ихъ всѣмъ было извѣстно; ибо, если бы по истеченіи шести мѣсяцовъ послѣ объявленія предполагемое число пятидесяти особъ не наполнилось, то деньги имѣющіе быть возвращены каждому по его адресу. Машина будетъ сдѣлана въ чешыре вершена и со всѣми принадлежащими къ ней частями, такъ что немедленно по полученіи и прясль будетъ можно. Пространство машины сей займетъ не болѣе двухъ аршинъ квадрашныхъ; слѣдовательно можетъ она помѣщена быть во всякой изъ крестьянской. Опличную добропу пряжи всякаго

рода можно видѣть въ квартирѣ г-на Гладкаго, кошорой живешъ у Покровскихъ воротъ, въ домѣ подъ N 244, прешивъ Князя Трубецкаго.

Г. Гладкой имѣешъ у себя свидѣтельство за подписаніемъ Тайнаго Совѣтника Дмишрїя Ланскаго, Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника, Князя Дмишрїя Волконскаго, Подполковника Князя Николая Вяземскаго и Коллежскаго Ассессора Павла Бибикова, въ томъ что изобрѣтенная имъ машина въ совершенствѣ прядешъ всѣ выше упомянутые машеріалы, неупруждая работающихъ.

Издашеля Вѣстника Европы помѣщающъ въ своихъ запискахъ сіе полезное изобрѣненіе Россійскаго художника. Многіе изъ чинашелей безъ сомнѣнія знающъ, что не задолго передъ симъ было писано въ здѣшнихъ и заграничныхъ вѣдомостяхъ о предлагаемой ошъ Французскаго правительства большой награды за изобрѣненіе хорошей прядильной машины.

Разныя извѣстія.

Александръ Делабордъ, Французскій писатель, въ новомъ изданіи своихъ Записокъ объ Испаніи между прочимъ объявляешъ, что земля сія никогда не была шакъ многолюдна, могущественна и счастлива, какъ нынѣ; что открытіе Америки ни сколько не уменьшило числа жителей въ Испаніи, и что шеперь шолько приближается она къ шой степени благоденствія и величія, до кошорой никогда не достигала.

*

Гамбургская полишическая газета, подъ именемъ Корреспонденша извѣстная, исправно получается въ самомъ Констанцинополѣ, въ Марокко и даже въ Пекинѣ. Въ первое десятилѣтїе послѣ Французской революціи печатали ея около 40,000 экземпляровъ; шеперь однакожь расходъ ихъ убавился до 18,000. Корреспондентъ сперва началъ выходить 1712 года въ Шифбекѣ, въ Голшпинскомъ Герцогствѣ; въ 1714 году онъ прекратился; въ 1721 опять выходилъ тамъ же десять лѣтъ сряду, а въ 1731 году изданіе онаго перенесено въ Гамбургъ.

IV. ОБОЗРѢНІЕ ПРОИЗШЕСТВІЙ.

Ф р а н ц і я .

Іюня 2го по утру пушечною пальбою возбѣщено жишелямъ Парижа о прибышїи Ихъ Величествъ Императора и Императрицы въ Сенъ-Клу. — Миниспръ полицїи, Сенаторъ Фуше, Дюкъ Ошранскій, пожалованъ Генераль-Губернаторомъ Рима. На мѣсто его Миниспромъ полицїи опредѣленъ Генераль Савари, Дюкъ Ровигскій.

И с п а н і я .

Крѣпость Лерида взята приступомъ по двухъ-недѣльной осадѣ. Французы нашли въ

ней 100 пушекъ, 1,500,000 пушечныхъ зарядовъ, 200,000 фунтовъ пороху, 10,000 ружей. Взято въ плѣнъ 8,000 человекъ войска съ 10 знаменами, 6 Полковниковъ, 3 Бригадира и Главнокомандующій Генералъ Варція Конде. — Городъ Асторга по двухъ-дневной осадѣ сдался корпусу Дюка Абрантскаго. Гарнизонъ крѣпости, отъ 5 до 6 тысячъ человекъ простирающійся, объявленъ военнопленнымъ. — Машагорда, чпо прошивъ Кадикса, также досталась Французамъ. Непрiятельской гарнизонъ съ великою поспѣшностію вышелъ изъ крѣпости и сѣлъ на суда; непосредственно за тѣмъ Императорское войско вступило въ оную. — Генералъ Себастиани одержалъ новыя побѣды надъ мятежниками въ Мурціи и вступилъ въ столицу сего Королевства, гдѣ нашелъ 50 осадныхъ пушекъ и большіе магазины. Испанской корпусъ, находившійся въ Мурціи, ушелъ съ великою поспѣшностію въ Каршагену. Главная квартира Французской арміи, въ Испаніи дѣйствующей, находится въ Севильѣ. — Вся Испанія раздѣлена теперь на 38 префектуръ, изъ коихъ каждая будетъ содержать въ себѣ по нѣскольку округовъ. Префектамъ назначено годового жалованья по 60,000, а начальникамъ округа по 20,000 реаловъ.

Г о л л а н д і я.

Король возвратился въ Амстердамъ, благополучно совершивъ путешествіе, которое предпринималъ къ границамъ. — Въ гаваняхъ съ величайшею дѣятельностію занимающіяся оснащениемъ и вооружениемъ флота. Тракташъ, между Франціею и Голландіею заключенный въ Парижѣ 16го Марша, приводится въ исполне-

ніе. Французскія войска, которымъ предназначено занять берега Голландіи, ежедневно приходятъ. Въ Гагу вступило 1500 человѣкъ: въ Лейденѣ ожидающъ также одного пѣхотнаго полка.

Италіянское Королевство.

Императорскимъ указомъ отъ 25 го Апрѣля въ Италіянскомъ Королевствѣ уничтожены всѣ духовныя заведенія, сословія и общества, кромѣ епископствъ, архіепископствъ, семинарій, капитуловъ церквей кафедральныхъ, привилегированныхъ коллегій, приходовъ суккурсальныхъ церквей, госпиталей, сестръ милосердія и воспитательныхъ домовъ женскихъ.

Неаполитанское Королевство.

Дѣлаются приготовления къ высадкѣ войскъ на островъ Сицилію для освобожденія Короля Фердинанда изъ подъ Англійскаго опекунства. Е. В. Король Іоакимъ отправился въ Калабрію съ многочисленнымъ Генеральнымъ штабомъ и большею частію своихъ Министровъ.

А в с т р і я.

Ерцгерцогъ Карлъ опять принялъ на себя званіе Генералиссимуса, и вступилъ въ управленіе военнымъ департаментомъ.

в Іюля.

У в ѣ д о м л е н і е.

Присланные опѣ неизвѣснаго благошворителя 25 рублей, опшправлены по желанію его въ С. Пешербургѣ къ Его Превосходительству Пешру Федоровичу Герингу, для доставленія госпожѣ Бобровой.

При письмѣ изъ Тулы опѣ г-на К. Аллера получено 30 рублей. Оныя деньги немедленно будущѣ опшправлены, по желанію благошворителя, въ С. Пешербургѣ къ г-жѣ Горбуновой 20 рублей, и въ Слободской къ г-ну Левенгофшу 10 рублей.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

№ 14. І Ю Л Ъ 1810.

І. СЛОВЕСНОСТЬ.

~~~~~  
П Р О З А.  
~~~~~

Мурадъ несчастный.

(Турецкая сказка.)

Извѣстно, что одинъ изъ покойныхъ Турецкихъ Султановъ имѣлъ обыкновеніе прохаживаться ночью, одѣтый въ простую одежду, по улицамъ Константинопольскимъ — онъ подражалъ въ этомъ случаѣ славному Гаруну Альрациду, Багдадскому Калифу, о которомъ должны знать читатели *Тысячи одной ночи*.

Однажды прохаживаясь по городу при свѣтѣ полной луны въ сопровожденіи Великаго Визира, Султанъ, если не ошибаюсь, покойной Селимъ, остановился передъ домомъ кожевника и сказалъ своему спутнику: Ты вѣрно читалъ въ *Тысячѣ одной ночи*

сказку о кожевникѣ и двухъ его друзьяхъ, копорыхъ мнѣнїя о судьбѣ человѣческой были всегда прошивоположны. Я желалъ бы знать, что думаешь ты объ этомъ важномъ предметѣ.

— Я, Государь? Мнѣнїе мое соспоитъ въ томъ, что благоразумїе человѣческое имѣетъ великое влїянїе и на судьбу его, и что одному благоразумїю, а не счаспїю, какъ говоришя, обязаны мы бываемъ по большой части своими успѣхами.

„Я думаю совсѣмъ напрошивъ. Одного называютъ *счастливымъ* человекъ; другаго *несчастливый*: ошъ чего это? Не самъ ли опытъ научаетъ насъ дѣлать шавое различїе, вопорое въ прошивномъ случаѣ было бы совершенно безъ смысла?“

— Не смѣю прошиворѣчь тебѣ, Повелитель правовѣрныхъ!

„Говори — я приказываю.“

— Повинуюсь, и вопъ мое мнѣнїе: Тотъ неразсмаприваетъ съ надлежащимъ примѣчанїемъ ни причинъ, ни слѣдспвїй, кто приписываетъ удачу счаспїю, а неудачу несчастпїю. Въ сполїцѣ швоей находяшя два человекъ; одного изъ нихъ спавятъ въ примѣрѣ посшояннаго счаспїя; другаго вапрошивъ въ примѣрѣ посшоян-

наго несчастія; первый естъ Саладинъ, по прозванію *счастливецъ*; послѣдній Мурадъ, по прозванію *несчастливый*. Что бы ни было, но я увѣренъ, что все различіе между ими состоитъ въ одномъ только благоуміи.

„Гдѣ живущъ эти два человека? Хочу, чтобы они сами рассказали мнѣ свою исторію. Проводи меня въ ихъ жилище.“

— Домъ Мурада *несчастлиаго* весьма опсюда близко; слѣдуй за мною, Повелишель правобѣрныхъ.

Султанъ и Визирь его приближаются къ небольшому домику; отворяющъ дверь; слышатъ стenanія — входящъ. Глазамъ ихъ предъавляется плачущій человекъ; онъ рвалъ на себѣ бороду, топталъ ногами свяю чалму, словомъ: оказывалъ совершенное изступленіе, и это — былъ Мурадъ. Посѣщители спросили, какое несчастіе приключилось ему, и отъ чего такъ горько онъ плачешъ? Онъ не отвѣчалъ ни слова, но указалъ имъ на черепки прекрасной фарфоровой вазы, разсыпанные по паркету.

И эта бездѣлица огорчаешъ тебя такъ сильно? спросилъ Султанъ.

— По вашей одеждѣ, государи мои, заключаю, что вы иноспранные купцы: вы не знаете Мурада *несчастлиаго*; въ прошив-

номъ случаѣ вы могли бы удивляться моему горю; несчастіе написано у меня на роду — и вы согласились бы вмѣстѣ съ другими называть меня *несчастливымъ*, когда бы узнали мою исторію. Ночуйте въ моемъ домѣ, и я расскажу вамъ печальныя свои приключенія.

Ночевать у меня вамъ не возможно, отвѣчалъ Султанъ; но выслушайте свою повѣсть, будешь для насъ весьма пріятно.

— Садитесь. — Султанъ и Визирь его сѣли, а Мурадъ началъ рассказывать:

Отецъ мой Гассанъ проживалъ въ здѣшнемъ городѣ. На канунъ рожденія моего явился ему чудный сонъ, заключавшій въ себѣ, такъ сказать, предвѣщаніе тѣхъ несчастій, кошорыя опѣ самой колыбели не престающъ меня преслѣдовалъ. Опцу моему снилось, будто у него родился сынъ съ собачьею головою и змѣинымъ хвостомъ; будто онъ надѣлъ на него Султанскую чалму, и за то осужденъ былъ на смерть.

Отецъ мой вѣрилъ, какъ и всѣ добрые Музульмане, предопредѣленію, и эпощъ чудесный сонъ испугалъ его чрезвычайно. Нашему сыну, сказалъ онъ моей матери, назначено сдѣлать всѣхъ насъ несчастными — и онъ возненавидѣлъ меня еще до рожденія;

а чшобы не видѣшь ни моеѣ собачей голо-
вы, ни моего змѣинаго хвоста, опсправил-
ся въ Алепѣ за нѣсколько часовѣ до моего
горесшнаго появленія на энопѣ свѣпѣ.

Его пупешеспвѣе продолжалось восемь
лѣпѣ сѣ половиною. Во время его опспуш-
спвѣя никшо не забопился о моемѣ воспи-
шанїи; а мапѣ моя пшвердила мнѣ поминуш-
но, чшо у меня собачья голова и змѣиной
хвостѣ. Ты Мурадѣ *несчастпый*, ска-
зала она мнѣ однажды. Въ это время си-
дѣла подлѣ нее какая-шо спарушка сѣ глу-
бокими морщинами на лбу и на щекахѣ, сѣ
крюковашымѣ носомѣ, беззубая и косая —
она прибавила спрашнымѣ и хриповашымѣ
голосомѣ, копорый еще и шеперь опзы-
ваешся у меня въ ухахѣ: *пакѣ! подлинно
несчастпый! былѣ, естѣ и будешѣ! ...*
Попомѣ она сказала: кшо родился подлѣ не-
прїязненной звѣздой, попѣ будетѣ и дол-
женѣ быпѣ во всемѣ несчастпѣ; одинѣ
пшлько Магомешѣ власпѣнѣ уничпшожитѣ
очарованїя: безумецѣ пропшвишся своей
судѣбѣ, а умный человекѣ покорспвуешѣ
ей безѣ прекословїя.

Слова спарушки врѣзались въ мою па-
мяпѣ, и я при всякомѣ новомѣ несчастїи
говорилѣ: правду сказала пш, спарушка;
судѣбѣ своей пропшвишся не возможно.

Мнѣ было уже восемь лѣтъ, когда прѣѣхалъ отецъ мой изъ Алепа; въ эпоху годъ родился братъ мой Саладинъ, котораго наименовали *счастливецемъ*, потому что въ самый день его рожденія вошелъ въ пристань корабль отца моего, богато нагруженный поварами. Не могу изчислить ихъ счастливыхъ случаевъ, которыми ознаменовано было младенчество моего брата; успехи его были также *разительны*, какъ и мои досадныя неудачи.

Со времени прибытія корабля, мы жили въ великомъ довольствѣ — все это приписано было счастію брата моего Саладина.

Мнѣ свершилось двадцать восемь лѣтъ, а Саладину двадцать, когда отецъ нашъ занемогъ тяжелою и опасною болѣзнію. Призвавъ къ постелѣ своей Саладина, онъ сказалъ: мой сынъ! наши дѣла въ чрезвычайной разстройкѣ: роскошь и разныя разорительныя предпріятія уничтожили все мое богатство; оспались у меня двѣ фарфоровыя вазы, драгоценныя особенно по ихъ кошорымъ шайншвеннымъ знакамъ, на нихъ изображеннымъ, и вѣрно имѣющимъ великое вліяніе на счастье того человека, которому будутъ принадлежать вазы. Дарю тебѣ и шу и другую; для Мурада онѣ бесполезны; будучи осужденъ на несчастіе и неудачу, онъ безъ сомнѣнія или разо-

бьешъ ихъ, или поперяешъ — одно изъ двухъ должно случиться необходимо.

Но Саладинъ не имѣлъ никакой довѣренности къ предопредѣленію; а будучи добръ и великодушнъ, онъ далъ мнѣ на волю выбирать любую изъ вазъ и спарался ушѣщеніями своими возвратишь мнѣ поперянную мою бодрость. Я благодарилъ его; но былъ однако твердо увѣренъ, что нѣтъ возможности челоуку сражаться съ судьбою.

Саладинъ видя, въ какой разспройкѣ были наши торговья дѣла, не приходилъ однако опъ эшаго въ унынїе. Поищемъ способа ихъ поправишь, говорилъ онъ; но я опчаявался и качалъ головою.

Въ вазахъ, копорья доспались намъ въ наслѣдство, находился какой-то красный порошокъ. — Саладинъ вздумалъ соспавишь изъ него красную краску, и въ самомъ дѣлѣ вышла краска удивительная. Еще при жизни опца нашего познакомилъ съ нами одинъ богатый купецъ, копорой спавилъ въ сераль всякаго рода мебели и уборы. — Саладинъ прїобрѣлъ благосклонность эшаго челоука; а онъ, имѣвши большой кредитъ, спарался помочь ему ввести въ общее упошребленїе соспавленную

имъ красную краску. Она полюбилась, и всѣ начали ее покупать; но Саладиновъ запасъ краснаго порошку видимо уменьшался; онъ вздумалъ разсмотрѣть его сославъ, и скоро посредствомъ многихъ химическихъ опытовъ узналъ эту тайну: съ тѣхъ поръ онъ могъ уже во всякое время имѣть такое количество краснаго своей, какое было ему потребно.

И надобно вамъ сказать, милосивые государи, что Саладинъ имѣлъ качества необыкновенныя: онъ всегда веселъ; наружность его, чрезвычайно пріятная, вселяетъ къ нему довѣренность и всякому хочется имѣть дѣло съ Саладиномъ. Увы! Небо отказало мнѣ во всѣхъ эпихъ преимуществъ; я часто замѣчалъ, что мое лице печальное и угрюмое (слѣдствіе многочисленныхъ и непрерывныхъ несчастій) отдавало отъ меня людей: никто не хотѣлъ вѣряться такому человеку, который всегда глядитъ изъ подлѣбья.

Я помню, что одна богатая женщина, сопровождаемая толпою невольниковъ и невольницъ, пришла въ лавку моего брата Саладина — ей хотѣлось что-то купить; но брата не было въ лавкѣ; увидѣвши эту госпожу и показывая ей повары надлежало мнѣ. Она прельстилась моею фарфоровою вазою, хотѣла непременно ее купить, со-

глашалась дать мнѣ такую цѣну, какую попробую; но я отказалъ ей на отпрѣвъ, будучи твердо увѣренъ, что ваза моя есть палисманъ, и что распавшись съ нею, навлеку на себя какое нибудь несчастіе. Незнакомая госпожа претовала весьма упорно, чтобы я продалъ ей вазу; но я съ такимъ же упорствомъ отказывался отъ продажи, и наконецъ она вышла изъ лавки въ претеликой досадѣ.

Саладинъ пришелъ домой; я рассказалъ ему о томъ, что случилось въ его отсутствіе — онъ называлъ поступокъ мой неблагоразумнымъ и говорилъ, что никогда не должно перяшь выгоды настоящей и вѣрной, для выгоды мечпашельной и опдаденной. На другой день знакомая госпожа опять зашла въ нашу лавку, и Саладинъ продалъ ей свою вазу за десять тысячъ золотыхъ монетъ. На эти деньги купилъ онъ разныхъ товаровъ, отъ чего торгъ его сдѣлался и прибыточнѣе и важнѣе.

Я раскаявался, но раскаяніе мое было уже позднее — и этотъ случай былъ новымъ доказательствомъ, что у меня на роду написано придумывать умное не во время и безъ успѣха. Въ самомъ дѣлѣ, не хуже другихъ вижу я, какъ надобно въ какомъ случаѣ поступить; но это обыкновенно случается

со мною уже тогда, когда случай прешель и когда мнѣ оспаешся шолько сожалѣшь, для чего посшупилѣ я вѣ прошивносшь здравому смыслу. Не рѣдко бывало и шо, что я оспаюсь вѣ нерѣшимосши, а между шѣмѣ чувствую самѣ, что случай благопріятный улешаетѣ. Что же мнѣ дѣлать? могу ли прошивишься дѣйствію злобной планешы?

Открылось, что незнакомая женщина, купившая у брата моего фарфоровую вазу, была любимая Сулпанша: все повиновалось ея владычеству вѣ сералѣ. Она возненавидѣла меня за шо, что я сѣ шакимѣ упорствомѣ отказался исполнить ея желаніе, и объявила, что нога ея не будетѣ вѣ лавкѣ Саладина по шѣхѣ порѣ, пока онѣ не разспанешся сѣ Мурадомѣ. Саладинѣ никакѣ не хотѣлѣ меня оппустить опѣ себя; но живучи со мною, онѣ пошерялѣ бы многія, весьма для него важныя выгоды. Я не могши рѣшиться помѣщать форшунѣ шакого добраго брата, каковѣ былѣ Саладинѣ, ушелѣ пошохоньку изѣ его дома, и сказашѣ правду, самѣ не зналѣ, что со мною будетѣ.

Нѣсколько времени скитаюся я по улицамѣ Конспаншинопольскимѣ и уже начиналѣ чувствовашѣ голодѣ. Сажусь у дверей хлѣбника и перебую, чтообы онѣ далѣ мнѣ какую нибудѣ помощь. Хлѣбникѣ обѣщался накормишь меня до сыща, если я согла-

шусь надѣшь на себя его плашье и вмѣшо его продавашь по улицамъ хлѣбы. Я согласился — судьба моя шого хошѣла. Но уже давно жители Конспаншинополя жаловались на хлѣбниковъ за то, что ихъ хлѣбы и худо были испечены и не имѣли надлежащаго вѣсу. Неудовольствія въ здѣшнемъ городѣ, какъ и вамъ удавалось можешъ бышь слышашъ, производяшъ не рѣдко великія возмущенія. Все эшо не хуже другихъ было извѣстно и мнѣ; но злая моя судьба запретила мнѣ во время обѣ эшомъ подумашь.

Около чешверши часа бродилъ я изъ улицы въ улицу, продавая хлѣбы — вдругъ окружило меня множешво чернаго народа; начинаюшъ меня бранишь, шолкашь, бросаюшъ въ меня грязью — бѣгу къ ворошамъ Сулпанскаго дворца и вся шолпа бѣжитъ за мною съ ужаснымъ крикомъ. Визирь, испуганный возмущеніемъ, приказываетъ опрубить мнѣ голову, чтобы успокоить народъ. Бросаясь передъ его могущешвомъ на колѣна, обѣвляю, что не я шомъ хлѣбникъ, на копораго гнѣваешся народъ; рассказываю исторію о своемъ плашьѣ. Сжалешсь, честные Музульмане! воскликнулъ я наконецъ въ слезахъ: не я виноватъ, а суровая моя участь! — Всѣ засмѣялись. Одни плевали мнѣ въ лицо, другіе кричали: опрубите ему голову, она очень глупа и ни на что ему негодится. Нашлись однако доб-

рые люди, которые за меня вступились; наконецъ меня выпустили, и я побѣжалъ неоглядываясь, бросивъ посреди улицы корзину съ хлѣбами, которые всѣ были разхищены въ одну минушу!

Я рѣшился уйти изъ Конспаншинополя, оставивъ вазу свою на сохраненіе Саладину. Какъ вздумано, такъ и сдѣлано. Въ приспани вспрѣшился я съ опрядомъ войска, отправлявшимся на корабль въ Египетъ. Буди воля пророка! сказалъ я самому себѣ. Если назначено мнѣ утонуть въ морѣ, то ужь конечно я не умру на сушѣ, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше — и я сѣлъ на корабль. Долго ли мы плыли, не знаю; во все время нашего путешествія сидѣлъ я на палубѣ и курилъ шабакъ, твердо рѣшившись не перемѣнять своего положенія и въ самую жестокую бурю. Если назначено кораблю погибнуть, такъ думалъ я, то онъ погибнетъ непремѣнно, сколько бы я ни шрудился предохранить его отъ разбитія! За чѣмъ же беспокоишь себя попустому? ничто не можешь избавишься отъ того, что ему назначено Промысломъ.

Но мы приспали благополучно къ берегамъ Египта. Я вышелъ изъ корабля послѣдній; было уже очень поздно, когда я пришелъ въ лагерь Эль-Ариша. Труба моя

погасла; иду къ одной палаткѣ, въ которой свѣтился огонь, чшобы ее разкурить. Вдругъ вижу на землѣ что-то блестящее; наклоняюсь — по былъ драгоценный алмазный перстень. Беру его съ шѣмъ намѣреніемъ, чшобы на другое утро объявить черезъ крикуна о своей находкѣ, и надѣваю на лѣвой мизинецъ. — Всѣ несчастія! Перстень былъ слишкомъ великъ, а мизинецъ мой слишкомъ малъ, и въ то самое время, какъ я наклонился къ огню, чшобы закурить свою трубку, онъ упалъ въ сѣно, разоспавшее передъ осломъ; я началъ разгребать сѣно: оселъ ударилъ меня задними копытами и такъ сильно, что я, ошлѣпѣвъ отъ него шаговъ на пять, упалъ на солдата, спящаго подлѣ палатки. Онъ закричалъ, и крикомъ своимъ разбудилъ другихъ; они вскочили, сбѣжались ко мнѣ, обступили меня кругомъ; въ это самое время какъ на бѣду попался мнѣ въ сѣнѣ поперянный мною перстень, и я держалъ его въ рукѣ. Трудно ли послѣ этого счесть меня за вора! И потчасъ начали меня увѣрять, что я укралъ какіе-то дорогіе шовары, похищенные за недѣлю до прибытія нашего въ лагерь. Я представилъ свидѣтелей, которые вмѣстѣ со мною побожились, что я въ это время плылъ на кораблѣ изъ Конспантинополя — намъ повѣрили; однако, не смотря на то, приказали меня для нѣвошорыхъ при-

чиѣ выколошишь палками по пяпамъ, что было въ шу же минушу весьма порядочно исполнено; и я при дни пролежалъ на постелѣ съ превеликою опухолью на пяшкахъ. Подобные случаи бывають только со мною; а вся бѣда произошла отъ того, что мнѣ не вздумалось прежде утвердить хорошенько на пальцѣ своемъ перстень и попомъ уже началъ размуривать свою шрубку.

Наконецъ опухоль на пяшкахъ моихъ прошла, и я могъ уже вставать съ постели. Однажды вздумалось мнѣ взглянуть въ одну палашку, надъ кошорою развѣшалъ красный флагъ и кошору называли кофейнымъ домомъ. Въ этомъ кофейномъ домѣ увидѣлъ я незнакомаго мнѣ человека, который очень сожалѣлъ о потерѣ драгоценнаго перстня; онъ описалъ мнѣ его примѣны; я тотчасъ догадался, что это былъ тотъ самый несчастный перстень, за который поспрадали мои пяшки. Я бы охотно подарилъ двѣсти цехиновъ тому, кто возвратитъ мнѣ, или скажетъ, гдѣ я могу отыскать свой перстень, говорилъ мой незнакомецъ, и я рассказалъ ему случившееся со мною, прибавилъ, что знаю въ лицо того мошенника, который вырвалъ изъ рукъ моихъ перстень. Однимъ словомъ, пропая была мною отыскана, и

я получилъ кошелекъ съ двумя спами цехиновъ — что нѣсколько ушибило меня въ моемъ несчастіи.

Однажды ночью поварищи мои спали, а я перебиралъ и пересчитывалъ свой цехины. На другой день эти господа пригласили меня съ собою выпить нѣсколько чашекъ шербецу — я согласился, и для чего было не согласиться! они меня пощивали, а я пилъ. Вдругъ начинаю чувствовать пресильную охоту спать — заснулъ — просыпаюсь — гдѣ же я? въ открытомъ полѣ, подъ пальмовымъ деревомъ — первая мысль о цехинахъ; ищу своего кошелька — онъ шибъ; а гдѣ цехины? всѣ исчезли! вмѣсто ихъ нашелъ я въ кошелькѣ около сошни маленькихъ камышковъ. Я догадался, что меня обманули, что вмѣсто шербеца дали мнѣ пьянаго напишка, и что все это сдѣлано было по общему согласію съ тѣмъ намбреніемъ, чтобы обратить у меня мои цехины, которые замѣнены были мошенниками въ то время, когда я ихъ пересчитывалъ, воображая, что всѣ мои поварищи спали глубокимъ сномъ.

Я побѣжалъ въ лагерь, жаловался, но жалобы мои оказались бесполезными; я не имѣлъ доказательствъ, и всѣ надо мною смѣялись. Въ своемъ опчаяннѣ воскликнулъ.

я: *бѣдный Мурадъ!* и вмигъ разнеслось извѣстiе, что *Мурадъ несчастный*, котораго неудачи шакъ славны были въ Константинополь, находится въ лагерь; на меня приходили смотрѣть, какъ на чудо; а когда я прохаживался по улицамъ лагеря, то всѣ указывали на меня пальцами и всѣ говорили: *вошь и дель Мурадъ несчастный*. И сказать правду, такая слава была не очень мнѣ по сердцу!

Въ это время наши солдаты имѣли спрасщную охоту стрѣлять въ цѣль, и они стрѣляли безъ всякой оспорожности. Мнѣ самому случилось однажды видѣть, что выстрѣлъ, направленный въ верхушку палашки, попалъ въ самую палашку, копорую пуля пробилла на вылетѣ; около десяти солдатъ были убиты на повалѣ, и ни-кто не могъ свѣдать, кто убійца. Такія несчастiя почти не дѣлали никакого впечатлѣнiя; свидѣтели убійства говорили очень спокойно, смотря на убитаго; „Доб-рый путь въ Магомещовъ рай! часъ его прищелъ! отъ суженаго неизбѣгнешь!“ — Всѣ эти примѣры болѣе и болѣе усиливали во мнѣ вѣру въ предопредѣленiе. Я часто говорилъ самому себѣ: завтра можетъ быть умру; повеселимся же нынѣ, пока естъ время!

Хотя я и не имѣлъ своихъ денегъ, но я не щерѣлъ никакого въ нихъ недосщашка;

жиды, находившіеся въ лагерѣ, ссужали ими солдатъ за большіе проценты. Я познакомился съ однимъ изъ эшихъ плутовъ, который зналъ моего брата Саладина; эпотъ росповщикъ будучи увбренъ, что въ случаѣ смерти моей заплашитъ за меня мой братъ, согласился ссудить меня хорошою суммою. Я очень любилъ кофе и опіумъ: пріятное волненіе, которое производилъ во мнѣ сей послѣдній напитокъ, оживлялъ мою душу, и я забывалъ на нѣсколько времени все свое горѣ.

Однажды я былъ очень веселъ, плясалъ какъ сумасшедшій и поздравлялъ себя на распѣвѣ, что я уже не Мурадъ несчастный; въ эту минуту схватилъ меня за руку одинъ совсѣмъ незнакомый мнѣ человекъ: спрячься скорѣе Мурадъ; развѣ не видишь, что стѣнки прицѣпились въ твою чалму? они уже дали одинъ промахъ; въ другой разъ могутъ и попасъ! — „За чего ты меня принимаешь? — сказалъ я — теперь уже нѣтъ Мурада несчастнаго.“ И я продолжалъ плясать; минутой черевъ двѣ пуля ударила меня въ голову; и я упалъ замертво. Меня оживили; но дѣченіе раны моей было для меня хуже смерти — такъ жестоко меня мучили. А самое досадное было то, что армія должна была идти въ походъ, и я боялся; чтобы меня не бросили назади вмѣстѣ съ неизлѣчимыми:

Льварь совѣщивалъ мнѣ, чѣшбы я спарался какъ можно бышь спокойнѣе; но я уже вамъ сказалъ, чѣш вредоносная планета моя вѣчно препящивовала мнѣ понимашь вещи и во время и какъ должно. Мое безпокойство о помѣ, чѣшбы не оспашься назади, было шакъ велико, чѣш я по нѣскольку разѣ вѣ день подымался съ постели, дабы посмошрѣшь, согласно ли съ пошпановленіемъ выходятъ изъ лагеря наши войска. Но солдаты не очень сѣбшили повиновашься, и палашки были снимаемы очень медленно. Льварь навѣспивъ меня ввечеру, нашелъ, чѣш я очень болѣнъ и чѣш мнѣ шрудно будетъ перенести безпокойство похода. На другой день приходяшъ за мною солдаты, хотяшъ посадить меня на осла; но эшотъ оселъ былъ самый шотъ, шоторый лягнулъ вѣ меня задними ногами вѣ што время, когда я искалъ перешня; я рассудилъ, чѣш эша шопина можешъ навлечь на меня какое нибудь несчастіе и опназался на нее сѣсть, упросивъ солдатъ, чѣшбы они несли меня попеременно на рукахъ. Но жаръ былъ нешносный; они не могли его вынести и положили меня на носовъ, сказавъ, чѣш идущъ къ ближнему шсточнику за водою.

Напрасно дожидался я ихъ возвращенія — злодѣи безъ всякаго состраданія

оставили меня умирашь на горячемъ песнѣ, опѣ жажды, копорая спрашнымъ образомъ меня мучила. Я пошерилъ всю надежду. Магомешъ опредѣлилъ, такъ думалъ я, чтобы мнѣ погибнуть въ степи и чтобы хищныя птицы разклевали мое шѣло! Да будетъ его воля! Но въ это время нашелъ на меня отрядъ Англійскихъ войскъ. Хотя они и Христіане, но поступили со мною гораздо человеклюбивѣе, нежели правовѣрные Магомешовы чада. Эти добрые люди залѣчили мою рану — судьба однако не переспавала преслѣдовать меня, какъ и прежде. Вотъ что случилось со мною: Мы спрашную терпѣли жажду. Англичане вздумали вырыть колодезь въ одномъ мѣстѣ, гдѣ по увѣренію одного изъ ихъ инженеровъ должна была находиться вода. Будучи большой неохотникъ рыться въ землѣ, я рассудилъ опыскашь источникъ и указалъ на одно мѣсто, гдѣ по моимъ примѣшамъ надлежало бытъ пруду. Меня осперегали, увѣряя, что поиски мои будутъ напрасны и что я конечно не найду воды въ томъ мѣстѣ, въ кошоромъ найши ее чаю. Я не послушался добрыхъ совѣтовъ, пошелъ — и въ самомъ дѣлѣ не нашелъ ничего. Безъ сомнѣнія былъ я обманушь какимъ нибудь злонамѣреннымъ духомъ.

Упомившись чрезвычайно; паимый аносемъ, пошелъ я назадъ по шѣмъ слѣ-

дамъ , копорые оставлены были на песокъ моими ногами. Началъ дуть вѣтерокъ; онъ освѣжалъ меня, и я благодарилъ Небо за эту помощь; но какъ же я ужаснулся, когда замѣшилъ, что эшотъ самый прохладный вѣтерокъ замешалъ слѣды, означавшіе на песокъ мою дорогу — всѣ они исчезли, и я не зналъ, въ какую сторону обратиться. Я чувствовалъ голодъ; мучительная жажда меня снѣдала. Наконецъ опчаяннѣ мною овладѣло; я бросилъ на песокъ свою чалму; разорвалъ на себѣ одежду и залился горькими слезами. Смерть моя казалась неизбежною; я думалъ только о томъ, какъ бы ее ускорить. Прежде еще выпупленія войскъ нашихъ запаса я на всякой случай опіумомъ; онъ спрятанъ былъ въ складкахъ моей чалмы; хочу его принять — увы! послѣднее утѣшеніе умереть легкою смертію было похищено у меня жестокою судьбою: опіумъ выпалъ изъ чалмы въ ту самую минушу, когда я ее сбросилъ съ головы, и я не могъ уже отыскать его въ песокъ. Я повалился на землю; поручивъ участь свою Магомешу:

Никакимъ перомъ не лзя описать того, что я терпѣлъ отъ голода и жажды; наконецъ пришелъ я въ какое-то бѣшенство; и мнѣ видѣлись разные ужасы. Далеко ли продолжалось это безпамятство, я

не знаю; но меня извели изъ него чело-
вѣческіе голоса: я увидѣлъ въ нѣкоторомъ
отъ себя разстояніи караванъ богомольцевъ,
возвращающихся изъ Мекки. Они нашли
источникъ, и эшо было причиною тѣхъ ра-
досныхъ восклицаній, копорья меня раз-
будили. Подивись же моему несчастію!
эшошъ источникъ находился отъ меня
очень близко, а я умиралъ отъ жажды.
Не смотря на свою слабость, я началъ
кричать и поползъ къ тому мѣсту; отъ
туда слышались мнѣ голоса. Я скоро уви-
дѣлъ своими глазами путешественниковъ:
они наполняли водою мѣхи и поиди вер-
блюдовъ. Но силы мои совсѣмъ испоцились,
я не могъ уже ни кричать, ни ползти и
уже видѣлъ, что они садились на верблю-
довъ, готовы будучи удалиться. О жесто-
кая звѣзда! подумалъ я, они убдутъ; но
мнѣ пришло въ голову снять съ моей чал-
мы бѣлое полошно и имъ махать, что я и
сдѣлалъ — путешественники меня увидѣ-
ли, приблизились ко мнѣ; одинъ неволь-
никъ меня напойлъ, и я рассказалъ имъ,
какою судьбою зашелъ въ эшу ужасную
пустыню.

Между тѣмъ одинъ изъ путешествен-
никовъ разсматривалъ очень вниматель-
но кошелекъ, висѣвшій у меня на поясѣ — эшо
былъ шошъ самый кошелекъ, кошорой по-

лучилъ я съ цехинами за открытіе поперянаго перстня; на немъ изображено было имя того, кому онъ принадлежалъ прежде. Путешественникъ, смотрѣвшій на него со вниманіемъ, былъ братъ моего благодѣтеля; мы обяснились, и эпомъ человекъ общался меня неоспаившъ. Караванъ шелъ въ Каиро — мой новый знакомецъ предложилъ мнѣ слѣдовать за нимъ; и вамъ не нужно сказывать, что я съ большою охотою согласился на это выгодное для меня предложеніе.

„Послушай, Мурадъ — сказалъ мнѣ новый мой покровитель; когда я описалъ ему свои несчастія — ты почишаешь себя осужденнымъ на неудачи; я въ эпомъ съ щобою несогласенъ, и берусь помогать твоему горю: совѣшуйся со мною всякой разъ, когда ты вздумаешь приняться за какое нибудь дѣло.“ И общался исполнять его приказанія.

Эпомъ человекъ былъ и богатъ и великодушенъ; онъ содержалъ меня очень хорошо: должность моя состояла въ присмотрѣ за выюкомъ верблюдовъ и пересчитываніи шеновъ при ихъ перекладкѣ. Я исполнялъ эту должность съ великою почтностію каждый вечеръ. Однажды — это случилось въ самый день нашего прибытія

въ Александрію — я полбнился пересчитывать шюки, будучи увѣренъ, что они всѣ на лицо. Начали перегружать ихъ на корабль; что же? недоспавало трехъ шюковъ хлопчатой бумаги. Мой господинъ сдѣлалъ мнѣ выговоръ, но крошкѣй и слишкомъ милосивый. Черезъ крикуна возвѣстивъ онъ, что дастъ хорошее награжденіе тому, кто опыщетъ пропажу — и пропажа нашлась; но корабль уже опвалилъ отъ берега. Мы — я и мой господинъ — сбли въ шлюбку съ своею хлопчатую бумагою, догнали корабль; но Капишанъ сказалъ намъ, что уже не было никакого способа помѣстить на немъ наши шовары, что онъ уже былъ полонъ. Очень долго спорили — наконецъ Капишанъ согласился дать мѣсто на палубѣ нашимъ шремъ шюкамъ, а мнѣ приказано было сперечь ихъ и днемъ и ночью.

Въ продолженіе нашего плаванія не случилось съ нами никакого несчастія; но въ послѣднюю ночь, на канунъ отбытія корабля въ Каиро, заснулъ я, выкуривъ свою шрубку, на одномъ изъ шюковъ съ хлопчатую бумагою. Трубка бы единственнѣйшимъ моимъ ушѣщеніемъ и я не распавался съ нею ни на минушу. Что же? моя злая судьба и это невинное удовольствіе обратила въ мою гибель: вдругъ пробуж-

даюшѣ меня крики моихѣ поварищей! Вскриваю! что сдѣлалось? Я не высыпалѣ пепла изѣ моей прубки! хлопчатая бумага загорѣлась, и чалма на головѣ моей уже пылала. Я весь изжегся и на лбу у меня высочило множество волдырей; а когда зашпустили огонь, то Капитанѣ корабля торжественно объявилѣ, что онѣ не согласился ни за какія деньги держатѣ на своемѣ суднѣ такого чловѣка, копорой причиною всѣхѣ несчастій; и добрый мой господинѣ, удостоверенный опытами, что непріязненная звѣзда моя не позволяецѣ мнѣ бытѣ исправнымѣ слугою, рѣшилѣ со мною распштаться; онѣ далѣ мнѣ кошелекѣ съ пятыюдесятыю цехинами и сказалѣ; шеперь ты свободенѣ, Мурадѣ; поспарайся употребитѣ на пользу свою эщи цехины, и учашѣ швоя можешѣ бытѣ переѣмнишѣ. Увы! я не имѣлѣ никакой надежды на счастье, однако рѣшилѣ послѣдовать доброму совѣшу и сдѣлалѣ выгодное употребленіе изѣ моихѣ цехиновѣ.

Прошла недѣля. Въ одинѣ день, проѣживаясь по улицамѣ великаго Каира, я встрѣшилѣ съ чловѣкомѣ, копорого лицо показалось мнѣ знакомо. Всприваюсь, узнаю того жида, копорый ссужалѣ меня деньгами въ лагерѣ Эль-Ариша. Не могу понять, что привело эшаго проклятаго

еврея въ Каиро; конечно судьба моя шепнула ему на ухо: *ты найдешь въ этомъ городѣ Мурада! счастливый путь!* Онъ привязался ко мнѣ съ претребованіемъ, чѣобы я заплатилъ ему долгъ, грозясь объявить меня *бѣглымъ солдатомъ*, хотя извѣстно было ему, что я бѣжалъ по неволѣ, будучи брошенъ больной на дорогѣ. Я спарался умилоствивши своего сердитаго займодавца — шумѣли, шумѣли — наконецъ условились, чѣобы я заплатилъ ему капиталъ, и чѣобы онъ опсрочилъ мнѣ плащѣ процентовъ, за что я обязывался купить у него связку плащя, доставшагося ему изъ впорыхъ рукъ, и которое онъ соглашался уступитъ за весьма дешевую цѣну по той причинѣ, что ему необходимо нужно было какъ можно скорѣе уѣхать изъ Каиро. Онъ показалъ мнѣ плащѣ, и въ самомъ дѣлѣ оно было очень богатое; словомъ сказать, я купилъ этошъ шоваръ въ твердой увѣренности, что продамъ его скоро и за хорошія деньги.

Въ самомъ дѣлѣ такъ и случилось — я вынесъ плащѣ свое на рынокъ, купцовъ нашлось очень много, и въ нѣсколько дней все мое сокровище было раскуплено, а я остался съ порядочнымъ барышемъ.

Дней черезъ пять, приходишъ ко мнѣ одинъ Дамасскій купецъ, которой купилъ у

меня два невольничьихъ плащя, и объявляешъ, что пѣ избъ его невольниковъ, для которыхъ были оныя куплены, заразились чумою, и что онъ полагаетъ мои плащя причиною этой заразы. Я никакъ не могъ вообразить, чтобы это была правда; пошелъ на базаръ; тамъ встрѣтились со мною многие избъ моихъ покупателей, которые объявили мнѣ то же, что и купецъ Дамасскій. Я показалъ имъ на свои ноги. Видите ли вы эти прекрасныя шупли, государи мои — сказалъ я имъ — они находились въ одномъ ящикѣ съ моими плащями; захотѣлъ ли бы я ихъ надѣсть, когда бы воображалъ, что они заражены чумою? Слова мои нѣсколько ихъ успокоили. На другое утро однако одинъ избъ изъ этихъ господъ приходилъ ко мнѣ въ домъ и говорилъ: что ты надѣлалъ, Мурадъ! всѣ мои невольники, которыхъ одѣлъ я въ купленное у тебя плащя, заражены чумою! Я запрепетахъ. Мы начинаемъ разсматривать шупль ящикъ, въ которомъ прежде лежало плащя. Что же? на крышкѣ находимъ изглаженную надпись: *Смирна*, а въ Смирнѣ за нѣсколько времени передъ симъ свирѣпствовала спрашная зараза. Тутъ догадался я, для чего мой жидъ не хотѣлъ самъ продавать своего товара, и вспомнилъ, что онъ, приподнимая крышку ящика (чтобы показать мнѣ плащя), держалъ подъ носомъ губку, обмоченную

въ укусу, увѣряя меня, что запахъ мускуса для него ужасно вреденъ.

Сказываютъ, что робость располагаетъ наше шѣло въ принятію чумы. Если это правда, то вѣрно никто на свѣтѣ не могъ бытъ такъ скоро приговоренъ къ этой болѣзни, какъ я въ ту мину: мысль, что я буду причиною распространенія моровой язвы, и что можетъ бытъ она уже вошла въ мое шѣло, такъ успрашила меня, что я въ ту же мину занямогъ жестокою горячкою.

Очень долго пролежалъ я безъ всякой памяти. Пришедши въ чувство, увидѣлъ я себя въ бѣдной хижинѣ, на соломѣ — въ углу сидѣла спарушка и курила табакъ. Она обвѣвила мнѣ, что Кади велѣлъ меня выброситъ за городъ, и что мой домъ былъ срытъ до основанія и сожженъ. „Безъ меня, бѣдный человекъ, ты уже давно бы умеръ; но я дала обѣщаніе великому пророку не упускать ни одного случая сдѣлать доброе дѣло. Вотъ твой конелекъ, которымъ мнѣ удалось спасти отъ жадной черни, и что еще болѣе, отъ когтей правосудія. Сначала укрѣпись, а послѣ разочтемся.“

Сверхъ всякаго чаянія зараза меня не умершила. Я посылаю спарушку узнать,

что дѣлается въ Каирѣ. Чума уменьщается — сказала она мнѣ — я видѣла одно множество погребеній. Всѣ жили проклинающею какого-то *Мурада*, несчастнаго человека,

Я проспившись съ моею избавительницею, вступилъ въ лазаретъ, чтобы выдержавъ карантинъ и потомъ уѣхать изъ Каира, гдѣ всѣ ненавидѣли бѣднаго *Мурада*. Мнѣ вошло въ голову, что всѣ несчастія мои происходили отъ моего небреженія о драгоценномъ палисманѣ, мною наследованномъ отъ отца: при ночи сряду видѣлъ я во снѣ какого-то генія, копорый увѣщавалъ меня вспомнить о чудотворной фарфоровой вазѣ, и я рѣшился возвратиться въ Константинополь съ твердымъ намѣреніемъ поправить свою ошибку. Въ пристани спрашиваю у перваго попавшагося мнѣ носильщика, не знаетъ ли онъ чего нибудь о *Саладинѣ*? „Какъ не знаешь, ошвѣчалъ носильщикъ, и кому въ Константинополь неизвѣстенъ *Саладинъ счастливецъ*.“ — Гдѣ же его домъ? — Мнѣ указали великолѣпныя палаты. Я никакъ не могъ повѣрить, чтобы это было жилище моего брата, и долго нерѣшался въ него войти. Но въ это время *Саладинъ* самъ явился въ дверяхъ богатаго дома; онъ узналъ меня, и съ восклицаніемъ радости

бросился ко мнѣ на шею. Я поздравлялъ его съ такою блестящею фортуною. Вотъ Саладинъ, сказалъ я ему; ты не вѣрилъ мнѣ, что люди рождаются или счастливыми или несчастными! но ты переспанешь въ этомъ сомнѣваясь; когда я расскажу тебѣ свой приключеніе. Не подумай однако; чтобы я поселился въ своемъ домѣ — нѣтъ; другъ мой! несчастія мои заразительны; могу ли я пожелать тебѣ гибели! Я пришелъ сюда только за пѣмъ, чтобы взять у тебя свою фарфоровую вазу. Братъ мой очень много смѣялся моимъ разсужденіямъ; и хотѣлъ непременно; чтобы я поселился въ его домѣ. Саладинъ не перемѣнилъ ни мало своего любезнаго характера: онъ былъ по прежнему скромнѣе и доступнѣе. Выслушавъ съ первнѣемъ мою повѣсть; онъ разсказалъ мнѣ весьма подробно о томъ; что случилось съ нимъ послѣ нашей разлуки: въ приключеніяхъ его не было ничего необычайнаго; и можно было заключить изъ его словъ, что онъ сдѣлался счастливъ по естественному ходу вещей; но для меня его мнѣніе было совсѣмъ неубѣдительно; я ошалъ при той мысли, что ему помогала счастливая звѣзда, а меня преслѣдовала несчастная и злая.

И не прошло четырехъ дней послѣ моего переселенія въ домъ Саладиновъ, какъ

уже онъ почувствовалъ, что у него живешь любезный братецъ его Мурадъ. Та самая Сулпанша, которой Саладинъ продалъ свою вазу, поручила ему выписать для нее изъ Венеціи большое дорогой цѣны зеркало.

Саладинъ исполнилъ это порученіе. Зеркало уже въ приспани; онъ приказываетъ невольникамъ перенести его къ себѣ въ домъ, а самъ идетъ къ Сулпаншѣ съ объявленіемъ, что зеркало, ею пребуемое, привезено. Было уже поздно. Сулпанша приказала моему брашупо беречь эту драгоценную вещь въ своемъ домѣ до сѣдующаго утра. Зеркало поставили въ одной горницѣ нижняго эшажа, которая имѣла сообщеніе съ моею — въ этой же горницѣ стояло и нѣсколько бронзовыхъ люстръ, купленныхъ Саладиномъ для своего дома. Надобно вамъ знать, что дни за два передъ тѣмъ сдѣлалась у нашего сосѣда покража; по улицамъ Константинопольскимъ шаталось много бродягъ. Братъ мой, имѣя большую сумму наличныхъ денегъ, приказалъ невольникамъ спяшь попеременно на караулъ ночью. Вошь случай доказать усердіе мое Саладину — подумалъ я — и расположился неспать во всю ночь, разшворилъ двери своей горницы для того, чтобы малѣйшій шорохъ могъ разбудить меня, сѣлъ противъ нихъ совсѣмъ одышый, положивъ подлѣ себя об-

наженную саблю и заснулъ. Въ полночь слышался мнѣ какой-то шумъ — вскакиваю — саблю въ руки, иду къ дверямъ — при слабомъ свѣтѣ лампы, вопорая горѣла въ прихожей горницѣ, вижу человека вооруженнаго саблею. Кричу во весь голосъ: кто идетъ? Нѣтъ отвѣта. Подымаю саблю и выступаю впередъ — неизвѣстный также подымаетъ саблю и выстукаетъ впередъ. Мнѣ оставалось только предупредить ударъ его своимъ ударомъ — и я грянулъ въ него изъ всей силы. Что же? врагъ мой исчезъ; зазвенѣло, заспучало, на меня посыпались стекла. О судьба! я разбилъ зеркало, привезенное для Султанши. На спующю сбѣжался весь домъ; наконецъ является и мой братъ Саладинъ, и что же онъ видитъ? Мурада плачущаго на развалинахъ драгоценнаго зеркала, имъ разрушеннаго. „Въ самомъ дѣлѣ. Мурадъ несчастный, сказалъ братъ мой съ вѣкопорою досадою; но въ шу же минушу опомнившись, подалъ мнѣ руку, и прибавилъ съ усмѣшкою: проси мнѣ, Мурадъ! я укоряю тебя напрасно! ты не имѣлъ никакого дурнаго намѣренія; а это несчастіе весьма скоро можетъ быть исправлено!“

Братъ мой казался веселымъ; но въ самомъ дѣлѣ ему не лзя было не безпокоиться; онъ не зналъ, какъ приметъ Сул-

шанца извѣстїе о несчастїи, случившемся съ ея зеркаломъ. Я съ своей стороны, будучи увѣренъ, что разорю Саладина въ роенецъ, если еще нѣсколько времени пробуду въ его домъ, рѣшился въ ту же минуту съ нимъ разлучиться, и сообщаю ему это намѣренїе. Братъ мой видя, что оно непоколебимо, сказалъ мнѣ: „послушай, Мурадъ; въ одномъ изъ моихъ магазиновъ очистилося мѣсто фактора; согласишься ли ты его занять? должность твоя будетъ самая легкая; впрочемъ и самыя ошибки твои не могутъ мнѣ сдѣлать никакого вреда; я богатъ, и упущенїе какойнибудь бездѣлицы не мало не будетъ для меня разорительнымъ.“

Добродушїе Саладина пронуло меня до слезъ; я въ то же самое утро переселился въ этотъ магазинъ, въ которомъ вы теперь меня видите; а въ вечеру братъ мой прислалъ ко мнѣ драгоценную мою вазу и при ней записку, въ которой написано было слѣдующее: „краска, найденная мною въ фарфоровой вазѣ, положила основанїе моему богатству; справедливосць пребудетъ, что бы я раздѣлилъ ее съ моимъ братомъ.“

Признаюсь самъ, что я не могъ наслаждаться счастливымъ своимъ состоянїемъ, зная, что братъ подверженъ былъ гнѣву первой Султанши. Нынѣшнимъ уш-

ромъ прислалъ онъ мнѣ сказать, что Султанша соглашается его простить, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ доставилъ ей такую же почто вазу, какую она за годъ передъ тѣмъ у него купила. Я обрадовался случаю пожертвовать своею драгоценностію Саладину, и велѣлъ ему сказать, что принесу къ нему эту вазу самъ. Мнѣ хотѣлось ее хорошенько вымыть, потому что на днѣ ея находились еще нѣкоторыя слѣды красной краски; я влилъ въ нее кипятку; вдругъ слышу — шипитъ; не успѣлъ мигнуть, какъ бѣдная моя ваза разлетѣлась на части. Послѣ этого судите, милостивые государи, не имѣю ли я права называть себя *несчастльымъ*, и не лучше ли бы гораздо было, когдабъ я совсѣмъ не родился на свѣтъ!“

Въ эту минуту вошелъ въ горницу Саладинъ. Не видя своего брата, онъ вообразилъ, что съ нимъ сдѣлалось какое нибудь новое несчастіе — онъ ахнулъ, увидевши на полу развалины вазы; но рассмотрѣвъ ихъ съ своимъ обыкновеннымъ присущеніемъ духа, сказалъ: берусь склеить эти черепки и ваза будетъ цѣла по прежнему. „Види-ше ли, государи мои! воскликнулъ Мурадъ: счастье слѣдуетъ за нимъ, какъ тѣнь. Ему стоило только показаться, чтобы всѣ сдѣлались довольны и веселы. И на вашихъ лицахъ изображается удовольствіе: хопи-

ше ли его увеличить? пускай Саладинъ разскажетъ вамъ свои приключенія.“ — Охотно исполню ваше требованіе, сказалъ Саладинъ: но съ тѣмъ условіемъ, чшобы эти добрые чужестранцы у меня опужинали. Султанъ любопытенъ былъ слышать испорію Саладина и пошелъ къ нему въ домъ. Послѣ ужина Саладинъ началъ разсказывать:

„Не думаю, чшобы въ мсемъ младенчествѣ случалось со мною: чню нибудь необыкновенно счастливое; но долженъ вамъ признаться, чшо наименованіе *счастливый* произвело во мнѣ великую довѣренность къ самому себѣ и къ фортуна; я сдѣлался высокомернымъ и смѣлымъ, и это могло бы обратиться мнѣ во вредъ, когда бы одинъ бездѣльный случай, сдѣлавшій на душѣ моей глубокое впечатлѣніе, неизлѣчилъ меня совершенно отъ сей болѣзни. Въ Конспаннинополѣ находился одинъ Французскій инженеръ, который пользовался опмѣнною милосшію Султана. Онъ праздновалъ рожденіе повелителя вѣрныхъ и давалъ фейерверкъ. Зрителей сбралось чрезвычайно много и я былъ въ томъ же числѣ. Намъ многократно кричали: *отойдите, фейерверкъ олалитъ васъ*. Тѣ, которые стояли подлѣ меня, опдалились; а я, въ крѣпкой надеждѣ на доброхошную мою звѣзду, оспался на

прежнемъ мѣстѣ, и черезъ минушу былъ осыпанъ огнемъ, копорый опалилъ мнѣ лице и руки.

Инженеръ, услышавъ о моемъ приключеніи, навѣспилъ меня въ моемъ домѣ. Я имѣлъ счастье ему понравиться; мы познакомились, и я много извлекъ пользы изъ разговоровъ своихъ съ этимъ почтеннымъ человекомъ. Онъ принудилъ меня смолчать безъ предубѣжденія на многія вещи, о копорыхъ я имѣлъ понятіе совсѣмъ ложное; на примѣръ, онъ истребилъ во мнѣ безразсудную мысль, будто обспояшельствами нашей жизни управляетъ счастье и несчастье. Что такое счастье? говорилъ онъ: искусство и благоразуміе. Что такое несчастье? глупость, опроменчивость, неосторожность. Ты видишь, другъ мой, что безразсудная швоя неосмопришельность едва не привела шебя ко гробу. Оспавъ бессмысленной шолпѣ слѣпую вѣру на счастье. Пусть, кто хочетъ называетъ шебя Саладиномъ счастливымъ; поступи такъ, чтобы имѣть право на почтенное имя Саладина осторожнаго и мудраго.

Слова эшаго благоразумнаго чужеспранца оспавили во мнѣ глубокое впечатлѣніе и дали другой оборотъ мыслямъ моимъ и предпріятіямъ. Вы можете быть уже слы-

шали отъ Мурада, что мы не рѣдко спорили съ нимъ о предопредѣленіи, и что я никогда не соглашался въришь эпой мечтѣ, подобно Мураду. Мы оспались каждый при своемъ мнѣніи, и эти мнѣнія, какъ я увѣренъ, были единственною причиною какъ успѣховъ моихъ, такъ и его несчастій.

Мурадъ конечно вамъ сказывалъ, что я разбогатѣлъ отъ красной краски, найденной мною въ фарфоровой вазѣ. Безъ сомнѣнія эту находку могу назвать случаемъ счастливымъ; но какую бы она принесла мнѣ пользу, когда бы я не употребилъ большихъ стараній на соспавленіе сначала краски изъ найденнаго мною порошка, потомъ и самаго красиваго порошка? Я согласенъ, что мы невласны предвидѣшь произшествія и управляшь ими; но я увѣренъ, что судьба наша зависить отъ того употребленія, которое мы дѣлаемъ изъ своихъ способностей.

Вы слышали отъ Мурада, что я продалъ вазу свою первой Султаншѣ; вырученныя за нее деньги дали мнѣ способъ привести въ порядокъ и разпространить свою торговлю. Я былъ остороженъ въ дѣлахъ своихъ, наблюдалъ правила строгой умеренности, и особенно старался честными способами понравиться шѣмъ людямъ, кото-

рые посѣщали мою лавку, или имѣли со мною дѣло. Надобно признаюсь, что я во всемъ этомъ неимѣлъ неудачи: въ нѣсколь- ко времени богатство мое превзошло мои надежды.

Одно происшествіе произвело въ обсто- ятельстввахъ моихъ великую перемену. Въ предмѣспіи *Перъ* сдѣлался пожаръ непо- далеку отъ серая Сулпанскаго. Будучи иноспранцами, государи мои, вы не слыжа- ли можешъ быть объ этомъ ужасномъ по- жарѣ; но онъ привелъ въ волненіе всю на- шу столицу. Великолѣпныя палаты *Визиря* обращены были въ пепелъ; мечеть *Со- фійская* имѣла шу же участь. Я слышалъ разныя мнѣнія о причинахъ сего несчастія: одни называли его гнѣвомъ Неба, которое наказало Сулпана за то, что онъ въ одну няшницу не ходилъ въ мечеть; другіе увѣ- ряли, что *Магомешъ* сердитъ былъ на Сулпана за то, что онъ вмѣшался въ не- выгодную войну, и что за шу же вину сжегъ палаты его *Визиря*; а всѣ полишники на- ши утверждали единодушно, что вышнюю судьбою опредѣлено было въ такой-то день и часъ сгорѣть нѣсколькимъ домамъ въ предмѣспіи *Перъ*. Изъ всѣхъ этихъ много- различныхъ мнѣній выходило то, что жи-тели *Константинополя* всеобщѣмъ непоча- щали за нужное брашь предосторожностіи

прошивъ пожара — и въ это время пожары случались почти каждую ночь. Нерѣдко ловили зажигателей, вооруженныхъ фитилями, копорые пользуясь общею безпечностію; производившею опъ глупаго предрассудка; основывали свои выгоды на несчастіи народа. Но сіи опкрышія не уменьшали гибельной вѣры въ предопредѣленіе. Чшо же касается до меня, шо я не позволялъ себѣ покоряться общему суевѣрью; а употреблялъ всѣ способы для предохраненія моего дома опъ пожара. На дворѣ моемъ вырытъ былъ водоемъ довольно обширный и всегда наполненный водою; домы смежные съ моимъ часшо загорались, но ни одинъ изъ нихъ не былъ жертвою пожара, благодаря пособію, подаваемому въ скорости мною. Сосѣди мои называли меня своимъ покровомъ; они безпреспанно швердили, чшо я рожденъ счастливымъ, и чшо все ко мнѣ близкое заимствуетъ опъ меня счастье.

Въ одинъ вечеръ, опужинавъ у своего пріятеля, я возвращался довольно поздно домой — вдругъ примѣчаю, чшо жолобъ одного изъ городскихъ фонтановъ сворочень былъ въ сторону, шакъ чшо вода бѣжала черезъ бассейнъ, въ копоромъ опъ этого не было ни капли воды. Совсѣмъ не воображая, чшобы это было сдѣлано съ умысломъ, я поправилъ жолобъ, и пошелъ да-

лбе. Вижу другой жолобъ, пакже свороченной въ сторону — вижу еще нѣсколько жолобовъ, и съ ними сдѣлано то же что съ первыми. Это меня поразило, и наконецъ я догадался, что мошенники, умышляя сдѣлать въ той части города пожаръ, спарались уничтожить заранѣе всѣ способы къ его попушенію. Сначала не зналъ я, на что рѣшился; хотѣлъ разбудить караульныхъ, которые очень спокойно спали; но мнѣ пришло въ голову, что караульные могли быть сами въ заговорѣ, въ прошивномъ случаѣ они давно бы примѣтили; что всѣ жолобы перемѣнили положеніе, и я рѣшился разбудить своего сосѣда Цамашъ-Сади, богатаго купца, имѣвшаго множество невольниковъ, которые могли въ одну минушу разсѣять по всему городу тревогу. Цамашъ-Сади не долго думалъ; тотчасъ послалъ онъ объявить великому Визирю, что городъ въ опасности, и что прежде всего надобно подумать о сохраненіи священной особы Султана; потомъ разбудили и главныхъ чиновниковъ города. Янычарскій Ага велѣлъ бить въ бубны, и весь городъ былъ уже въ тревогѣ, когда показалось пламя въ нижнемъ этажѣ Цамашъ-Садіева дома. Злодѣи, собравшіеся толпою, чтобы воспользоваться общимъ замѣшательствомъ, взяты были подъ спражу. Словомъ сказать, благодаря предосторожностямъ нашимъ, по-

жаръ запушили въ шу самую минушу, въ кошорую онъ оказался.

На другой день при появленіи своемъ на базаръ былъ я окруженъ купцами — меня обнимали, благодарили, называли благошворителемъ. Цамашъ-Сади подарилъ мнѣ драгоценный алмазъ и кошелекъ съ золотыми монетами. Примѣру его послѣдовали другіе купцы и городскіе чиновники, а Визирь прислалъ мнѣ богатый персень съ записной: *Сласителю Константинололя.*

Такимъ образомъ въ одни сутки судьба моя совершенно переѣнилась: я сдѣлался и богатъ и славенъ, началъ вести жизнь, соотвѣтственную новой моей форшунѣ — переселился въ богатой домъ и накупилъ множество невольниковъ. Нѣсколько дней спустя послѣ моего новоселья, на базаръ я встрѣтился съ Жидомъ, кошорой, ошведя меня въ сторону, сказалъ шайншвеннымъ голосомъ: ты купилъ многихъ невольниковъ, тебѣ надобно ихъ одѣшь; не хочешь ли, я продамъ тебѣ за дешевую цѣну прекрасныя плашья? — Наружность эшаго человека не понравилась мнѣ съ перваго взгляда, и я хотѣлъ уже ему ошказашь; но подумавъ, что выгоды своей никогда терять не должно, спросилъ, за какую цѣну располагаешься онъ продашь свои плашья. Онъ удивилъ

меня отивѣтомъ; цѣна была необыкновенно дешевѣя. Начинаю расспрашивать, какимъ образомъ достались ему эти плащья; онъ отвѣчаетъ весьма двусмысленно: это заставило меня подумать, что плащья или украденныя, или зараженныя чумою. Жидъ показалъ мнѣ ящикъ; но я замѣтилъ, что онъ, прежде нежели открылъ его, потеръ себѣ носъ ароматическими шкурами. Запахъ мускуса мнѣ вреденъ — сказалъ онъ. — „И мнѣ также — возразилъ я — и мнѣ должно взять предосторожность.“ — Жидъ поблѣднѣлъ, вообразивъ, что я проникнулъ его тайну; онъ вышелъ въ другую горницу будто за ключемъ и болѣе не возвращался. Между тѣмъ я началъ расспрашивать ящикъ, и на крышкѣ увидѣлъ совсѣмъ почти изглаженную надпись: *Смирна*. Это подтвердило мою догадку. Въ тотъ же день опять я встрѣтилъ моего Жида, выходящаго изъ воротъ Цамашъ - Сади — спрашиваю у своего сосѣда, какое имѣетъ онъ дѣло съ Жидомъ. Цамашъ - Сади отвѣчаетъ мнѣ, что этотъ человѣкъ вызывается продать ему невольничьи плащья. — „Остерегись, Цамашъ - Сади. Я имѣю причину думать, что эти плащья заражены чумою.“ Я сообщилъ Цамашу сдѣланныя мною примѣчанія; онъ очень много меня благодарилъ. Мы пошли къ Кадию съ доскамъ; но Кади нѣсколько замѣшклся

взявъ Жида подъ спражу; онъ скрылся и съ своимъ плащемъ.

Мнѣ удалось видѣть Фашиму, дочь Цамашъ - Садія въ то время, когда она шла въ мечеть: спройность ея спана меня поразила. Я не осмѣливался однако требовать ея руки у Садія, кошорой въдесяперо былъ меня богатѣе. Но услуга, оказанная ему мною, расположила его въ мою пользу. Онъ праздновалъ день рожденія своей дочери. „Саладинъ — сказалъ онъ мнѣ — праздникъ данъ будетъ у меня въ саду; хочешь ли смотрѣть на него съ балкона? ты можешь увидѣть и дочь мою безъ покрывала.“ — Избави меня отъ эшаго Богъ! я видѣлъ свою дочь издали — она оставила глубокое впечатлѣнiе въ моемъ сердцѣ. Я не хочу усиливать эшого чувства; ибо знаю, что дочь своя несотворена бытъ женою Саладина. — „Кто тебѣ это сказалъ! воскликнулъ Цамашъ - Сади. Дочь моя тебѣ нравицца? въ добрый часъ! будь ея мужемъ!“ — Не спану вамъ открывать своей радости. — Черезъ нѣсколько времени я сдѣлался счастливымъ супругомъ. Фашима, прекрасная лицомъ, прекрасна и душою — мы живемъ согласно. Цамашъ - Сади отдалъ мнѣ свой огромный домъ; и теперь, имѣя большое богатство съ милою женою, почишаю себя совершенно

счастливымъ — мнѣ ничего не останется желать на свѣтѣ, когда увижу счастливымъ и добраго моего Мурада. Что же касается до разбитаго зеркала и вазы, то мы постараемся помочь этому горю. Султанша. . .“

— Не бойтесь гнѣва ея, сказалъ Султанъ, сбросивъ съ себя верхнее платье, подъ которымъ сокрыта была Императорская одежда. . . . Саладинъ! я доволенъ своею повѣстїю, и признаюсь охотно, что называемое счастьемъ въ поступкахъ людей, приличнѣе называть оспорожностїю и благоразумїемъ. Саладинъ долженъ бытъ прозванъ *счастливымъ* и *разсудительнымъ*, а Мурадъ заслуживаетъ болѣе наименованїе *неосторожнаго*, нежели *несчастливаго*. Такъ говорилъ Селимъ. Онъ предложилъ Саладину достоинство Паши и важную должность Губернатора одной провинціи; но оспорожный Саладинъ, довольствуясь скромнымъ и безопаснымъ счастьемъ, съ почтительностїю опклонилъ оубъ себя это предложенїе. Я счастливъ, говорилъ онъ, и желанїе бытъ счастливымъ было бы для меня весьма безразсудно.

А Мурадъ? — Мурадъ продолжалъ вѣрнѣе предопредѣленїю, жаловаться на свои неудачи, пить опїумъ и дурачиться, при-

писывая всѣ дурачества свои неизбѣжному
жребію.

Эджевортъ.

СТУХОТВОРЕНІЯ.

Изъ Анеѳологіи.

Сомѣ меда съ молокомъ —
И Маинѣ сынѣ шебѣ на долго благосклоненѣ!
Алкидѣ не шакѣ - шо скромненѣ:
Дай двѣ ему овцы, дай козу и съ козломѣ;
Тогда онѣ на овецѣ прольешѣ благословенье
И вѣ снѣдѣ не дасѣ волкамѣ!
„Храню къ богамѣ почшенье;
А спада не опдамѣ
На жертво - приношенье — — —
Скажише; чшо за чесѣ,
Когда не волкѣ его, Алкидѣ изволишѣ сѣбѣсѣ!“

В.

Сравненіе двухъ полководцевъ.

Какое сходство Клишѣ съ Суворовымѣ имѣлѣ? —
Сей былѣ бичемѣ враговѣ, а Клишѣ всего ро-
блѣ.

Великій Вождѣ всмывалѣ съ зарей для рацныхѣ
дѣлѣ;

А Клишѣ, лѣннинецѣ нашѣ, спалѣ часшо по не-
дѣлѣ.
Всѣ шакѣ! — да умерѣ онѣ какѣ Вождѣ сей.
на постелѣ! —

К.

*Надлись надѣ гробомѣ молодой па-
стухи.*

*(Этомѣ гробѣ находилсѣ на лугу, на
которомѣ собиралисѣ плясать пасту-
хи и пастухи.)*

Подруги юныя! вѣ безпечности игривой
Подѣ плясовой напѣвѣ вы рѣзвись вѣ лугахѣ!
И я, какѣ вы жила, вѣ Аркадіи счастливой,
И я на утрѣ дней вѣ цвѣтущихѣ сихѣ поляхѣ
Всѣ радости вкусила.

Любовь вѣ мечсахѣ злыхѣ мнѣ счастье су-
лила.

Но чтожѣ осшалось мнѣ, пастухи, вѣ сихѣ
мѣсахѣ? . . .

Могила! —

Б.

II. НАУКИ и ИСКУССТВА.

~~~~~  
БОТАНИКА.  
~~~~~

Взглядъ на нынѣшнее состояніе Анатоміи и Физіологіи растѣ- ній ().*

Приспѣвая къ обзорнѣю состоянія ка-кой-либо науки, сперва надобно обратишь вниманіе свое на начало ея, на ходъ, на успраненіе оныя надлежащаго пути и на ея успѣхи.

Оставшіеся памятники древности по-казываютъ, что Теофрастъ прежде всѣхъ началъ говорить о растительномъ царствѣ, какъ натуралистъ и философъ. Наука о растеніяхъ, пишеть оныя, содержишь въ себѣ наблюденіе наружнаго ихъ вида, внутренняго устройенія и феноменовъ ихъ произрастанія. Правда что не лзя съ большою точностію опредѣлить цѣль, въ которой надлежишь спремишь всякому упражняю-

(*) Разсужденіе, читанное при публичномъ за-сѣданіи въ Национальномъ Французскомъ Ин-ститутѣ членомъ онаго г-мъ Мирбелемъ.

щемуся въ сей наукѣ; но Теофрасту недоставало случаевъ подшвердить ученіе свое событіями, а природныя способности ума не замѣняющъ наблюдѣній.

Послѣ Теофраста никто не думалъ объ анапоміи растѣній. Въ продолженіе многихъ вѣковъ занимались единственно внѣшнимъ видомъ, по естъ опличительными наружными признаками, сославляющими основаніе Бопаники, собственно такъ называемой.

Наконецъ уже въ семнадцатомъ столѣтіи, въ семъ десятилѣтіи прошлаго вѣка, два наблюдателя, одинъ въ Италіи, другой въ Англіи, не знаяши одинъ другаго ни лично ни по слуху, предприняли съ помощію вновь изобрѣннаго микроскопа разсматривать внутреннее образованіе растѣній и наблюдать сокровеннѣйшіе феномены прозябанія. Малпиги и Грю (имена обоихъ наблюдателей) издали въ одно время безсмертныя пруды свои. Изумленіе ученыхъ мужей было чрезвычайно, когда вышли въ свѣтъ вдругъ два сочиненія, содержащія въ себѣ глубокомысленныя замѣчанія о предметахъ вовсе пренебреженномъ, или лучше сказать, до полнѣ неизвѣстномъ. Черезъ нѣсколько уже времени найдено, что Малпиги и Грю, неупражнявшіеся въ Бопаникѣ и бывъ слишкомъ

заняты феноменами живописнаго образованія, по примѣру Теофраста, иногда переносили въ расписательную физиологію шакія мнѣнія, копоры касались только до живописныхъ, и приписывали расшѣнїамъ шакое многосложное образованіе, какого искашь въ нихъ совсѣмъ не надлежало. Сїи погрѣшности имѣли въ осмнадцатомъ вѣкѣ весьма невыгодныя слѣдствїя для наблюдашелей; ибо заблужденїя великихъ умовъ суть цѣпи, коими человѣческій разумъ удерживаешся въ своемъ полѣшѣ.

Слава именъ Галя, Карла Боннепа и Дюгамеля, досшойно имѣ принадлежащая, не дозволяешъ мнѣ смѣшатель ихъ въ полѣ другихъ наблюдашелей; однакожъ могу замѣшитель, что сїи ученые мужи, единственнѣ занимавшїеся прекрасными своими опытами надъ свойствами расшѣнїй, ничего не сдѣлали для успѣховъ анапомїи расшѣнїй.

Теофрастѣ хошѣлъ, чтобы разные виды расшѣнїй сравниваемы были въ отношенїяхъ Бошанинѣ, Анапомїи и Физиологіи: но дабы начашъ сшоль важное дѣло съ надеждою желаемыхъ успѣховъ, сперва надлежало, чтобы Турнефоршы, Линнеи, Адансоны, Жюссье и многїе другїе одаренные отличными способностями люди, шрудившїеся надъ усовершеншвованїемъ Бошаники,

раздѣлили виды растѣній на классы по правиламъ очевиднымъ и нимало незапруднишельнымъ; послѣ того надлежало доказать, что Теофрастъ нешибался, и что дѣйствительно есть способы во внутреннемъ образованіи растѣній и въ феноменахъ растительности найти признаки, удобные къ опличенію породъ въ царствѣ прозябеній. Сіе теперь уже доказано. Одинъ естествоиспытатель, членъ сего Института (*), возвращаясь изъ Африки, гдѣ наблюдалъ онъ финиковое дерево, споль много опличающееся отъ деревъ нашего климата, съ успѣхомъ произвелъ въ дѣйство ученіе Греческаго Философа, и открылъ новое поприще въ такой наукѣ, которая повидимому доспигла уже своего совершенства, и которая должна была довольствоваться только примѣненіемъ изобрѣщенныхъ правилъ. Я предложу нѣкоторыя подробности, имѣющія служить необходимымъ присупомъ для удобнѣйшаго понятія феноменовъ, о которыхъ послѣ говорить буду.

Извѣстно, что дубовой желудь, Турецкой бобъ, начавши расти, производящъ два листка, коромыска, полные, прошивуположенные одинъ другому. Извѣстно также, что

(*) Г. Дефоншенъ, сочинитель *Флоры горы Атласа*.

зерно луковицы, глацинша, пальмы, производящъ одинъ листокъ продолговатой и цилиндрической. Опшуда раздѣленіе всѣхъ растѣній на два большіе класса: на имбющія два сбмянныя листочка, *dicotyledones*, и на имбющія одинъ сбмянной листочекъ, *monocotyledones*.

Первыя обыкновенно бываютъ вѣтви-сты; ихъ листья почти всегда опшичающа-ся выдавшимися, разходящимися жилочками и бываютъ сбужены вѣ нижней часпи.

Впорыя часто бываютъ совсѣмъ безъ вѣтвей; у многихъ видовъ листья, сб пон-ными параллельными жилочками, обвемлютъ спволъ широкимъ своимъ основаніемъ.

Таково замѣчаніе, сдѣланное Бопани-ками; но сїи различія очень маловажны вѣ сравненіи сб шѣми, кои опшкрываются при наблюденіи внутреннихъ органовъ.

Разсмащривая поперечникъ срубленнаго вѣ изшихъ лѣсахъ дерева, вѣ средопочіи ствола замѣчаемъ мягкое вещество, извѣ-стное подѣ названіемъ сердцевины; окруж-ность состоитъ изъ твердой коры; между корою и сердцевиною находящяся слои дере-ва вѣ видѣ одноценпренныхъ круговъ; опѣ сердцевины вѣ окружности идушъ мозговые лучи, подобные лимбамъ на часахъ солнеч-

ныхъ. Напротивъ того въ горизонтальномъ разрѣзѣ фининоваго дерева или другаго какого-либо распѣвня, имѣющаго единъ листокъ сбмянной, находимъ, что сердцевина занимаетъ большую часть ствола; что дерево состоитъ изъ длинныхъ листовъ, простирающихся вдоль по сердцевинѣ, и что нѣшъ здѣсь лучей, идущихъ отъ средопочія къ окружности. Наконецъ ежели замѣчать прозябаніе распѣвнй, имѣющихъ и одноценпренные слои и длинныя нитки; то опкроешя, что первыя увеличиваются чрезъ соспавленіе новыхъ слоевъ, нарастающихъ въ окружности ствола, а послѣднія чрезъ умноженіе и прибавленіе въ длину листовъ, находящихся въ самой сердцевинѣ.

Такимъ образомъ и Анапомія и Физіологія совершенно подшверждають сдѣланное Ботаниками раздѣленіе распѣвнй на сбмянныя однолиственныя и сбмянныя двулиственныя. Наблюденія, на которыхъ основано сіе опкрыпіе, получили начало свое отъ ученія Теофрастова.

Да будетъ мнѣ шеперь дозволено кратко предложитъ о главныхъ феноменахъ, которые были особеннымъ предметомъ изслѣдованій моихъ и наблюденій (*). Послѣ-

(*) См. книгу *Théorie de l'organisation végétale*, напечатанную въ Парижѣ 1809 года.

дующее имѣетъ связь съ шѣмъ, о чемъ говорено выше.

Не проспипельно было бы полагать, вмѣстѣ съ нѣкопорыми еспесвоиспытателями испекіаго вѣка, болѣе склонными выдумывать сиспемы, нежели наблюдать Природу, будто распѣнія имѣютъ сердце, болевья и кровеносныя жилы, фибры и мускулы, однимъ словомъ, будто распѣніямъ недоспаетъ только органа чувспивпительности, чшобы походить на живощныхъ. Всѣ распѣнія соспавлены изъ перепоночной ткани, заключающей въ себѣ безчисленное множеспво клѣпочекъ, копоры почти можно назватъ пузырями, приклеенными одинъ къ другому. Нѣкопоры клѣпочки однакъ имѣютъ видъ понижъ шрубчекъ и проспираются въ длину распѣнія. Сими сосудами жидкостъ поднимаясь вверхъ, разливаеся по всему спволу; ибо клѣпки и шрубочки имѣютъ между собою сообщеніе посредспвомъ опверспій. Есть даже и пакія шрубочки, копоры вкругъ имѣютъ скважины, и видомъ своимъ походятъ на виншъ или на пыжовникъ. Малпиги почипалъ ихъ за легкое въ распѣніяхъ, потому что онѣ въ самомъ дѣлѣ имѣютъ нѣкопорое сходспво съ дыхательными орудіями насѣкомыхъ; но многокрашняя наблюденія удоспобрили меня,

что онъ суть не иное что какъ главные каналы для сока; ими - по растѣнїе вбираетъ въ себя спихїи земли и воздуха.

Одна часть сока выходитъ медленнымъ испаренїемъ; изъ другой составляюща ма-сло и смола, коими наполнены бывающъ большїя логвины въ клѣпчатой ткани сердцевины и коры; прешья производитъ слизисщюю влажностъ или пишательный сокъ прозябаемыхъ (*chyle végétale*), служащїй къ увеличенїю массы растѣнїя.

Но какая сила гонитъ влагу изъ земли и воздуха въ сосуды? Мершвое дерево внутреннимъ успроенїемъ своимъ ни малю нераз-нился отъ живаго; не смотря на то, въ немъ не подниметъ влага къ верху, сколько ни намачиваете корня водою. Надобно, чтобы живыя растѣнїя имѣли въ себѣ силу, отъ Природы данную ихъ сосудамъ. До нынѣ щепны были всѣ покушенїя обьяснить феномены распишельности обыкновенными законами Физики.

Гдѣ же пребываетъ сія сокрытая отъ взоровъ нашихъ и наблюденїй сила, коея нѣкопорыя дѣйствїя намъ извѣстны? Не корень ли есть вмѣспилищемъ ея? нѣтъ; ибо въшвь опдѣленная отъ сівола, бывъ посажена въ землю, пускаетъ отъ себя ко-

рень. Не въ сердцеви́нѣ ли она скрывается? опяшь нѣтъ; ибо опнявши сердцеви́ну, вижу, что дерево не лишается распишельной своей силы. Не въ само́мъ ли деревѣ? не думаю; ибо дерево есть пшвердая часшь, имѣющая жизнь спрадашельную. Слѣдова-тельно въ корѣ искашь ее должно; ибо въшь, лишешная коры и посаженная въ землю, сохнешь и умираешь.

Разумѣешь, что жизненная сила (такъ назовемъ непоспнжимую силу сѣю) пребываеть не во внѣшней часпи коры, но полько во внушренной, извѣспной подь именемъ луба; ибо первая часшь суха и пшверда, а вторая свѣжа и мягка. Почки, лиспки, опростпки, молодые корни суть произведеніе луба. Они соединяюпся со средоточіемъ распѣнїя посредствомъ сосу-дувъ сердцевины, и подобно насосамъ под-нимающь длинными трубками влажность и газь, прѣмлемыя изъ земли и ашмосфе-ры. Сѣе всасываніе, продолжающееся при благопрїятной для жизненной силы теплотѣ, замѣняешь ущербъ, производимый испареніемъ.

И такъ лубъ есть необходимой органъ прозябанїя. Мы увидимъ, каимъ искусствомъ Цашура продолжаеть жизнь древе-совашыхъ распѣнїй, и каимъ образомъ

согласить можно законы расщепельности съ долговременною жизнью нѣкоторыхъ деревьевъ, коихъ рожденіе едва ли не старѣе всѣхъ памятниковъ историческихъ.

Въ осень каждое годовое расщепіе засыхаетъ на корнѣ своемъ и умираетъ. Въ то же время дерево лишается листьевъ; но въ слѣдующую весну оно опять зеленѣетъ, одѣвается листьями, цвѣтетъ и приноситъ плодъ. Причина сего явленія скрывается въ лубѣ. Сія внутренняя часть коры, напитавшись сокомъ и превратившись въ дерево лѣтомъ, немедленно замѣняется новымъ лубомъ, влажнымъ и гибкимъ, подобнымъ праву при первоначальномъ ея прозябаніи. Новый лубъ, защищаемый вѣшною корою отъ холода въ зимнее время, дождавшись крошечнаго вліянія весны, облекаетъ дерево съжею корою. И такъ лубъ имѣетъ совершенное сходство съ правою, которая рождается, растетъ, приноситъ плодъ и умираетъ, и коея весь періодъ жизни продолжается нѣсколько мѣсяцовъ. Посему почти можно сказать, что стволъ дерева составляется изъ правы, ежегодно нарастающей, и что слои дерева означаютъ рядъ поколѣній, которыя рождаются одно послѣ другаго, увеличиваютъ массу расщепія.

Вникнувши въ законы прозябанія, мы не столько должны удивляться долговремен-

ной жизни дерева, сколько тому, что оно подвержено смерти. Не упоминая о случайных болезнях, иногда прекращающих жизнь дерева, замѣтимъ, что засореніе сосудовъ служило причиною неизбѣжной смерти. Когда по прошествіи извѣснаго времени, смотря по свойству расщепленія и по обстоятельству, въ которыхъ оно находится, соковые каналы въ деревѣ засоряются; тогда сокъ не можетъ проходить свободно, лубъ не возраждается и оцощающее дерево умираетъ.

Появленіе почекъ есть первый признакъ новой расщепленности. Почка спавшаяся продолжаетъ развиваться и превращающаяся въ вѣтвь, изъ которыхъ выходятъ листья.

Листочки сидящъ иногда по два вмѣстѣ, одинъ противъ другаго; въ такомъ положеніи видимъ ихъ на горшечни. Иногда распускаясь они по одиначѣ, въ нѣкоторомъ разстояніи одинъ отъ другаго, на примѣръ на гвоздикѣ. Отъ чего такое несходство? Отъ чего на одномъ сѣбѣ листья кажутся будто разбросанными безъ намѣренія, а на другомъ посажены щцательно съ наблюденіемъ порядка? Въ анапоміи сивола искашь надобно отвѣта на сіи вопросы. Листочки уединенные, находящіеся въ нѣкоторомъ разстояніи одинъ отъ другаго, неимѣютъ никакой взаимной связи между собою; на-

прошивъ того парные листки внутри соединены перемычкою одинъ съ другимъ, и потому оба распушъ въ одно время и въ одинакой мѣрѣ,

Сія перемычка, сперва слабая, укрѣпляется къ старости, сдѣлываетъ сосуды спвола и препятствуетъ различію пипательной влаги; она производитъ наросты и узлы подобные шѣмъ, которые можно сдѣлать на спволѣ дерева, переплывши его веревкою.

Черешокъ, или шебелекъ, на которомъ листъ держится, скрываетъ въ себѣ подъ верхнею кожицею длинныя нипи, расположенныя во многихъ расшнѣяхъ шакъ искусно, что онѣ, служа одна другой взаимною подпорою, дають черешку швердосъ и направленіе, хотя и кажется онъ слабымъ. Но когда натура хочетъ произвести подвижной листокъ шополевой; тогда нипи въ черешкѣ располагаются она шакимъ образомъ, чтобы оныя не препятствовали другимъ перегибаться; вопшъ почему шополевые листья колеблются при малѣйшемъ движеніи воздуха.

Цвѣтъ есть изящнѣйшее произведеніе расщипельности. Въ немъ содержится орудіа плодшворенія.

Пыльная головка (anthera), или клѣпчатой мѣшечекъ, содержащій въ себѣ плодотворную пыль, подъ верхнею своею кожею имѣетъ перегородки, которыя расширяются и сжимаются, смотря по количеству находящейся въ нихъ сырости. Отъ движенія упругости головка раскрывается, и выбрасываетъ изъ себя пыль плодотворную.

Въ пестикѣ (*) скрываются зародыши. Ученый Португалецъ г. Корреа, членъ Института, первый дѣлалъ съ точностію наблюденія надъ тоненькими каналами, чрезъ которые производится оплодотвореніе сѣмени.

Сосудистыя нити соединяютъ растѣніе съ сѣменами и доставляютъ зародышамъ пищу, необходимо нужную для ихъ прозябанія. Другія сосудистыя же нити отъ сѣменъ поднимаются до вершины рыльца (stigma) или той части пестика, на которую падаетъ пыль плодотворная.

(*) *Пестикъ* (pistillum) есть вторая часть цвѣтка послѣ пыльной головки, и почитается женскимъ органомъ растѣній. Онъ обыкновенно находится въ срединѣ цвѣтка, служитъ для принятія плодотворной пыли, и состоитъ изъ трехъ частей: изъ *зародыша*, *столбика* и *рыльца*.

Но сія пучная и лепучая влага, содержащаяся въ каждой пылинкѣ, сей *жизненный духъ* проникаетъ ли въ самое рыльцо? проходитъ ли черезъ спонжіе каналы до самаго сѣмени? поого необъясняющъ ни опыты ни наблюденія; конечности сосудистыхъ нитей шеряюща въ ткани, чрезвычайно спонжой, а на верхней оболочкѣ рыльца, или верхней части пестика, непримѣтно никакихъ скважинъ. Таймъ образъ въ растѣніяхъ, равно какъ и въ животныхъ, плодотвореніе закрыто отъ Напуры священною завѣсою, которой поднять не можетъ рука человѣческая.

Не задолго до плодотворенія, пестикъ въ нѣкоторыхъ растѣніяхъ выпускаетъ изъ себя пахучую клейкую влажностъ; послѣ плодотворенія сокъ влаги прекращается, не потому, какъ думалъ Линней, буди сія влага есть одно изъ началъ плодотворительныхъ, но потому что она съ собою поръ дѣлается нужною для питанія зародыша.

Зародышъ есть цѣлое растѣніе въ уменьшенномъ видѣ. Въ немъ примѣненъ корень и одинъ или два листка сѣмянные. Когда видѣнъ одинъ листокъ: это значитъ, что во влагалицѣ всемъ онъ заключаетъ многіе другіе; что растѣніе имѣшь будешъ

влагалищныя листья, и что спволь состоятъ будещъ изъ длинныхъ ниспокъ, разбъ-
янныхъ по сердцевинѣ.

Напрошивъ того, ежели въ зародышѣ
окажешся болѣе одного листка сбмяннаго;
то весьма вѣрояшно, что другія листья
не будещъ влагалищныя, и неподвержено
сомнѣнью, что спволь состоятъ будещъ
изъ одноценшренныхъ слоевъ и сердцевины.

Обозрѣвъ многіе важнѣйшіе феномены
въ экономіи прозябеній, мы очутились пе-
перь на помѣ мѣспѣ, съ котораго нача-
лось шествѣе наше.

Изъ вышесказаннаго надобно заключить,
что главный предметъ Физіолога нынѣ со-
стоятъ долженъ въ открытіи отношеній
между внѣшними формами и внутреннимъ
образованіемъ, и въ спараніи, буде можно,
распроспранить сисшему сравнительной
анатоміи прозябеній. Таковыя упражненія,
весьма важныя и для Физики вообще, и
для Ботаники, и для Земледѣлія, должны
быть весьма продолжительны и многотру-
дны. Чрезвычайная малость предметовъ
производитъ великія неудобства; но микро-
скопъ открываетъ намъ чудеса невѣдомаго
міра сего, и въ малѣйшихъ частицахъ
расбѣнній мы съ благоговѣйнымъ удивлені-

емъ усматриваемъ напечатлѣніе той безконечной Премудрости, Которая вселенною управляешъ. К.

III. С М Ъ С Ъ.

Ч у д а к и.

(О к о н ч а н і е .)

Графъ Л. Г. обладалъ весьма знашнымъ имѣніемъ. Съ младенческихъ лѣтъ всѣ его желанія и прихоти были удовлетворяемы, и онъ только по слуху зналъ о нуждѣ. Все его воспитаніе состояло въ томъ, что учили его искусству наслаждаться роскошью, и что старались сдѣлать его такимъ человекомъ, который умѣлъ бы только желать, зашѣвать, претованъ и приказывать. Въ цвѣтущемъ возрастѣ посѣтилъ онъ Парижъ. Въ сей столицѣ роскошества нашель все, о чемъ и помышлять было не можно въ бѣдной Германіи (*). Здѣсь далъ онъ полную волю своимъ прихотямъ, наслаждался даже до пресыщенія, и отправился обратно въ отечество съ твердымъ намѣреніемъ не покидать своихъ удовольствій, но только пользоваться ими

(*) Графъ былъ Нѣмецъ.

совсѣмъ инымъ образомъ. Прибхавши домой, нашъ почтенный Графъ пошчасъ началъ заботиться объ исполненіи своего предпріятія и о способахъ прославить имя свое странными поступками. Живучи въ Нѣмецкомъ городѣ, онъ окружилъ себя Французами. Всѣ служащіе при немъ люди, отъ секретаря до послѣдняго конюха, были родомъ изъ Парижа. Они получали большое жалованье; не смотря на то, вели жизнь самую скучную: ибо ничто неразумѣль ихъ, и Графъ тому очень радовался. Въ Январѣ и Февралѣ, въ прескучіе морозы одѣвалъ онъ домашнихъ своихъ въ лѣпшее платье, приказывалъ имъ украшаться розами и фіалками, и въ такомъ видѣ являться на улицахъ. Самъ Графъ превратился въ настоящаго Француза; говорилъ только на Французскомъ языкѣ; писалъ на немъ указы управителямъ, которые должны были и свои донесенія сочинять по французски же. Бѣлье Графское посылаемо было для мытья въ Парижѣ къ шамонимъ прачкамъ. Пироги и паштеты для стола выписывались изъ Парижа. Графъ женился. Маленькую дочь свою воспитывалъ онъ какъ природную Француженку: все для нее выписывалъ изъ Франціи, даже модную обувь. Въ одной деревнѣ своей построилъ онъ великолѣпную залу и украсилъ ее дорогими Венеціянскими зеркалами. Пригласивши нуда дворянъ изъ города, будто бы въ маскарадѣ, Графъ впустилъ въ залу дикихъ быковъ и цѣпныхъ собакъ, которые испугавшись, разбили всѣ зеркала въ дребезги. Хозяинъ былъ весьма доволенъ симъ произшествіемъ.

Днемъ весь домъ былъ запертъ; у дверей ж ворошѣ стояли часовые; въ корридорахъ го-

рѣли лампы; никто не смѣлъ идти со двора, и всѣ должны были покоиться на своихъ постеляхъ. Вечерній колоколъ пробуждалъ домашнихъ; при наступленіи ночи каждой начиналъ отправлять свою должность. Въ сіе время и кабинетъ Графской былъ отворенъ для входящихъ; въ два часа послѣ полуночи собирались въ домовую церковь; по окончаніи обѣдни садились за столъ, а къ утру опять все въ домѣ затихало. Такимъ образомъ Графъ Л. Г. жилъ до своей смерти.

*

Нѣкоторый офицеръ, бывъ нѣсколько разъ обойденъ при повышеніи другихъ чинами, рѣшился сдѣлаться чудакомъ. Онъ вышелъ въ отставку, купилъ себѣ загородной домъ, укрѣпилъ весь дворъ сплошнымъ заборомъ, и оставилъ только одну дверь, которая была всегда запертою, и отворялась нѣсколько разъ въ годъ, да и то ночью. Въ семъ домѣ жилъ офицеръ одинъ-душою, питаясь растѣніями своего сада. Въ темныя ночи выходилъ онъ изъ своей пещеры въ городъ для закупки того, что почиталъ для себя нужнымъ. Въ Свѣтлое Воскресенье обыкновенно являлся въ церкви, исповѣдывался и причащался. Послѣ обѣдни заходилъ въ городъ для заплащыванія поземельныхъ денегъ, потомъ опять запирался въ своемъ домѣ. Любопытные смотрѣли въ скважины забора, и каждой разъ видѣли нашего чудака за работою въ саду или въ огородѣ. Лѣтомъ въ жаркой полдень иногда выходилъ онъ на дворъ безъ рубашки и ложился пропивъ солнца. Дрова носилъ на себѣ по ночамъ изъ лѣса, плащя за нихъ одному вѣрстлянину ежегодно известную сумму. Ошпельникъ, ходя ночью, или днемъ, по обыкновенію сво-

ему въ церковь, низко кланялся всѣмъ встрѣчавшимся, но ни съ кѣмъ неговорилъ ни слова. Въ городѣ былъ у него небольшой капиталъ, кошораго проценнами удовлетворялъ свои надобности, получая оныя въ Свѣтлое Воскресенье. Явившись къ пріятелю своему за проценнами, онъ говорилъ только самое необходимое; равномерно былъ на слова скупъ и передъ чиновникомъ, кошорому отдавалъ поземельныя деньги. Человѣкъ сей провелъ такимъ образомъ многіе годы; въ 1786 году онъ былъ еще живъ.

(Изъ *Museum des Wundervollen.*)

Картина Валахія.

Валахія по мѣстоположенію своему и по качеству земли можешь справедливо считаешь въ числѣ лучшихъ областей Европы.

Она лежишь между 43 и 46 градусами сѣверной широты и между 40 и 45 градусами долготы, по исправнѣйшимъ Россійскимъ картамъ.

Границы *Валахія*: къ Востоку прошокъ *Милковъ* и рѣка *Серетъ*, кошорые отдѣляютъ ее отъ *Молдавіи*; къ Югу и Западу рѣка *Дунай*; къ Сѣверу хребтъ горъ *Карпатскихъ*, кошорый, отдѣляя ее отъ *Австрійскихъ* провинцій *Банната* и *Трансильванія*, простираешся до воспочнаго предѣла, шо есть до прошока *Милкова*. Сіи величественныя предѣлы окружають ее въ видѣ овала,

имѣющаго длины отъ востока къ западу болѣе 350 верстѣ, а самой большой ширины 150 верстѣ.

Горы Карпатскія вообще принадлежатъ къ *Валахи*; къ ней также принадлежатъ всѣ почти острова *Дунайскіе*, которыхъ число велико; и сіе пошму, что средина *Дунай* издревле составляетъ границу, а форващевъ течетъ болѣе къ правой сторонѣ берега.

Изъ числа шести большихъ рѣкъ; которыхъ текутъ поперегъ *Валахи* и впадаютъ въ *Дунай*; рѣка *Алта* всегда можетъ быть судоходною, а прочія пять только при половодіи. Другихъ не столь важныхъ рѣкъ очень много; всѣ вообще изобилуютъ рыбою, которой въ *Дунаѣ* можетъ быть столько же какъ и въ Волгѣ. Въ горныхъ *Карпатскихъ* проходахъ замѣчательны форель и лосось.

На *Карпатскихъ* горахъ находятся прекрасныя и пучныя пажити ароматныхъ травъ; миллионы овецъ (*) и другаго рода скотины пасутся на нихъ во все лѣто. На сихъ горахъ есть великіе дремучіе лѣса, въ кото-

(*) Пошлина, считая по 6 копѣекъ съ овцы; простиралась въ 1788 году до пяти сотъ тысячъ левовъ; что составляетъ триста тысячъ рублей, а число овецъ простиралось до пяти миллионѣ; часть оныхъ принадлежала жителямъ *Трансильванскимъ*: — Овцы обыкновенно пасутся отъ С. Георгія до С. Димитрія на горахъ *Карпатскихъ*; а въ остальную часть года на лугахъ, или на островахъ *Дунайскихъ*:

рыхъ водятся медвѣди, рыси, олени, вепри и черныя дикія козы; а изъ пернатыхъ глухари, рябчики, шешерева и проч.

Въ родѣ ископаемыхъ горы *Карпатскія* столько обильны горною солью, что достало бы ее на многіе вѣки для цѣлой Европы, ежелибъ нигдѣ оной болѣе не было. Нефть получается тамъ изъ нарочно сдѣланныхъ колодезь. Прочія богатства донынѣ осматриваются сокрыты въ земномъ недрѣ; но есть явные признаки рудъ золотыхъ, желѣзныхъ и ш. д.

Вся подошва горъ, начиная отъ *Фокшанъ* до мѣстечка *Чернеця* на разстояніи болѣе 200 верстъ по прямой линіи, покрыта виноградными садами и густыми рощами деревъ плодовыхъ. Вообще выдѣлываемая виноградная вина въ годъ болѣе двухъ милліоновъ вѣдеръ (*), большею частію низкаго разбора по неискusstву виноградарей. Но судя по положенію мѣстъ и по краю земли, на которой находятся виноградные сады, кажется можно бы дѣлать такія вина, которыя не уступали бы въ добротѣ лучшимъ Французскимъ. Теперь за лучшія вина почитаются *Сутецкое*, *Драгошанское* и *Скалянское*.

Черезъ *Карпатскія* горы есть только шесть дорогъ въ *Австрійскія* владѣнія, и онѣ такъ тѣсны, что съ трудомъ можетъ повозка пробхать. Спремнины и бѣдны приводящъ въ ужасъ путешественниковъ.

(*) Сіе извѣстно по суммѣ собираемой пошлины, отъ вѣдра по 6 копѣекъ.

Отъ подошвы всей цѣпи горъ *Карнатскихъ* предспавляется взору прелестная долина на 80 почти верстѣ, простирающаяся до самаго *Дуная*. По ней разстилаются въ живописномъ видѣ рѣчки и ручьи, приносящія справнѣ обиліе и прохладу. Тамъ среди шучныхъ полей видны большія полосы темныхъ лѣсовъ и дубравъ богатыхъ плодами, но оставленныхъ на попеченіе самой Природы. Въ нихъ родятся персики, абрикосы, черешня, миндаль; Волоскіе орѣхи и смоквы. За рѣкою Алпою естѣ большія роцци дикихъ каштановъ. Тушовое дѣрево повсюду хорошо принимается. При благошворномъ правленіи шелководство могло бы тамъ содѣлаться однимъ изъ первыхъ источниковъ народнаго богатства; а обладаніе великими лѣсами, и особенно дубовыми превосходной доброшы, представляетѣ важной предметѣ по части кораблестроенія.

На всемъ пространствѣ долины во многихъ мѣстахъ пашни столь плодородны, что не рѣдко зерно пшеницы приноситѣ 35 и 40 зеренъ; а когда 20 только, то земледѣлецъ тамошній говоритѣ, что онѣ имѣлѣ посредственный урожай. При всемъ епомѣ вообще видно мало посѣвовъ пшеницы. Несправедливость и неблагонамѣренность Турецкаго правленія испоргаетѣ у жителей всѣ благодѣянія Природы. Вездѣ при жилищахъ видна кукуруза, растущая на обширныхъ нивахъ, которую обрабатываютъ. Одно зерно ея приноситѣ до 1000; епомѣ одинѣ жлѣбѣ спасаетѣ жителей отъ голоду.

Величественный видѣ *Дунай* и его окрестностей представляетѣ самую великолѣпную

картину; но она перяетъ свои красоты въ странѣ владычества варваровъ, въ странѣ угнетаемаго человѣчества! *Дунай*, споспѣшествующій благоденствію столь многихъ просвѣщенныхъ народовъ, обогащающій ихъ промышленность и приносящій изобиліе къ ихъ приспанямъ, въ предѣлахъ Валахіи печетъ же для блага жителей.

Нѣтъ сомнѣнія, что на столь большомъ протяженіи береговъ многія мѣста могли бы сдѣлаться удобными приспаньями для купеческихъ кораблей; на примѣрѣ *Бранловъ* для судовъ приходящихъ съ Чернаго моря, а *Зимница*, лежащая напротивъ Турецкаго мѣстечка *Шинтова*, для судовъ идущихъ отъ *Вѣны*.

Острова и луга Дунайскіе доставляютъ великую пользу и удобность жителямъ *Валахіи*. Почти весь скотъ ихъ и многихъ кочующихъ жителей Трансильванскихъ пасется тамъ въ жеспокія зимы.

По естественному положенію *Валахія* раздѣляется въ длину на двѣ почти равныя части, на горную и на дольную; а потому климатъ и почва земли, по свойству сихъ мѣстоположеній, различны; всякое изъ нихъ имѣетъ свои особливныя красоты, выгоды и богатства.

По гражданскому раздѣленію *Валахія* состоитъ изъ трехъ главныхъ частей: *Кравеской*, *верхней Валахіи* и *нижней Валахіи*. Въ первой пять уѣздовъ, а въ двухъ послѣднихъ по шести. Всякой уѣздъ имѣетъ свой городъ или мѣстечко. Сверхъ того есть еще

нѣскольکو округовъ, или *расевъ*, исключительно присвоенныхъ Турками. Таковы сушь: рай *Браиловской*; рай *Юрьевской* и рай *Турновской*.

Нынѣ споличный городъ Валахскаго Княжества *Бухорестъ*; а прежде споллицею было *Тиргвище*. *Сланъ* (*) *Рылникъ* небольшое мѣстечко, по которому герой Суворовъ получилъ проименованіе. *Юрьевъ* или *Журжж* есть по видимому то самое мѣсто, гдѣ Великій Князь *Святославъ* имѣлъ свое пребываніе, владѣя обоими берегами *Дунява*.

Волохи называютъ свою землю *царя румыняска*, то есть *краемъ Римскимъ*, а себя *Румыни*, то есть *Римлянами*. Они говорятъ, ссылаясь на свои лѣтописи, что по совершенномъ опустошеніи *Валахія*, черезъ частые переходы варваровъ, въ началѣ изгнанныхъ одиныхъ Князь, родомъ *Румынь* или *Римлянинъ*, *Раду вода негру* воевода Рудольфъ Черный, вышелъ изъ Трансильваніи съ многочисленными своими войсками и основалъ нынѣшнее Волошское Княженіе. Въ началѣ оно было наследственное, но скоро попомѣсѣлось избирательнымъ; наконецъ усмлившись имѣло непреснанныя и часта удачныя войны съ Венграми, Молдаванами, Поляками и Турками. Все это, особливо же долговременное и мужественное сопротивленіе противу грозныхъ тогда силъ Мусульманскихъ, даетъ причину думать, что *Валахія* была очень населена.

(*) Сланъ слово Славянское, и значить солемъ.

Турки до половины 17го столѣтія не могли овладѣть Валахією. Не прежде 18го вѣка она покорена совершенно, къ чему способствовали преданные Туркамъ рабы ихъ, Греки Фанарскіе (*), Сии вѣроломные участники злодѣяній Турецкаго Правительсва въ печеніи спалы привели Валахію въ самое плачевное состояніе, произвели въ ней опустошеніе, и даже переѣмили нравы несчастныхъ ея жителей. Народъ, будучи угнѣщенъ, потерялъ всю бодрость и смѣлъ робкимъ и лѣнивымъ; дворянство, потерявъ изъ виду общественное благо, когда уже отъ него оно не зависѣло, присоединилось къ Грекамъ Фанарскимъ,

Всѣхъ вообще жителей полагаются въ *Валахіи* до пяти сотъ тысячъ; но вѣрнаго счисленія имъ одѣлать невозможно, потому что гонимые притѣсненіями и грабительствомъ, они скипаются по разнымъ мѣстамъ и не надолго имѣютъ постоянныя жилища.

Въ *Валахіи* вѣроисповѣданіе Греческое, Судъ производится по Римскимъ законамъ; къ нимъ прибавлена книга *Обычай земскій*, которая по долговременности сдѣлалась зако-

(*) *Фанаръ* есть предмѣстье Константинополя, гдѣ живетъ сволочь коварныхъ и корысполюбивыхъ Грековъ, недостойныхъ носить имя ни древнихъ предковъ, ни шеперешнихъ своихъ одородцовъ; это лазутчики и наушники Турецкаго Правительсва. Не желая потерять въ *Валахіи* поприще грабежей, споль для нихъ выгодное, они дѣйствующъ можеть быть и при кнѣзьяхъ поступкахъ Порты.

номъ. Но въ такомъ состояніи невѣжества и унылости духа законы не могутъ сохранятьъ ни свящости своей, ни силы.

Принятая система собирать подати и вообще доходы, столь пагубна для народа, что и самые Алжирскіе разбойники не могли бы ничего хуже придумать. Она конечно должна разрушиться при новой вождельной перемѣнѣ.

Все, что нынѣ имѣетъ Валахія по части произведеній ума и рукъ человѣческихъ, совсемъ не важно. Но что могла бы имѣть она при благодѣтельномъ правленіи, по всякой благомыслящей человѣкъ угадываетъ. Мысль сія достойна внушить участіе въ ея судьбѣ; и есть лестная надежда, что подвиги нашихъ героевъ не будутъ щепоты для блага обитателей сего края.

15 Іюня, 1810.

Одесса,

К. Кайтакузинъ.

Разныя извѣстія и замѣчанія.

Во Франкфуртѣ на Майнѣ недавно вышедшая книга, подъ названіемъ *Нѣмецкой народъ и перемѣны съ нимъ случившіяся*, обратила на себя вниманіе публики. Вотъ параграфъ главы 75-й и послѣдней: „Я представилъ, говоритъ сочинитель, картину главныхъ происшествій Нѣмецкой исторіи, сей великой исторической драмы, которую по всей справедливости можно назвать *Братьями вра-*

14 жж. Отъ переправы Цезаря черезъ Рейнъ до перехода Наполеона черезъ Дунай близъ острова Лобау, Нѣмецкая исторія представляющъ рядъ непрерывныхъ браней между Франками и Нѣмцами, между жителями сѣвера и юга, между католиками и протестантами. Только въ царствованіе Карла Великаго Нѣмецкой народъ наслаждался спокойствіемъ, просвѣщеніемъ и славою. Бракъ Наполеона съ Луизою надлежишь почишашъ новымъ союзомъ между Нѣмцами и Французами. Намъ и дѣшамъ нашимъ предлежишь счастье, котораго мы долга нецѣбили. Предки Луизы носили вѣнецъ Карла Великаго сряду нѣсколько столѣтій; Наполеонъ возвращаешь ему блескъ своими побѣдами. Трагедія окончилась, и развязка общаешь намъ счастливыя событія!“ Книга посвящена Е. В. Императрицѣ Луизѣ.

✱

Въ Парижѣ появился теперь особенной серебряной снарядъ, которой спъ ится на столѣ съ зубочистками. Онъ представляешь дикобраза съ вошкнутыми иглами, которыя суть не что иное какъ зубочистки. Нѣтъ сомнѣнія, что ревнишеля Французскихъ выдумокъ незамедляшь и у себя завести подобныхъ дикобразовъ.

✱

Авгсбургской механикъ Гейнгле объявляешь объ изобрѣшенной имъ машинѣ, которая прядешъ ленъ сама собою. Онъ откроешь свою шайну, когда выдана будешъ награда, обѣщанная Французскимъ правительствомъ изобрѣшателью самой лучшей прядильной машины.

✱

Лондонскій врачъ Малшусъ за чепыре года передъ сямъ издалъ книгу *О народонаселеніи*.

донси, содержащую въ себѣ много любопытныхъ извѣстій и замѣчаній касательно домашней жизни людей низкаго сословія, но также весьма много и неосновательныхъ мыслей. По видимому, онѣ самѣ незналъ, къ какой именно цѣли клоняшся всѣ его замѣчанія; онѣ обнаруживающъ мнѣніе сочинителя, кошорой думаетъ, что *нужно ограничить размноженіе народа*, между тѣмъ какъ тѣмъ же сочинителемъ частно повторяетъ, что онѣ опнюдь не намѣренѣ проповѣдывать такой ужасной и нелѣпой мысли. Книга сія сдѣлала извѣстнымъ Малшуса; но незаслуженная слава скоро исчезаетъ. Въ 1807 году издалъ онѣ другое сочиненіе (*Важныя причины сопротивляться прививанію коровей оспы*), кошорое совершенно обнаружило его неосновательность. Малшусъ совѣдуетъ удержаться отъ прививанія оспы, для того что недоспаненіѣ сѣбѣщихъ припасовъ, ежели люди безпрепятственно будутъ размножаться, и для того что бѣднымъ, имѣющимъ многихъ дѣшей, шрудно кормить ихъ. И такъ, чтобы угодишь почтенному господину Малшусу, надобно миліоны младенцовъ осудить на мучительную смерть, причиняемую натуральною оспою, а щѣхъ, кошорые оспанушся живыми, подвергнушь опасности сдѣлаться уродами! — Болѣе нежели двѣ шрести пространства на земномъ шарѣ или совсѣмъ незаселены, или имѣющъ весьма немногихъ жителей; следовательно въ продолженіе тысячи лѣтъ родъ человѣческій не будетъ имѣть причины бояться тѣсныхъ и голода. Никто не споритъ, что есть великіе города и можетъ быть цѣлыя провинціи весьма многолюдныя: но жители оныхъ могутъ открыть новые способы къ прокормле-

нію себя; сверхъ того излишнихъ людей всегда можно опсправлять въ опдаленныя спраны для заведенія новыхъ колоній.

*

Нѣкто Пьеръ Жуанъ издалъ сочиненіе свое на Французскомъ языкѣ: *Парижъ въ осмидцати томъ вѣкѣ*. Въ Журналѣ Имперіи сравниваютъ сію книгу съ извѣсною Каршиною Парижа (*Tableau de Paris par Mercier*), о которой сказалъ Ривароль, что *сочинитель выдумывалъ ея улицы, и писалъ на угольномъ камнѣ*. Но такимъ образомъ иногда можно вѣрнѣе начертать каршину обычаевъ и дѣйствій народныхъ, нежели сидя за учебнымъ столомъ. Кажется, что г. Жуанъ навлекъ на себя гнѣвъ своего кришика особенно шѣмъ, что нѣсколько грубо говоритъ о Парижскихъ жишеляхъ.

*

Фунтъ сахару стоить шеперь въ Парижѣ 4 ливра. Думаютъ, что цѣна сего припаса дойдетъ до 6 ливровъ, и во многихъ уже домахъ употребляютъ его съ большею бережливостію.

*

Въ Парижѣ выходитъ въ свѣтъ *Продолженіе Винкельмановой Исторіи художествъ*. Сочинитель его, г. Аженкуръ, путешествовалъ по Англіи, Фландріи, Голландіи, части Германіи и по всей Италіи, и съ 1780 года жилъ въ Римѣ, гдѣ въ продолженіе тридцати лѣтъ собиралъ все нужное для произведенія въ дѣйствіе своего предпріятія. Онъ начинаетъ исторію художествъ съ той почки, на которой остановился Винкельманъ, и ведетъ ее отъ упадка искусствъ въ чешвершемъ столѣтїи до возстановленія ихъ

въ шестнадцатомъ при Папѣ Львѣ Х. Сперва предлагаетъ онъ обзорнiе гражданскаго, политическаго и ученаго состоянiя Греческой Имперiи и Италiи въ упомянутое время; потомъ показываетъ въ самыхъ вѣрныхъ изображенiяхъ важнѣйшiе памятники художествъ. Все сочиненiе состоишь изъ 6 томовъ въ листъ съ 325ю рисунками, гравированными въ Римѣ подъ наблюдениемъ самаго Аженкура. Изъ сихъ рисунковъ 73 принадлежатъ къ Зодчеству, 48 къ Ваянiю и 204 къ Живописи. Книга будетъ выходить шестрадами, въ каждыя шесть недѣль по одной. Цѣна за каждую шестрадь, которыхъ выдетъ 24, назначено 30, а на веленовой бумагѣ 60 франковъ.

✱

Старинная пословица, Nil novi sub sole, *нѣтъ ничего новаго подъ солнцемъ*, шеперь никуда негодится. Сколько въ наше время открыто новыхъ наукъ, для которыхъ надлежало выдумывать и названiя новыхъ же: *мегаантропогенезя, мнемоника* и проч. и проч.! Вотъ опять одинъ искусникъ, участвующий въ изданiи *Газеты здравiя* (Gazette de fantè) объявляетъ объ изобрѣшенномъ имъ искусствѣ *посредствомъ обоянiя узницавъ полъ младенца за восемь мѣсяцовъ до его рожденiя!* Не зная еще, къ чему можешь пригодиться изобрѣшенiе такого хорошаго способа, всякой ошдзствъ справедливостн чупкому носу изобрѣшашеля.

IV. ОБОЗРѢНІЕ ПРОИЗШЕСТВІЙ,

Р о с с і я.

По открытіи военныхъ дѣйствій за Дунаемъ нынѣшняю весною, побѣдоносное Россійское войско показало новыя охоты усердія своего къ Опеческву. Давно ли храбрыхъ защитниковъ нашихъ заочно поздравляли мы съ низложеніемъ *Базарджика* и плѣненіемъ Сераскира *Пегливанна*? Давно ли читали радостныя извѣстія о покореніи знаменищой Силистріи, извѣстной и по исторіи опеческства нашего подъ именемъ Доростеля или Дриспры? Теперь опять увѣдомляемся, что Руцукъ (можетъ быть Свяшославовъ, Цереяславецъ) осажденъ Русскими, и что по разбиіи предъ *Разградомъ* Турецкаго войска, взяшы въ плѣнъ двухъ — бунчужный Паша Махмушъ и Молдаванскій Князь Каллимаки, и получены въ добычу три знамена со всѣмъ непріятельскимъ снаряженіемъ. Оставшіеся Турки заперлись въ Разградъ; но скоро принуждены были просить пощады. Трехъ-бунчужный Паша Серуръ - Махметъ, по договору съ Генералъ-Маіоромъ Сабанѣевымъ, положилъ оружіе и съ тремя тысячами войска отдался военноплѣннымъ.

Ф р а н ц і я.

Персидскій посланникъ выѣхалъ изъ Парижа съ своею свитскою. Шевалье Жуберъ про-

вожаетъ его до границы. — Императоръ Наполеонъ 7 Юня принималъ въ Тюильерійскомъ дворцѣ прибывшихъ съ поздравленіемъ по случаю бракосочетанія Е. В - а : Россійскаго Министра внутреннихъ дѣлъ Князя Куракина , Испанскаго Министра духовныхъ дѣлъ Герцога Санта Фе , и другихъ знатныхъ чиновниковъ, присланныхъ отъ разныхъ Европейскихъ дворовъ съ тѣмъ же препорученіемъ. Послѣ сихъ аудіенцій представлены были Е. В - у Россійскимъ Императорскимъ Посломъ Княземъ Куракинымъ : Генералъ - Лейтенантъ Князь Долгорукій , Каммергеръ Борисъ Князь Куракинъ и Каммеръ - Юнкеръ Графъ Зошовъ. — Начальствующій въ Булони Генералъ Вандамъ донесъ Военному Министру, что Генералъ Сарразень перебѣжалъ къ непріятелю. Сей Генералъ сѣлъ съ арапомъ своимъ въ рыбацью лодку на малой Гарениѣ, приказалъ везти себя въ открытое море и вышелъ на одно Англійское судно, опустивши обратно къ берегу лодку, коея начальнику далъ свидѣтельство въ томъ, что онъ Сарразень велѣлъ везти себя къ Англійскому судну по дѣламъ, до службы касающимся.

Неаполитанское Королевство.

По случаю прибытія Короля Іоакима въ Калабрию, ожидающъ важныхъ происшествій, Войско назначенное для высадки состоитъ подъ главнымъ начальствомъ Его Величества. Отъ Гаеши до Тарента всѣ суда и рыбацьи барки взяты правительствомъ для своего употребленія. Онѣ послѣ возвращены будущъ хозяевамъ. Вся Королевская гвардія находится въ Калабрии.

Варшавское Герцогство.

Новая Галиція раздѣлена на 4 департаментъ: на *Краковскій*, *Радомскій*, *Люблинскій* и *Сѣдлицкій*. Нынѣ все Герцогство Варшавское состоитъ изъ десяти департаментовъ. Прѣжніе шесть сущь слѣдующіе: *Варшавскій*, *Познаньскій*, *Калишскій*, *Брежбергскій*, *Плоцкій* и *Ломзаскій*.

А н г л і я.

Англичане овладѣли въ Веснѣ-Индіи Голландскимъ островомъ Св. Евстафія; которой сдался имъ на капитуляцію. — Главная квартира Лорда Веллингтона, главноначальствующаго надъ войскомъ въ Португаліи, из Мая находилась въ *Селерно*. Онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи 22 баталіона Англійской пѣхоты, 5 полковъ и 12 баталіоновъ Португальскаго войска; а всего около 50,000 человекъ. — Герцогъ Кумберландскій, сынъ Е. В. Короля, недавно былъ въ крайней опасности лишиться жизни. Мая 30го ночью, когда Герцогъ легъ уже въ постелю, неизвѣстный злодѣй вошелъ въ спальню и успѣлъ нанести ему нѣсколько тяжелькихъ ранъ саблею на головѣ и на шеѣ, пока Принцу удалось отворить окно и призвать спрѣжу. Подозрѣніе пало на служителя Принцева, Саллиса, котораго нашли въ комнаѣ его съ перерѣзаннымъ горломъ. Думали, что Саллисъ самъ себя лишилъ жизни, терзаемый бѣшенствомъ отъ неудачи и спрѣхомъ поносной казни; теперь однакожь открываешся, что виновникомъ злодѣянія былъ нѣкто другой, и что онъ умертвилъ Саллиса, дабы отклонить отъ себя подозрѣніе. Сей преступникъ еще не отысканъ.

Т у р ц и я.

Въ Перѣ, одномъ изъ обширнѣйшихъ пред-
иѣспій Константинопольскихъ, въ послѣд-
нихъ числахъ Апрѣля былъ ужасный пожаръ,
испребившій до четырехъ тысячъ домовъ.
Вину сего несчастія опять приписываютъ
Анычарамъ.

13 *Юля.*

У в ѣ д о м л е н і е.

Присланныя изъ С. Петербурга черезъ г-на
Вякельмана 25 рублей, по желанію благошво-
ришеля, отправлены въ Нижній-Ламовъ къ
ошцу Архимандриту Израилю, для врученія
Тишулярному Совѣшнику А. А. С.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

№ 15. АВГУСТЪ 1810.

I. СЛОВЕСНОСТЬ.

~~~~~  
П Р О З А.  
~~~~~

Историческое изслѣдованіе о времени рожденія В. К. Святослава.

„Ошцы и братіе, еже ся гдѣ опи-
салъ, или переписалъ, или не допи-
салъ, чштите исправляая Бога для,
а не кляните: Аминь.“

Пись. А. Н. О. къ Г. А. И. М. П. стр. 28.

§. I.

О рожденіи Святослава и о лѣтахъ жизни сего Князя въ Лѣтописи Неспоровой (по списку Кенигсбергскому печатно-му) не упоминается. Въ другихъ спискахъ рожденіе его положено различно: въ Новгородскомъ и Ростовскомъ, въ 920 году; въ Нижегородскомъ, въ 940 году (1); въ

(1) По свидѣтельству Тамъ, Т. II. стрим. 101 и 148.

въ Лѣтописи Никона и въ спискѣ Кн. Криво-
борскаго (2) въ 942 году.

§. II.

Новѣйшіе Историки въ годѣ рожденія
и лѣтахъ жизни Святослава такъже несо-
гласны. Упомянемъ извѣснѣйшихъ:

1. Ломоносовъ въ Крашкѣмъ Лѣтописцѣ
полагаетъ всѣхъ лѣтъ жизни Святослава
свыше 40 лѣтъ (3); въ Исторіи же гово-
ришь, что онъ жилъ около 53 лѣтъ (4).
Слѣдственно по первому положенію Свято-
славъ долженъ былъ родиться около 930
года, а по второму положенію около 919
года.

2. Ташищевъ въ лѣтописи своей по-
слѣдовалъ Новгородскому и Росшовскому
спискамъ, и положилъ рожденіе Святослава
въ 920 году (5).

3. Елагинъ въ Опытѣ повѣствованія
о Россіи послѣдовалъ Ташищеву, и такъже
положилъ въ 920 году (6).

(2) По свидѣтельству Елаг. Кн. II. въ прим.
на стран. 245.

(3) Соч. Лом. Ч. V. стр. 13.

(4) Др. Рос. Ист. Ч. II. гл. 5.

(5) Т. II. стран. 26.

(6) Кн. II. гл. XII. въ прим. на стр. 312.

4. Кн. Щербашовъ положилъ въ 933 году; но послѣ и самъ смѣшался въ лѣтахъ жизни Свяшослава, какъ по доспашочно доказалъ Болпинъ въ Крипическиххъ примѣчаніяхъ своихъ на Испорію Кн. Щербашовымъ изданную (7).

§. III.

Изъ вышеприведенныхъ писателей Ломосовъ ни котораго изъ двухъ различныхъ своихъ мнѣній не утвердилъ; мнѣніе Кн. Щербашова опровергнуто Болпинымъ; остающіяся только два мнѣнія Тапищева и Елагина согласныя въ томъ, что Свяшославъ родился въ 920 году, и что сльдственно при кончинѣ Игоря, въ 945 году послѣдовавшей, имѣлъ онъ 25 лѣтъ; а всѣхъ лѣтъ жизни его было 52 года.

§. IV.

Но лѣпочисленію сему явно противорѣчишь Неспоръ, единственнѣй и вѣрнѣйшій источникъ Россійскаго повѣствованія. Онъ подъ лѣтомъ 6453 (945) пишетъ: „Славъ, га баше въ Кіевѣ съ сыномъ своимъ дѣлскомъ Свяшославомъ и кормилецъ его „Асмундъ и Воевода бѣ Свенелдъ, ошецъ

(7) Крип. Прим. на Исп. К. Ш. Т. I. § LIX.
К 2

„Мстиславъ (8).“ Слова сіи доказываютъ , что Святославъ при кончинѣ отца своего не имѣлъ 25 лѣтъ. Названіе *дѣтска* , которое даетъ ему Несторъ, и самое участіе Ольги въ правленіи Государства , служатъ тому подтвержденіемъ. Слѣдственно безошибочно можно заключить , что Святославъ родился гораздо послѣ 920 года.

(8) *Отецъ Мстиславъ*. Г. Влагинъ въ прим. на стр. 246 говоритъ: „Къ чему Несторомъ , сіе написано, догадаться я не могъ, и Тапищевъ оставилъ сіе безъ примѣчанія.“ — Осмѣлюсь ли я предложить здѣсь мою догадку? Если слова сіи *отецъ Мстиславъ* не вставлены въ послѣдствіи переписчиками Лѣтописи , но написаны были самимъ Несторомъ ; то вѣрно не въ иномъ разумѣ , какъ въ томъ , что сынъ сего Свенельда въ послѣдствіи его Лѣтописи дѣлается знаменитъ несчастною своею смертію , а болѣе еще слѣдствіями , которыя произошли оной. — Сей есть самый пошлъ *Лютъ* , бездушство котораго было причиною его смерти , и смерть котораго была причиною братоубійства Князей, его Государей , междоусобной войны и многой крови, неповинно проліянной. Имя *Лютъ* не было собственное , какъ замѣчаютъ гг. Влагинъ и Ломоносовъ , но по дурнымъ качествамъ сердца ему присвоенное ; собственное же имя его , сколько по словамъ Нестора догадываться можно , было *Мстисъ* или *Мстисла*.

Догадку сію я не выдаю за достоверную ; но только за догадку.

§. V.

Не взирая однакожъ на споль неоспоримое свидѣтельство, оба почтенные Историка, въ подтвержденіе своего мнѣнія, говоряшъ, что „хошя Свяшославъ въ дре- „внихъ Лѣтописяхъ и названъ *дѣлскомъ*, „однакожъ по дѣйствию его въ 945 году въ „сраженіи при Короспенѣ видно, что онъ „былъ уже не дитя (9).“

§. VI.

И такъ дѣйствіе Свяшослава, на ко-
поромъ почтенные Историки основали из-
численіе лѣтъ жизни сего Князя и годъ
его рожденія, должно служить намъ къ объ-
ясненію споль оцущипельныхъ разворѣчій.

§. VII.

Приведемъ слова Неспора, повѣспвую-
щаго о бивѣ при Короспенѣ; разсмоп-
римъ, въ какомъ значеніи были онъ приня-
ты въ споры изъ нашихъ Историковъ;
пошидимся наипи истинный смыслъ оныхъ,
согдасимъ разворѣчія и опредѣлимъ, если
не *истинный*, то по крайней мѣрѣ *вро-*
яльный годъ рожденія Свяшослава, по
ещь *шакѣй, которой бѣ согласовался*

(9) Там. Т. II. прим. 148. — Елаг. Кн. II, въ
прим. на стр. 245.

съ повѣствованіемъ единственнаго и кореннаго источника нашей Исторіи, Нестора.

§. VIII.

Неспорѣ (спр. 49 и 50; печат. Кенігсб. сп.) подѣ годомъ 946, описывая походъ В. К. Ольги на землю Древлянскую, говоритъ: „И изыдоша Древляне прошиву „и снемшимсь обѣма полкомъ и суну копь- „емъ Свяшославъ на Древляны и копье „лещѣ сквозѣ уши коневи и удари въ „ногу коневи; бѣ бо дѣлскъ.“

§. IX.

Сіе сказаніе Неспора Историкъ наши описали такъ :

1. Ломоносовъ: „Свяшославъ кинулъ „копье въ непріятеля, и пробилъ щѣмъ „коня сквозъ уши (10).“

2. Тапищевъ: „И соспупившимся обо- „имъ полкамъ, Свяшославъ, хошя тогда „младъ былъ, но яко вождь и мстишель „смерши опца своего, самъ началъ битву, „и брося копьемъ въ Древляны, пробилъ „коня сквозъ (11).“

(10) Др. Рос. Ист. Ч. II. гл. 4.

(11) Ист. Там. Т. II. спр. 39.

3. Елагинъ: „Брань жестокая начи-
нается брошеннымъ изъ сильнаго десни-
цы храбраго Свяшослава копьемъ, про-
бившимъ коня подъ начальникомъ
Древлянскимъ (12).“

§. X.

Изъ сихъ выписокъ видно, сколько въ семъ мѣстѣ Испорики наши уклонились отъ Неспора. Онъ не говоритъ, что Свяшославъ пробилъ коня сквозь и при томъ подъ начальникомъ Древлянскимъ, и ошнюдь не называетъ его храбрымъ и десницы его сильною — онъ сказалъ шюльво: *колье летѣ сквозь уши конеси*. Истинный смыслъ сихъ словъ Неспора, по мнѣнiю моему, весьма далекъ отъ того, чтобы Свяшослава выславивъ на сей бишвѣ героемъ, какимъ онъ является въ послѣдствiи своей жизни. Подъ словомъ *сквозь уши* Испорики наши подразумѣвали коня непрiяшельскаго; но въ шакомъ случаѣ если бы копье пролетѣло *сквозь уши*, то не могло бы *раниль ноги* у той же самой лошади. Неспоръ подъ сими словами, кажешся, разумѣлъ коня Свяшослава, а словами *ударилъ въ ногу конеси* (то есть коня сопрошивнаго) хотѣлъ, кажешся, показашь, что Свяшославъ мешашь копьемъ еще не умѣлъ.

(12) Оп. Пов. о Рос. Кн. II. § 55.

Слѣдующее непосредственно за тѣмъ изрѣченіе *бѣ бо дълскъ*, служишь доказательствомъ сему предположенію; оно послано карѣ бы для извиненія его неловкости въ мѣпаніи конья, которое въ то время составляло часть военной науки, и незнаніе которой не могло малолѣтнему причтено быть въ порокъ.

§. XI.

Изъ сего явствуетъ, что и самое описаніе дѣйствія Святослава въ семъ сраженіи, такимъ образомъ изъясненное, не противорѣчишь названію *дълска*, которое далъ ему Несторъ; слѣдственно и причина, на которой почтенные Историки основались, полагали Святослава въ 945 году 25 лѣтъ, симъ самымъ изъясненіемъ уничтожается — а поному и годъ рожденія Святослава теми писателями въ 920 положенный, не можетъ быть признанъ истиннымъ; ибо, противорѣчишь сказанію Нестора.

§. XII.

Для большаго удостовѣренія въ томъ, приведемъ здѣсь (сверхъ показанныхъ въ §. IV) нѣкоторыя доказательства:

1. е. Если, согласно съ мнѣніемъ Татищева и Елагина, положишь рожденіе Святослава въ 920 году; то изъ сего вы-

дети, что Несторъ въ-ьма неосмотритель-
но въ 945 и 946 годахъ Свяшослава, имѣв-
шаго уже 25 лѣтъ, называетъ *дѣтскомъ*
и приспавляетъ къ нему дядьку Асмунда.
Тѣмъ еще менѣе можно будешь согласишь
съ симъ то, что онъ десять лѣтъ спу-
стя, подъ годомъ 955, описывая, что
В. К. Ольга по крещеніи своемъ и по воз-
вращеніи изъ Царяграда, не возмоги уба-
дить Свяшослава нѣ принятію Вѣры
Христіянской, говоритъ на стр. 56: „И
„се рѣкши, молящесь за сына своего и за
„люди по вся дни и ноци, *кормячи сына*
„*своего до мужества его и до возраста*
„*его.*“ И послѣ въ подтвержденіе сего подъ
годомъ 964 прибавляетъ: „Князю Свяшо-
„славу *взрастшу и возмужавшу.*“ Слѣд-
ственно Несторъ не только не ошибся, на-
звавъ въ 945 году Свяшослава *дѣтскомъ*,
но и спустя десять лѣтъ послѣ того не
признавалъ его еще возмужалымъ и только
въ 964 полагаетъ, что онъ достигъ со-
вершеннаго возраста. Неоспоримое доказа-
тельство, что Свяшославъ родился не въ
920 году!

2.e. Съ 947 по 964 годъ Свяшославъ,
по лѣтописямъ, пребывалъ въ покоѣ. Если
бы онъ въ 945 году былъ точно 25 лѣтъ,
какъ полагаютъ Ташицевъ и Благинъ, то
можно ли думать, чтобы сей воинствен-

ный духъ 17 лѣтъ лучшей своей жизни, по ешь отъ 26 до 43, провель въ бездѣйствіи! Эшо еще служишъ доказательствомъ справедливости Неспорова повѣствованія, что онъ былъ тогда несовершенныхъ лѣтъ; ибо коль скоро въ возрастъ пришелъ въ 964 году, по нача совокупляти вои (13), и всѣ остальные 8 лѣтъ провель на полѣ брани. Въ сей крашій, но славный періодъ жизни своей, онъ не вкушалъ уже сладостнаго покоя. Мы видимъ, что онъ переходилъ отъ побѣдъ къ побѣдамъ: покорилъ Козарь, Вящичей, Косоговъ, Ясовъ, Болгарь, поразилъ Печенговъ, навель ужасъ на Визаншю, и окончилъ дни свои какъ истинный герой.

§. XIII.

Тапицевъ, впрочемъ столь трудолюбивый, оспорожный и разборчивый Испорикъ, не избѣгъ въ семъ случаѣ отъ прошиворчія самому себѣ. Сказавъ, что Свяшославъ родился въ 920 году, онъ подъ годомъ 946 говоришъ: „Свяшославъ хошя погда младъ былъ,“ пошомъ подъ годомъ 955 говоришъ объ Ольгѣ, согласно съ Неспоромъ: „Моляшеса за сына своего до мужества возраста его.“ И наконецъ подъ годомъ 964: „Кн. Свяшославъ какъ скоро

„въ возрастъ пришелъ“ и пр. Слѣдственно и самъ почтенный Испорикъ соглашается, что Свяшославъ только въ 964 пришелъ въ совершенный возрастъ. Какъ же согласишь сѣ съ собственнымъ его изчисленіемъ? ибо Свяшославу, еще въ 945 году *пробившему копьемъ коня насквозь* и по собственнымъ словамъ его (ш. II. прим. 148.) *уже не диляли*, долженствовало быть въ 955 году 35 лѣтъ, а въ 964 году 44 года. Хотя въ древности созрѣвали и не такъ скоро, какъ въ наше время; однакожь нельзя думать, чтобы и тогда 35-лѣтній мужъ назывался *дилятею* и могъ имѣть *дядьку*, и чтобы 44-лѣтняго почитали только что пришедшимъ въ совершенный возрастъ!

§. XIV.

Показавъ несогласность этого довода, на кошоромъ почтенные Испорики основались, съ повѣствованіемъ Неспора, приступимъ теперь къ изысканію *истиннаго*, или по крайней мѣрѣ *вѣроятнаго* года рожденія Свяшослава.

§. XV.

Что Свяшославъ въ 945 году былъ еще *диляшею*, въ 955 *юношею* и только въ 964 пришелъ въ совершенный возрастъ,

въ помѣ сомнѣвавшая мы не можемъ , ибо имѣемъ свидѣтельство Неспора , которому ничто не противорѣчитъ. Слѣдственно изъ прехъ различныхъ годовъ , въ Лѣтописяхъ пославленныхъ и показанныхъ въ §. 1, должно найсти такую , которой бы согласовалъ съ вышеприведеннымъ свидѣтельствомъ Неспора.

§. XVI.

Мы видѣли уже , что 920 годъ , въ Новгородскомъ и Ростовскомъ спискахъ показанный , сему свидѣтельству Неспора не согласуется ; 942 годъ , въ Лѣтописи Никола и въ спискѣ Кн. Кривоборскаго пославленный , также согласоваться не можетъ ; ибо по сему изчисленію Святославу въ 946 году , во время войны съ Древлѣнами , приходило съ небольшимъ только 3 года , и слѣдственно сидѣть на конѣ и владѣть копьемъ (какъ свидѣтельствуется Неспоромъ) онъ еще не могъ. Кажется , что 940 годъ , въ Нижегородскомъ спискѣ означенный , есть ближайшій къ вѣроятію , ибо не противорѣчитъ повѣствованію Неспора. По изчисленію сего списка Святославу въ 945 году (когда Неспоръ называетъ его *дѣлскомъ*) имѣлъ 5 лѣтъ ; въ 946 году (когда была битва при Коростенѣ) 6 лѣтъ ; въ 955 году (когда Неспоръ говоритъ *нормячи до мужества его и до возраста*

его) 15 лѣтъ; въ 964 году (когда Несторъ гово- рилъ, что онъ пришелъ въ совершен- ный возрастъ и нача совокупляти сою) 24 года.

§. XVII.

По таковой согласности съ повѣствованіемъ Нестора основательно можно заклю- чить, что годъ рожденія Святослава, въ Нижегородскомъ спискѣ поставленный, то есть 940, есть истинный, или по крайней мѣрѣ ближайшій къ свроятію изъ всѣхъ другихъ въ Лѣтописяхъ и Ис- ториками назначенныхъ, и что слѣдствен- но всѣхъ лѣтъ жизни Святослава было не 52, но только 32 года.

§. XVIII.

Здѣсь встрѣчаются однакожь при за- трудненія, требующія объясненія:

1 е. Положивъ рожденіе Святослава въ 940 году, мудрено будетъ согласить съ симъ сказуемое Несторомъ метаніе копья; ибо по сему изчисленію Святославъ въ 946 го- ду имѣлъ не болѣе 6 лѣтъ, а нельзя предполагать, чтобы въ столь южномъ возрастѣ подвергли его всѣмъ ужасамъ брани.

2 е. Бракъ Ольги съ Игоремъ послѣ- довалъ въ 953 году. Если предположимъ со-

гласно обще принятому мнѣнію (14), что она вышла за мужъ не моложе 15 лѣтъ, по выдешъ, что въ 940 году, при рожденіи Свяшослава, она имѣла 52 года. Припомъ же невѣрояшно, чтобы въ печеніи 37 лѣтъ брака не было прежде дѣшей; а Лѣтописи о дѣсяхъ, бывшихъ до Свяшослава, не упоминающъ, кромѣ Улѣба или Глѣба, о которомъ въ Іоакимовской Лѣтописи говорится, будто бы онъ поспрадалъ за вѣру и конорого Ташицевъ почиашъ младшимъ Свяшославу.

3 е. Ташицевъ (Т. II. стр. 49) говоривъ, что Владиміръ Великій родился въ селѣ Будяшииъ, близъ Пскова, отъ ключицы Ольгиной Малуши, за что Ольга отъ себя ее сослала; а какъ годъ рожденія сего Государя въ Лѣтописи Неспоровой не означенъ, по и заключаешъ (Т. II. прим. 126 и 210), что Владиміръ родился въ 947. году, по ешь въ то время, когда В. Н. Ольга была въ обласпи Изборской. Но если положишь рожденіе Владиміра въ 947 году, по сіе не будешъ уже согласовашъ съ рожденіемъ Свяшослава въ 940 году; ибо сей послѣдній, по изчисленію нашему, въ 947 году имѣлъ не болѣе 7 лѣтъ.

(14) Таш. Т. II. прим. 132. — Елаг. Кн. II. въ прим. на стр. 269.

§. XIX.

Но сіи затрудненія разрѣшающіяся слѣдующимъ :

1 е. Присущивіе шестилѣтняго Свято-слава на сраженіи при Коросненѣ не только не невозможно, но и весьма вѣроятно. Чтобы лучше объяснить сіе, надобно вообразить только тогдашнее состояніе Россіи.

По убіеніи Игоря, Древляне, имѣ покоренные, не могли спрашиваться юнаго Князя, опрелись плашше дань и даже простерли дерзость до того, что сдѣлали вдовствующей Княгини предложеніе о бракѣ съ ихъ Княземъ Маломъ (15). Другіе народы

(15) Два раза въ лѣтописяхъ упоминается о предложеніи брака Ольгѣ по смерти Игоря. Первое, здѣсь упоминаемое, второе ошѣ Греческаго Императора Константина Порфиророднаго. Неспамяточность послѣдняго почтенные Историки наши Тапищевъ, Елагинъ и Болшинъ доказали сильными, и убѣдительными доводами (*). Второе предложеніе также весьма сомнительно; ибо въ сіе время Ольга имѣла уже около 57 лѣтъ, и хотя бы дѣйствительно сохраняла еще нѣкошорые ошпашки красоты, но къ браку едва ли была уже, по преклонности лѣтъ, способна.

(*) Там. Т. II. прим. 132. — Ош. Исп. Елаг. Кн. II. въ прим. на стр. 268 — 270. — Прим. Болш. на Исп. К. III. Т. I. § III.

Одинъ только Кн. III. сіе бышіе утверждаетъ (Т. I. стр. 222.) Удивительно однакожъ, что Ломосовъ (въ Др. Рос. Исп. Ч. II. гл. 3.), сомнѣ-

покоренные Олегомъ и Игоремъ, можетъ быть гоповы были послѣдовать примѣру Древлянъ и поднять знамя бунта. Премудрая Ольга зная, что народы грубые могутъ покорствоваться только силой, дабы удержатъ сѣи народы въ предѣлахъ власти, дабы показатъ имъ, что они имѣютъ Князя, хопя и юнаго, но исполненнаго мужества, а можетъ быть и для ободренія воиновъ по смерти Игоря осиротѣвшихъ, вложила копье въ десницу шестилѣтняго Святослава, которымъ онъ и владѣлъ еще не умѣлъ. Слова воеводы Свенельда и дядьки Асмунда, Несторомъ на спр. 50 приведенныя: „Князь уже почалъ, посягнемъ „дружино по Князи“ служатъ доказательствомъ, что сѣе учинено было только для ободренія войска. Припомъ же Несторъ ни слова не упоминаетъ о дальнѣйшихъ его въ сей войнѣ подвигахъ, но повсюду выспавляетъ его ребенкомъ въ сопровожденіи матери и дядьки.

ваясь самъ въ семь бытій, въ послѣдствіи пишетъ: „Обстоятельства по возвращеніи Ольгинѣ „въ Кіевъ, Несторомъ показанныя и другими Писателями яснѣе изображенныя, о томъ разсуждаютъ принуждаютъ, что то (то есть предложение о бракѣ) учинено было Ольгѣ въ насмѣшку. „Ибо Царь Греческій отъ просвѣщенной крещеніемъ и въ Кіевъ возвратившейся Ольги посольствомъ требовалъ обѣщанныя даровъ. Ольга отвѣтствовала, что Царь ее обидѣлъ, ховарствовалъ ея старости (11).“

2 е. Обспояшельство въ разсужденіи
лѣтъ Ольги во время рожденія Свяшослава
нѣсколько пруднѣе къ разрѣшенію, если
однакожъ въ годѣ брака Игоря нѣтъ въ лѣ-
тописяхъ описки. Впрочемъ въ исторіяхъ
другихъ народовъ находимъ примѣры, что
женщины и въ 50 лѣтъ имѣли удоволь-
ствіе бытъ машерями.

3 е. Чшобы Владиміръ точно родился
въ 947 году во время путешествія Ольги
въ Изборскую обласъ, о томъ Неспоръ
(по списку Ненигсб. печат.) не упоми-
наетъ. Онъ при распредѣленіи Свяшосла-
вомъ сыновьямъ своимъ удѣловъ, подѣ лѣ-
помъ 970, говоритъ: „Володиміръ бо бѣ
„отъ Малуши ключницы Ольжины, сестра
„же бѣ Добрынѣ, опецъ же бѣ има Малко
„Любчанинѣ и бѣ Добрыня уи Володиміру.“
Чшо Малуша была свойспвенница Ольгѣ
(Таш. Т. II. прим. 141.), чшо Владиміръ
родился въ Будяшинѣ селѣ, и чшо Ольга
сослала отъ себя Малушу (Таш. Т. II. стр.
49), все сіе легко могло спашься, хоша
Неспоръ и не говоритъ о томъ ни слова;
и шѣтъ болѣе на сіе согласишься можно,
чшо оно не прошиворѣчишь повѣспиванію
Неспора, въ §§ IV и XII нами приведенно-
му; но нѣтъ никакого доснаточнаго пово-
да утверждать, чшо Владиміръ родился
точно въ 947 году, пошому наипаче чшо сіе
будетъ уже явно прошиворѣчишь словамъ

Неспора, который въ 945 и 946 годахъ Свяшослава называлъ еще *дѣлскомъ*, въ 955 году также признавалъ его *несовершеннолѣтнимъ*, и только въ 964 сказалъ, что онъ *возросъ и возмужалъ*; следовательно и дѣшею прежде 964, или по крайней мѣрѣ прежде 955 года имѣть не могъ. По всему вѣроятію заключить должно, что Владиміръ родился гораздо послѣ 947 года, и именно между 955 и 964 годами. Сіе, согласуясь со сказаніемъ Неспора, не будетъ противорѣчить и повѣствованію Тапищева; ибо легко можно положить, что когда беременность Малуши сдѣлалась замѣшною, Ольга сослала ее отъ себя на ея родину, въ село Будяшино, гдѣ Владиміръ и родился; ибо Ольга также легко могла сослать ее изъ Кіева, какъ и изъ Изборска. Сему противорѣчія никакого найсти не лзя; ибо ни годъ, ни мѣсто рожденія Владиміра у Неспора (по крайней мѣрѣ въ печат. спискѣ) не означены; а другихъ свидѣтельствъ того времени, кромѣ Неспора, мы не имѣемъ.

Что Владиміръ родился не во время путешествія Ольги въ Изборскую область, но по возвращеніи уже ея изъ Царяграда, поему можешь служить еще доказательствомъ слѣдующее:

Будучи въ язычествѣ, Ольга не могла признашь за противное, что свойспвенни-

ца ея Малуша вспунила въ обязательство съ ея сыномъ, не могла почестъ ея преступницею; ибо, какъ справедливо замѣчаетъ Тапищевъ (16), „погда внѣ закона всякая жена по единому шокмо общему соизволенію и дѣйствительному между ими „содержательству, супруга сущая была“ и следовательно Ольга не имѣла причины отсылать отъ себя свою родственницу (17); но просвѣщенная Святымъ крещеніемъ, могла почестъ сіе преступленіемъ закона, шѣмъ болѣе, ежели и Малуша (которая по званію ключницы и по свойству была при ней безоплочно и вѣроятно находилась съ нею и въ Царѣградѣ) приняла законъ Христіанской (18), и вошѣ причина, почему Ольга отъ себя ее удалила.

(16) Таш. Т. II. прим. 141.

(17) Въ послѣдствіи Тапищевъ самъ пишетъ, что *Ольга, яко Христіянкѣ, въ свойствѣ сочетаніе безъ противности быть не могло.* Т. II. прим. 141. Следовательно и самъ сознается, что Владиміръ родился въ то время, когда Ольга приняла уже Христіанской законъ, что послѣдовало не прежде какъ въ 955 году. См. Несш. спр. 51 Таш. Т. II. спр. 42 и прим. 131, и Исшорич. розыск. о врем. крещ. В. К. Ольги, соч. Арх. Евгенія Булгара. Спб. 1792.

(18) Что съ Ольгою были ея родственницы, о томъ упоминаетъ Конш. Порф. — См. Изв. Виз. Исш. Ч. III. гл. 3, § 19 — 21.

§ XX.

Предспавляя на судб чипашелей сїе
 изслѣдованїе о времени рожденїя перваго
 вѣщеноснаго Героя, носившаго Славенское
 имя, взора коего шрепешала Визаншїя и
 предб лицемб коего, какб повѣспвуешб
 почтенный Елагинб „славные вѣдреноспи
 „Римскїе орлы усшупили вѣдреноспи и на
 „всегда кровавое побѣдб поле, и спыдася
 „дующаго вѣдреноспи вѣдреноспи, узрѣли Рим-
 „лявб бѣгущихб опб меча Руснаго“ сча-
 спливымб себя почшу, если, хопя ма-
 лое подамб обьясненїе любилеламб оше-
 чественной Испорїи, шолїко славными
 мужами и дѣянїями обильной.

Н. Бр — вѣ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Изъ Ѳеонїа.

Внимая вѣдреноспи грозны споры,
 Сѣ крушыхб Балшїйскихб береговб
 Кѣ шебѣ я обращаю взоры,
 Сесшра, предметб моихб стиховб,
 Предметб вѣдреноспи союза,
 Природы драгоцѣнный дарб!
 Ты будь моя вѣдреноспи Муза.

Явись, какъ легкій ушромъ паръ,
 Вносящійся отъ Невскихъ шоковъ
 Подъ сводъ небесной голубой,
 И сладостныхъ своихъ уроковъ
 Меня въ семъ замкѣ удоспой,
 Въ семъ замкѣ, или просто мызѣ,
 Межъ Ревельскихъ и Нарвскихъ сѣбѣ,
 Гдѣ я, послѣдуя Елизѣ,
 Семей почтенной угощенѣ.
 Межъ пѣмъ какъ сна лѣнны маки
 Содержашъ въ пѣнѣ нашихъ дамъ,
 Черезъ долины, буераки
 Мущины бздяшъ по лѣсамъ,
 Того часа во ожиданьи,
 Когда насъ къ чаю позовутъ:
 Я здѣсь, одинъ въ спокойномъ зданьи,
 Прелестныхъ нѣсколько минушъ
 Тебѣ и Музамъ посвящаю.
 Дорогу въ Пишерѣ нахожу,
 Тебя внезапно посѣщаю,
 Между подругѣ своихъ сажу,
 Межъ шой, кошору богъ любви
 Своимъ самъ именемъ крестилъ,
 И между шой, кошорой брови
 Онъ важнымъ хладомъ оружилъ.
 Благодарнѣемъ рифмы съ вами
 Дѣлю я быстрые часы,
 И щусь изобразить словами
 Природы здѣшнія красы.

Мнѣ кажешся, что я вѣщаю :
 Вообразише брегъ крушой,
 И море, гдѣ невидно краю;
 Надъ шой нашъ замокъ высшой.
 Но берегъ, унижаясь скапомъ,
 Межъ насъ и моря спелешъ лугъ,
 Въ убранствѣ Флора гдѣ богашомъ

Съ Зефиромъ рѣзвился вокругъ.
 Опважны парусы лешаютъ
 По синимъ, яростнымъ валамъ,
 Являясь мелькомъ, убѣгаютъ,
 Спряжась къ дальнимъ берегамъ.
 Вокругъ роскошныя Природы
 Плѣняетъ разностію видъ:
 Долины, холмы, чисты воды,
 Что просѣдаютъ сквозь гранишь,
 И съ горъ, шумя, бѣгутъ въ ущелья,
 Несутъ форели и жемчугъ,
 Естонскимъ Нимфамъ ожерелья,
 Причину зависти подругъ.

Въ близи свой верхъ возноситъ дерзкой
 Осташокъ древности сѣдой,
 Спаринной замокъ Кавалерской,
 Во стѣны плещетъ валъ морской.
 Мнѣ кажется, на нихъ взирая,
 Выходишь випязь съ корабля,
 Что съ добычью изъ дальна края
 Приплылъ въ Естонскія поля.
 За той рѣшеткой увядаетъ,
 Съ чужихъ береговъ увезена,
 Ни къмъ не слышима вздыхаетъ,
 Боярышня или Княжна.
 Сихъ нравовъ нѣтъ межъ нами болѣ,
 Дверей желѣзныхъ ни шемницъ:
 Не похищаемъ въ чистомъ полѣ,
 Не запираемъ, мы дѣвицъ;
 У насъ онѣ во всей свободѣ,
 И въ мызѣ барышенъ пяшь, шестъ,
 Кошоры самой новѣй модѣ
 Собою могутъ сдѣлать честь;
 И съ ними милая, живая
 Вдова осмнадцати годовъ,
 Кошора, скорбь позабывая,

Не думаешь въ супружнй ровъ
 Во слѣдѣ за скучной Артемизой
 Влечишь печальныя сѣпоны;
 Не отгоняешь мрачной ризой
 Амуровъ и забавъ толпы:
 Но остроумными словами
 Забавишь наши вечера,
 По спрунамъ бѣгаешь перспами,
 Какъ записные мастера;
 Изъ Виланда и Гагедорна
 Стихи читаешь наизусть;
 Рѣзва, свободна, безпритворна,
 Не знаешь, что такое грусть.
 Но что скажешь вамъ о дорогѣ?
 Какъ вихрь, летя на почтовыхъ,
 Мы очутились на порогѣ
 Желанныхъ перемовъ своихъ,
 Не думавши о наблюденнй
 Земель и жилищей и правъ,
 Какъ будто въ шонкомѣ сновидѣннй
 Верстѣ болѣ двухъ сошъ проскакавъ.
 Ешоновъ, Финновъ мы встрѣчали
 Въ соломоу крышыхъ шалашахъ,
 Кошоры всѣ свои печали
 Топили въ чашахъ и ковшахъ.
 Мы зрѣли Ямбургски палашы
 Близъ быстрой Лужскія волны,
 Гдѣ овцы дань несутъ космашы
 Ткачей въ стучащяе сшаны.
 Мы зрѣли древнй градъ, носящй
 Напечатлѣнне временъ,
 Съ хребтовъ Ивановскихъ висящй,
 Соперникъ Ругодевскихъ стѣнъ.
 Въ ногахъ его быстра, сурова,
 Овергаясь съ каменной скалы,
 Бѣжитъ шума еще Нарова
 Въ морскія бросишья валы.

Насупрошивъ его, раскаты
Искусствомъ новымъ созданы,
Петромъ и Русской грудью взяты —
И прежни праны опмщены;
Но мы опять бы зрѣшь желали
Великой городъ у Невы,
Гдѣ пребыванье основали
Искусства Граціи; какъ вы.

Муравьевъ.

С к р о м н о с т ь .

(Изъ соч. Парни.)

Сокроемъ, мой другъ, отъ солнечныхъ лучей,
Отъ шума свѣтскаго, отъ зависти людей,
Чтобъ не могли коварны очи
Воспорговъ нашихъ оправить!

Не скажемъ дню мы тайны ночи.

Счастливую любовь немудрено опкрышь.

О милая Элеонора!

Я строгой машери швоей спрашуся взора,
Спрашуся Аргуса съ свирѣлою душой,
Копорый, златомъ обольщенный,
Миѣ позволешъ быть съ шобой.

Увы! наспанешъ день, я не любовникъ швой!
Забудь шы ночи часъ блаженный,
Всѣ сладости любви, ушѣхи всѣ забудь;
Въ присущствіи моемъ шы равнодушна будь.
Чтобъ розы на щекахъ прелесныхъ не играли,
Когда нечаянно шы встрѣпишья со мной;
Чтобъ красота швоя, чтобъ нѣжный голосъ
швой

Меня ни мало не смущали!
Сокрой любовь свою пы въ пламенной груди,
И даже на меня съ суровостью гляди.

Совѣщъ полезный, но ужасный!
Безцѣнный, милый другъ! раскаеваюсь въ немъ;
Чшобъ видѣлъ я, несчастный,
Холодность на лицѣ швоемъ?
Нѣщъ! нѣщъ! пы не должна шакъ много при-
шворяться.

Скажу себѣ, *обманъ!* но буду все бояться.
Юля 1, 1810 года.

С. Пешербургъ.

В. Пушкинъ.

Э л и г р а м м а.

Оома мнѣ говорилъ: „коль въ шашки я играю,
То мало думаю, лишь ихъ передвигаю.“
Я вѣрю въ помѣ шебѣ, Оома:
Какъ можно думать безъ ума?

В. Козловъ.

Надгробная комплилятору.

Въ печенье жизни всей,
Какъ червь, онъ въ книгахъ рылся;
По смершижь — превратился
Онъ въ книгу для червей.

В. Козловъ.

II. НАУКИ (и ИСКУССТВА.

ФИЗИОЛОГИЯ.

Причина уродливости рождающихся дѣтей зависилъ ли отъ воображенія матери ()?*

Читая одну изъ послѣднихъ книжекъ *Сочиненій общества Линнеева*, я нашелъ въ ней любопытную справку, по видимому долженствующую прекратить важный споръ по части Физиологии въ разсужденіи вопроса, которымъ очень занимались испышатели Природы, и которой, какъ мнѣ кажется, до нынѣ еще остается нерѣшеннымъ.

Дѣло идетъ о томъ, зависилъ ли иногда отъ воображенія матери уродливость дѣтей? Древніе философы рѣшительно утверждали, что воображеніе матери необходимо дѣйствуетъ на младенца, и множество примѣровъ доказывали справедли-

(*) Переводъ изъ *Philosophical Magazine*, Novembre 1809.

воспѣ своего мнѣнїя. Женщины и теперь еще по же думаютъ, и почти каждая изъ нихъ въ состоянїи подтвердить мнѣнїе свое собственнымъ опытомъ или приключенїями, слышанными отъ своихъ прїятельницъ и сосѣдокъ. Но врачи смѣются надъ сими приключенїями, почитая ихъ всебыточными баснями. Я самъ долго имѣлъ одинакое съ ними мнѣнїе; однакожь теперь начинаю думать иначе, удостоверившись несомнѣнно, что дѣйствительно рождающся дѣти безъ нѣкоторыхъ членовъ пѣла, или со знаками язвинъ, единственно пошому что мать во время беременности своей получила весьма сильное впечатлѣнїе отъ предметовъ, кошорые нечаянно на глаза ей попадались.

Объ одномъ изъ такихъ событїй уведомился я отъ прїятеля своего, человека умнаго и правдиваго, кошорой видѣлъ младенца, рожденнаго съ одною ногою, и кошорой отъ самой матери слышалъ, какой именно случай былъ причиною столь рѣдкаго явленїя въ Природѣ. Мать несомнѣнно уверена, что причиною уродливости младенца ея было весьма сильное и непрїятное впечатлѣнїе, произведенное въ ней однимъ безногимъ нищимъ, кошорой вдругъ показалъ ей голое, изуродованное спегно свое. Прїятель мой говоритъ, что онъ женился

нѣ сей предлагалъ множество разныхъ вопросовъ, и напоследокъ долженъ былъ совершенно увѣришься въ томъ, что во время беременности ея она чрезвычайно испугалась, и что родившійся младенецъ былъ точно такъ изуродованъ, какъ и нищій, кошорою произвелъ въ душѣ ея споль болѣзненное впечатлѣнїе. Съ тѣхъ поръ я спалъ внимательнѣе слушаешь всѣ рассказываемыя приключенїя сего рода; но видя непреодолимое упорство врачей, копорые ни какъ не хотѣли вѣришь моимъ убѣжденїямъ, признаюсь, я и самъ иногда колебался; наконецъ всѣ мои сомнѣнїя исчезли, когда въ *Сочиненїяхъ общества Линнеева* начиналъ я спашью о произшествїи, кошорое кратко здѣсь предлагаю:

Служитель г-на Мильна, члена *Линнеева общества*, снимая кошелъ съ огня, сильно наступилъ на хвостъ брюхающей кошки, кошорая тогда на очагѣ сидѣла; кошка закричала изо всей мочи и въ великомъ страхѣ побѣжала изъ кухни. Черезъ нѣсколько времени она окопилась; у половины кошящъ хвосты были согнуты прямымъ угломъ, и на самомъ стибѣ у каждаго хвоста оказался узелъ, или колѣнцо.

Случай сей очевидно доказываетъ дѣйствїе воображенїя самогъ на сѣсшавъ и об-

разованіе рождающихся малюшкѣ. Никто не спуналъ на хвосты сихъ кошкѣ; отъ чего же они согнулись, ежели не отъ силы воображенія чрезвычайно испуганной мамери? Пусть возражають, будто перегибъ у кошкѣ случился не отъ того, что человекъ наступилъ на хвостъ кошки: думаю, такое возраженіе обнаружитъ только холодный умъ, чуждый Философіи, испытующей таинства Природы; ибо какъ не уважитъ многихъ подобныхъ происшествій, замѣченныхъ въ родѣ человеческомъ? Проспипельно было бы усомниться, услышавъ въ первый разъ о такомъ событіи; но въ немъ видимъ совершенное сходство со множествомъ подобныхъ примѣровъ, рассказываемыхъ о беременныхъ женщинахъ, и сіи примѣры должны служить неоспоримымъ доказательствомъ истины. Можно сказать вопреки: до сихъ поръ почти ежедневно наступали на хвосты кошекъ, и однакожь еще въ первой только разъ говорятъ намъ объ уродцахъ съ перегнутыми хвостами. Но надобно замѣнить, что въ семъ случаѣ *необыкновенная* боль, причиненная кошкѣ, и *сильное* впечатлѣніе, произведенное въ ней сею болью, дали поводъ вспомнить о приключеніи; ибо еслибъ кошка не закричала сильнѣе и громче, нежели какъ обыкновенно кричитъ она, когда кто-нибудь спускаетъ на хвостъ ея; шо г. Мильнѣ ко-

вечно не вспомнилъ бы объ ея крикѣ, и страннаго образованія кошкѣ не вздумалъ бы приписывать дѣйствию испуга.

Желательно, чтобы любители Физиологии объявили мнѣ свое о предложенномъ событїи. Важность предмета сего не подлежаща сомнѣнїю, и кажется мнѣ, что нельзя одобришь равнодушїя ученыхъ людей касательно любопытнаго вопроса, копорой подалъ мнѣ причину написать сіи спроки.

Прибавл. отъ Франц. Изд. Передъ симъ за два года мы имѣли случай сдѣлать подобное наблюденїе въ Парижѣ и тогда же предсхавишь донесенїе свое Національному Инспициушу. Замѣчено было, что кошка, принадлежащая одному перукмахеру, любила смощрѣшь; иногда по цѣлому часу и болѣе, на гипсоваго кролика съ движущеюся головою. Часпо сама она, играя лапкою, приводила въ движенїе голову кролика; когда переспавала она качалась. Какъ-то по неоспорожности кроликъ разбился; кошка сшолько по немъ скучала, что черезъ нѣскольго времени надобно было купить другаго кролика, съ копорымъ она поступала точно также какъ и съ первымъ (*). Кошка родила дѣшей. Одинъ изъ

(*) Кошка сія была песпрая. Наружность ея показывала всеобыкновенной умъ и даже въ-

копенковъ отличался отъ прочихъ стран-
нымъ своимъ образованіемъ и обратилъ на
себя вниманіе любопытныхъ: Сему животно-
ному было уже нѣсколько мѣсяцовъ отъ ро-
ду, когда мы его въ первый разъ увидѣли;
оно показалось намъ вовсе необыкновеннымъ
по виду своему и походкѣ. Цвѣтъ на немъ
былъ густо-желтой; родилось оно совсѣмъ
безъ хвоста; задняя половина шѣла была
выше передней, и гораздо плотнѣе нежели
какъ бываетъ у кошекъ; глаза имѣло оно
бѣлые, но непрозрачные. Копенковъ сей родил-
ся слѣпымъ; однакожь слѣпоша не препят-
ствовала ему прыпко бѣгать по всѣмъ ком-
натамъ и по лѣсницѣ вверхъ и внизъ какъ
съ самыми зрячими глазами. Взбѣгая на
верхъ, сіе животное обыкновенно держалось
пой спороны лѣсницы, которая примы-
кается къ стѣнѣ; ибо одинъ разъ случи-
лось ему упасть на землю сквозь перила.
Оно не ходило, какъ всѣ кошки, но прыга-
ло подобно кроликамъ; а когда сидѣло на
одномъ мѣстѣ, то безпрестанно качало

которую способность размышленія. Хозяйка
очень любила ее. Лишась кролика своего,
кошка казалась весьма унылою, и шосковала,
когда разнощикъ съ гипсовыми кроликами
проходилъ мимо лавки. Когда онъ остано-
вливался, то кошка еще болѣе беспокои-
лась, и какъ будто бы просила хозяйку
свою опдаться ей любимаго кролика.

головою какъ гипсовой кроликъ. Впрочемъ уши, зубы, когти и склонности были у него точно кошечьи; оно бѣжало по зову хозяйки; любило ее и знало ея голосъ. Хозяйка сказывала намъ, что мать сего чуднаго кошечка и прежде была подвержена впечатлѣнїямъ, но только другаго рода; напримеръ, она долго смащивала на одну маску, висѣвшую въ лавкѣ перукимахера. Когда маску закрывали, то кошка спаралась лапками своими удалить препяшства, недовольствїя ей удовлетворяя своему любопытству. Между копяшами, копорыхъ она родила послѣ того, были и копорыя съ уродливыми головками; но они скоро умирали. Т.

III. С М Ъ С Ъ.

*Нѣкоторыя извѣстія о дѣлствѣ
локойнаго Императора
Павла Перваго.*

Эта статья извлечена изъ первой Части Записокъ Семена Андреевича Порошина, находившагося при Особѣ Государя *Павла Петровича* въ то время еще, когда онъ былъ Великимъ Княземъ. Въ сихъ Запискахъ, продолжающихся съ 20 Сентября 1764 по 1 Марта 1766, заключается много любопытныхъ извѣстій. Господинъ Порошинъ былъ одинъ изъ самыхъ приближенныхъ людей къ Его Высочеству, и пользовался особеннымъ его благоволеніемъ, какъ то видно изъ самыхъ его Записокъ; онъ училъ Его Высочество Математику. Между прочимъ, каждой разъ записывалъ онъ все то, что случалось замѣчательнаго въ прошедшій день, что дѣлалъ Великій Князь, кто у него былъ, что говорилъ онъ и что говорили другіе; въ эсихъ Запискахъ являющся весьма часто на сцену *Петръ Ивановичь* и *Никиша Ивановичь Панины*, *Графы Захаръ Григорьевичь* и *Иванъ Григорьевичь Чернышевы* и нѣкоторыя другія замѣчательныя Особы. Иногда Авторъ вводилъ насъ въ особое общество Императрицы *Екатерины*. — Мы имѣли случай читать эшѣ За-

нски въ манускриптѣ, и думаемъ, что крашкимъ изъ оныхъ извлеченіемъ угодимъ Читайшелямъ нашего Журнала. Скажемъ здѣсь, что одинъ экземпляръ ихъ находится въ Архивѣ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ. *Изд.*

1764.

20 *Сентября*. День рожденія Его Высочества. Минуло ему десять лѣтъ. Поутру отецъ Платонъ говорилъ Его Высочеству въ покояхъ Его краткое поздравленіе весьма умное — потомъ пошли къ Ея Величеству на половину, и опшуда вмѣстѣ съ Ея Величествомъ къ обѣднѣ. По окончаніи Божественной службы говорилъ отецъ Платонъ проповѣдь на тему изъ чипаннаго Евангелія: *Въ тернѣнн стѣжате души вѣща*. Оною проповѣдью Ея Величество приведена была въ слезы, и многіе изъ слушателей плакали, когда Проповѣдникъ на концѣ предлагалъ о перѣннй Ея Величества въ понесеніи трудовъ для пользы и безопасности Отечества; о успѣхахъ Его Высочества въ преподаваемыхъ Ему наукахъ и о слѣдующей изъ того надеждѣ Россіянамъ. Изъ церкви пошли на половину къ Ея Величеству, гдѣ принимала Она поздравленія отъ чужестранныхъ Министровъ; потомъ возвратились къ себѣ, гдѣ опять были поздравляемы отъ Придворныхъ. Въ вечеру былъ балъ и ужинъ. Балъ открылъ Его Высочество съ Графинею Марьею Андреевною Румянцовою. Ужинали по билетамъ.

21 *Сентября*. Былъ день ошдохновенія. Заказаны дѣлашь Турецкія плашья къ назначенному на 23 число маскараду. Обѣдалъ

у насъ Александръ Петровичъ Сумароковъ. Его Высочество весьма смѣялся, когда онъ описывалъ господина Эмина и свои съ нимъ ссоры, и также бывшія побранки свои съ Оберъ-Маршаломъ Сиверсомъ. Слѣдующіе назначены были поварищами Его Высочеству въ маскерадѣ, и опредѣлено было имъ идти показаннымъ здѣсь порядкомъ: *Церемоній-мейстеръ* Сергей Алсуфьевъ. *Капитанъ Янычарской* Князь Вѣлосельской въ парѣ съ *Бостанъ-Я Башею* Степаномъ Апраксинымъ. *Начальникъ стражи* Графъ Петръ Разумовскій въ парѣ съ *Капитанъ Башею* Графомъ Андреемъ Разумовскимъ. *Визирь* Графъ Николай Шеремешевъ въ парѣ съ *Муфтиемъ* Графомъ Машюшкинымъ. *Султанъ* Его Высочество. *Евнухъ черныи* Графъ Скавронскій въ парѣ съ *Капитаномъ Гвардіи* Неплюевымъ. *Евнухъ бѣлый*, *Селлктаръ-Ага*, *Либрадаръ-Ага*, *Пеикъ* Алексѣй Спиридовъ, двое Вадковскихъ, Графъ Левъ Разумовскій. Вечеру для всѣхъ сихъ господъ написаны билешы, и послана къ нимъ повѣстка.

22 *Сентября*. День коронаціи Ея Императорскаго Величества. Поутру Его Высочество ходилъ къ Государынѣ съ поздравленіемъ и попомъ съ нею же въ церковь. Въ галлерей, не доходя дверей церковныхъ, спояло тридцать шесть человекъ кавалергардовъ въ новомъ своемъ уборѣ, надѣшомъ на нихъ въ первый разъ нынѣшній день. Командовалъ ими вахмистръ ихъ Дмитрій Васильевичъ Арсеньевъ. По окончаніи обѣдни говорилъ проповѣдь Преосвященный Гавріиль, а послѣ его Преосвященный Митрополитъ Новгородскій, Димитрій Сѣменовъ, поздравлялъ Ея Величество

по обыкновенію своему въ словахъ краткихъ, но важныхъ и выразительныхъ. Вечеру былъ во дворцѣ балъ. Часовъ въ восемь передъ окончаніемъ бала, Его Высочество, занявъ будучи въ воображеніи завсрашнимъ маскарадомъ, и желая лечь поранѣе, чтобы вслѣдствіе завсра также ранѣе, началъ показывать неперібливное желаніе возвратиться въ свои покои — дѣло дошло почти до слезъ. Никита Ивановичъ, для сохраненія благопристойности, принужденъ былъ его удовлетворить; но пришедъ въ почивальню, весьма порядочно журить Его Высочество; потомъ пошелъ къ себѣ, а намъ приказалъ обходиться съ нимъ соотвѣтственно его поступку. Во время ужина до самой пой минулы, какъ Его Высочество легъ опочивать, наблюдали мы особливую скромность, и представляли Англійскую бесѣду, говоря съ великими разстановками и важностію.

23 *Сентября*. Его Высочество изволилъ проснуться часовъ въ шесть, разговаривалъ со мною о вчерашнемъ своемъ поступкѣ и показывалъ большое раскаяніе. Послѣ полудня въ четыре часа начали сбѣзжаться наши, Турки; ихъ одѣли, вмѣстѣ съ ними пошли на половину Ея Величества, ошшуда въ залъ, гдѣ былъ маскарадъ. Шли шѣмъ порядкомъ, который назначенъ выше; а вступивши въ залу, разспроились. Его Высочество много танцовалъ съ Фрейлинами и другими масками. Возвратившись къ себѣ изволилъ Его Высочество въ девять часовъ; Турки всѣ остались, иные танцовать, иныхъ машушки по домамъ повезли. Передъ ужиномъ зашолъ у насъ разговоръ о воспитаніи оныхъ, бывшихъ

съ Его Высочествомъ въ маскарадѣ дѣшей и попомъ вообще о воспитаніи. Никита Ивановичъ весьма хорошо объяснялъ, какое различіе существуетъ между воспитаннымъ человекомъ и невоспитаннымъ. Онъ приводилъ въ примѣръ изъ самой новѣйшей лѣтописи нѣсколько приключеній, на сихъ дняхъ случившихся. Его Высочество былъ просто слушацелемъ, потомъ сѣлъ за столъ. Великій Князь изволилъ говорить, какъ ему понравился Визирь и какъ онъ хорошо воспитанъ. Онъ послалъ ему черезъ меня поклонъ и со стола конфетовъ, также и Капитану Башѣ приказывалъ поклониться. Сіи два препорученія были мною того же вечера исполнены.

24 *Сентября*. . . Сей день изволилъ Его Высочество опять вспоминать о своемъ маскарадномъ Визирѣ, и сожалѣлъ, что невидитъ его передъ собою. Его Высочество, будучи весьма живаго сложенія и имѣя сердце ошмѣнно доброе, вдругъ почти влюбляется въ того человека, который ему понравился. Но какъ никакія чувства, чрезъ мѣру сильныя, не могутъ быть продолжительны, если припомъ никакой побуждающей силы не будетъ; то и въ семъ случаѣ оная быспрая привязанность должна утверждена и сохранена быть прямо любви достойными свойствами того, кто имѣлъ счастье полюбиться. Словомъ скажешь, гораздо легче вдругъ весьма понравишься Его Высочеству, нежели навсегда соблюсти посредственную, не шокмо великую и горячую отъ него дружбу и милость. Но также нѣтъ въ семъ случаѣ и невозможности: все приобрѣтешь отъ него прямыми достоинствами и чистымъ пронцательнымъ разсудкомъ.

28 Сентября. Нынѣ зашелъ у насъ за чаемъ разговоръ о мѣшаніи иностранныхъ словъ съ языкомъ опечестивеннымъ. Государь Цесаревичъ между прочимъ сказалъ: *Ныне Русскіе столько жѣшуютъ Французскихъ словъ въ свой разговоръ, что кажется, будто говорятъ Французы, которые не рѣдко между Французскихъ словъ употребляютъ для объясненія своего нѣкоторыя Русскія*; также говорилъ и о томъ, что многіе изъ нашихъ почтенныхъ соопечественниковъ слабы въ своемъ языкѣ, что все съ чужестраннаго и особенно съ Французскаго слово въ слово переводятъ какъ на письмѣ, такъ и на рѣчахъ, на примѣрѣ: *Vous avez trop de pénétration pour ne pas pénétrer, вы очень много имѣете прониканія, чтобы этого невидѣть. On prétend qu'il n'est parti que ce jour-ci, требуютъ, что онъ не поѣхалъ, какъ только на сихъ дняхъ*. Такіе люди не знаютъ, или не хотятъ знать, что выраженіе хорошее на одномъ языкѣ очень можеть быть дурно на другомъ, если перевести его слово въ слово. Обуваясь, изволилъ Государь съ великимъ сожалѣніемъ рассказывать мнѣ о кончинѣ покойной Государыни Елисаветы Пешровой; описывалъ тогдашнее свое уныніе; какъ онъ негдѣ шали сначала ея опасную болѣзнь, потомъ ея кончину, какое онъ имѣлъ мучительное предчувствіе; какъ не хотѣлъ ни играть, ни веселиться; потомъ рассказывалъ, какъ онъ при покойномъ Государѣ Пётрѣ III ѣздилъ въ Пешропавловской Соборъ и съ какою горестію скончалъ на шѣло Государыни. Въ этотъ же день изволилъ онъ ѣздить къ Аничковскому дворцу, гдѣ тогда сдѣлался пожаръ: это позорище лишило его сна на цѣлую ночь. Всякое

незапное и чрезвычайное происшествіе сильно поражаетъ Его Высочество: въ такомъ случаѣ живое воображеніе и ночью не даетъ ему покою. На примѣрѣ, услышавъ о совершившейся 15 го числа сего мѣсяца казни надъ злодѣемъ Мировичемъ, Его Высочество цѣлую ночь почивалъ весьма худо.

29 Сентября. Паушру Его Высочество не учился; всѣ книги убраны были для перевозу въ зимній дворецъ, куда и самъ Его Высочество переѣхавъ изволилъ часу въ двенадцатомъ. Тотчасъ по переѣздѣ былъ онъ у Ея Величества; возвратившись отъ нее, разсматривалъ пославленный въ учебной его комнатѣ по приказанію Ивана Ивановича Бецкаго пожарный спанокъ; пошомъ пошли въ уборную, гдѣ Иванъ Ивановичъ приказалъ сдѣлать рѣшеччатый пшичникъ, около котораго сѣла насъ съ Его Высочествомъ чело-вѣкъ пять: мы представляли паршеръ и хлопали, какъ скоро одна изъ пшичекъ сдѣлаетъ особое какое движеніе, вспорхнетъ, ошипнется, запрепещетъ крылышками. За споломъ Его Превосходительства Никиша Ивановичъ отзывался объ одномъ чужестранномъ Министрѣ не весьма выгодно. Этомъ Министрѣ жестокъ на одѣ мѣлкія интриги, сказалъ Господинъ Салдернъ (Голштинской Тайной Совѣтникъ). — „А я весьма корешко его знаю — возразилъ Графъ * * * въ, сидѣвшій у насъ за споломъ — повѣрьте, что онъ и крупныя интриги разумѣетъ!“ — *Весьма можетъ быть, что вы и правы* (отвѣчалъ Салдернъ); *надобно только намъ объяснить: легко станетъ, что вы тѣ интриги крупными называете, кои я за весьма*

Жёлкія *почитаю*. На это не было оповѣта; разговоръ начался спокойный, какъ будто ничего и не бывало. Признашься должно, что не всякой проглотилъ бы такую пилюлю Часу въ осьмомъ Его Высочество легъ въ учебной комнашѣ на канапѣ и началъ нѣсколько подремывать. Я сѣлъ подлѣ него, и пощекотавъ его, сказалъ: *дремлешь, батюшка, дремлешь*. Онъ развеселился и оповѣчалъ мнѣ нарочно соннымъ голосомъ: *je regne (я царствую)* — слова изъ оперы *Arléquin, Empereur de la lune* (Арлекинъ, Императоръ лунный). Сего дня при Дворѣ была свадьба: женился Гвардіи Офицеръ, Графъ Апраксинъ, на Фрейлинѣ Графинѣ Катеринѣ Иваѳовнѣ Гендриковой.

30 *Сентября*. Вчера прибылъ Турецкій Посоль. — Онъ спадъ подѣ Невскимъ монастыремъ; сего дня вѣѣзжалъ онъ съ церемонією въ городъ, ѣхалъ миллионною улицею, попомъ мимо дворца луговою и шакъ далѣе, въ домъ Княгини Юсуповой, гдѣ ему назначена кваршира. Ея Величество и съ нею Государь Цесаревичъ изволили смѣпрѣшь церемонію изъ анпресолей Графа Григорія Григорьевича Орлова. Когда явился Посоль, то Великій Князь сказалъ шушя Милорду Буккингаму, Англійскому Посланнику: *voilà votre neveu, qui vient* (смѣприше, вашъ племянникъ ѣдешъ). Скорѣ попомъ Его Высочество изволилъ возвратишь въ свои комнашы. За шоломъ разговаривали о Турецкихъ обрядахъ. Я рассказывалъ о разныхъ нешшовшвахъ, кошорыя дѣлали Турки изъ свишы Полномочнаго Посла, бывшаго въ Пешербургъ въ царшвованіе Анны Иоанновны. Его Сіашельство, Вице-Канцлеръ, Князь Александръ Михайловичъ Го-

лицынѣ, обѣдавшій у насѣ, рассказывалѣ, какѣ при отбѣздѣ Персидскаго Посла изѣ Россіи вѣ Персію люди его свипы увозили мущинѣ и женщинѣ. Покойный отецѣ Его Сіашельства былѣ тогда вѣ Аспрахани Губернаторомѣ; онѣ получилѣ повелѣніе, чѣобы вѣ пробздѣ Персианѣ черезѣ Аспраханѣ обратѣ у нихѣ всѣхѣ увезенныхѣ ими дѣвочекѣ и мальчиковѣ; но Персіане многихѣ попряпали вѣ сундуки и шакимѣ образомѣ перевезли за границу. Потомѣ разговорились о бывшемѣ во время П е т р а Великаго при Поршѣ Шведскомѣ Посланникѣ Поняшовскомѣ, и о Русскомѣ Министрѣ, тамѣ же находившемся, Графѣ Толстомѣ, который много мѣщалѣ Поняшовскому вѣ его интригахѣ. Этомѣ Графѣ Толстой — сказалѣ между прочимѣ Никиша Ивановичѣ — былѣ замѣшанѣ нѣскольکو вѣ стрѣлецкихѣ буншахѣ, служивѣ орудиемѣ Милославскому. Однажды случилось, чѣо П е т р ѣ великій, подвеселившись вѣ компаніи, вѣ которой находился и Графѣ Толстой, сорвалѣ сѣ него парикѣ и клопя его по плѣши, сказалѣ: *голова, голова, если бы не такъ чмна ты была, давно бы я отрубилъ тебя велѣлъ.* О Графѣ Поняшовскомѣ рассказывалѣ Графѣ Ржеуцкій Никитѣ Ивановичу слѣдующій анекдотѣ, слышанный имѣ отѣ самаго Поняшовскаго: Онѣ находился вѣ Гданскѣ вѣ то самое время, когда этомѣ городѣ взятѣ былѣ Фельдмаршаломѣ Минихомѣ. Минихѣ имѣлѣ отѣ Императрицы повелѣніе взятѣ Поняшовскаго подѣ караулѣ. Графѣ Поняшовскій, услышавѣ обѣ этомѣ, самѣ приходитѣ кѣ Фельдмаршалу, который, поговоривѣ сѣ нимѣ полчаса, опускаетѣ его отѣ себя сѣ большою учтивостію, не прикоснувшись кѣ его свободѣ. *Отъ чего же не задер-*

жалъ онъ васъ по повелѣнію Императрицы? спросилъ Ржеуцкій. Я тогда говорилъ ему то, чего онъ ни кому не перескажетъ, опвѣчалъ Поняшовскій; а онъ говорилъ мнѣ то, чего я никогда никому не перескажу. У меня учился послѣ обѣда Его Высочество очень хорошо — мы начали вычитаніе дробей. Его Высочество сдѣлалъ нынѣ самъ примѣчаніе, что если вычесъ неравное или нечетное число изъ равнаго или четнаго, то всегда въ оспашкѣ будешъ нечесъ. Замичаніе, показывающее великое остроуміе, Его Высочеству и прежде случалось дѣлать подобныя. Я увѣренъ, что Великій Князь былъ бы нашимъ Паскалемъ, когда бы, родившись чашнымъ человѣкомъ, могъ заняшься исключительно одною Машемашикою.]

1е Октября. Поупрѣ Его Высочество усшанавливалъ свои книги въ библиотекѣ. Передъ обѣдомъ пришли къ намъ Его Сіятельство Вице-Канцлеръ, Графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышевъ, Графъ Минихъ и Иванъ Перфильевичъ Елагинъ. Всѣ кромѣ Вице-Канцлера у насъ обѣдали. За столомъ Никиша Ивановичъ рассказывалъ о свадьбѣ покойнаго Государя Петра III съ нынѣ царствующею Императрицею. Семенъ Кириловичъ Нарышкинъ былъ тогда Гофмаршаломъ. Сдѣлана была у него по вкусу его особливая кособокая карета вся въ зеркальныхъ спеклахъ и колеса зеркальными спеклами выложены были. Кафшанъ на немъ былъ шипшой серебромъ. Съзади опъ самой прорѣхи было вышито дерево, котораго сучья и листья по рукавамъ разходились. Говорено было также о домоводствѣ Графа Захара Григорьевича, и какъ онъ людей своихъ учи-

валъ. Графъ Захаръ Григорьевичъ соглашался; первымъ по себѣ домоводцемъ признавалъ онъ Генерала, Князя Александра Михайловича Голицына. Нынче также обѣдалъ у насъ и Оберъ-Провіаншмейстеръ Замятінъ; онъ разсказывалъ, какъ хорошо и порядочно општроивается Тверь. На что Его Высочество примолвилъ: *До этому Тверь современемъ и маленькимъ Петербургомъ быть можетъ.* Послѣ обѣда скоро разѣхались. Принесли для поспавки въ будуаръ разныя изъ Саксонскаго фарфора куклы. Его Высочество приказалъ перемыть ихъ, и очень замысловапо шупилъ, смотря, какъ подкандиторъ Зайцовъ фарфоровыхъ *Кировъ, Александровъ и Цезарей* погружалъ въ воду.

4 Октября. Нынче обѣдалъ у насъ Графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышевъ; почти до самаго окончанія обѣда говорилъ онъ цанигрикъ Русскому войску. При нынѣшнемъ избраніи Польскаго Короля — сказалъ онъ между прочимъ — вышло въ Польшу шридцать шесть тысячъ арміи, и нико не почувствовааь, нико не слыжалъ ни малѣйшей жалобы на какой нибудь недоспашокъ или медлительность — всѣ войска шотчасъ по повелѣнію выступили въ походъ. Никиша Ивановичъ разсуждалъ при семъ случаѣ о разности между нынѣшнею и преждебывшею въ Россіи арміею; о медлительности прежнихъ приготовленій къ походу и маршей; о безжелезности такъ называемыхъ въ шогдашнее время *консультаций*: „Человѣкъ десятъ начальныхъ „головъ — говорилъ онъ — сбѣдупся; одинъ „что нибудь предложитъ; потѣмъ всякой, пока- „чавъ головою, скажетъ; *и я такъ-то*

„вѣдь думаю; да что дѣлать! нельзя!
„Свѣтъ и развѣдущся!“ — Это такіе лю-
ди — сказалъ на это Захаръ Григорьевичъ —
у кошорыхъ сама нашуря посреди всякой мы-
сли положила рогашку. Лишь начнушъ ду-
мать о чемъ, шо, не дошедъ до конца, и за-
пнушя всегда за рогашку, и выдешъ всегда
невозможность. . . .

5 Октября. Сего дня назначено Турец-
кому Послу бышъ у Никишы Ивановича на
аудиенціи, для врученія ему листа отъ Визи-
ря. Его Высочество выпросилъ позволеніе
присущствовашъ на этой аудиенціи, *никогнѣ-
то*. Она была въ исходѣ 12 часа въ парадныхъ
покояхъ Великаго Князя. Когда ввели Послан-
ника въ комнату аудиенціи, шо Петръ Ва-
сильевичъ Бакуинъ вошелъ въ парадную Его
Высочества залу, которая на сей разъ
представляла кабинетъ, и доложилъ Никишѣ
Ивановичу о прибышїи Посла. Его Превосхо-
дительство пошчасъ вышелъ, выслушалъ отъ
Посла рѣчь, принялъ листъ и сказалъ от-
вѣшъ; пошомъ сѣлъ въ креслы за столъ,
Посланника посадилъ по правую руку, а по
лѣвую сѣли для аудиенціи Его Превосходи-
тельство, Иностранной Коллегїи Членъ, Графъ
Александръ Сергеевичъ Спрогановъ — около
спояло множество Кавалеровъ. Его Высоче-
ство изволилъ смотрѣшъ изъ дверей оной
залы; передъ нимъ спояли фрейлины: Анна
Родионовна Веделева и Графиня Анна Пешро-
ва Шеремешева; онѣ соспавляли для него изъ
раброновъ своихъ ширму. Его Высочество
былъ безъ кавалерїи. Видя Турковъ, не хотѣлъ
онѣ подойши къ дверямъ близко, и все оп-
споранивался, посмашривая съ робостїю на

ихъ усы и бороды. Никиша Ивановичъ разска-
зываетъ за столомъ, что Посланникъ между
прочимъ ему говорилъ, что *Его Превосходи-
тельство дарованіями своими плѣнилъ его
душу, что честность и добродѣтель на
лицѣ его изображаются.* Турокъ правъ! и
я любилъ его за эти умныя слова. Говорили
о разныхъ обрядахъ, съ которыми обыкновен-
но принимаютъ посланниковъ. Въ седьмомъ
часу пошелъ Его Высочество къ Госуда-
рынь, и тамъ разговаривали во все время о
Послѣ и Турецкихъ обрядахъ. Ея Величе-
ство между прочимъ разсказывала, что быв-
шій передъ симъ при Пешербургскомъ Дворѣ
Турецкій Посланникъ, у коего приславомъ
былъ Денисъ Ивановичъ Чичеринъ (нынѣшній
Тобольскій Губернаторъ), пріѣхавши въ одно
Украинское мѣстечко, потребовалъ сто двад-
цать пудъ пепрушки. Для сего — изволила
примолвить Государыня — надобно было
собрать со всего Государства конприбуцію
пепрушкою. Великій Князь услышавъ, что
нынѣшній Посолъ числится въ Турецкомъ вой-
скѣ Генераломъ отъ кавалеріи, и что ему уже
девяный десятокъ, засмѣялся и сказалъ:
*Вотъ настоящій Генераль отъ кавалеріи!
всюду носить за гусарами!*

6 Октября. Его Высочество изволилъ
проснуться въ седьмомъ часу. Въ назначенное
время для Богословскихъ лекцій читалъ онъ
съ его Преподобіемъ отцемъ Платономъ Еван-
геліе. Передъ обѣдомъ пришелъ Его Превосхо-
дительство Никиша Ивановичъ; онъ разсуж-
далъ о здѣшней Академіи; говорилъ, что она
оставлена безъ всякаго попеченія; что у насъ
нижнихъ школъ, необходимыхъ для приго-

швления юношества къ ученію академическому, совсѣмъ нѣтъ. Нѣтъ никакой пользы и славы — говорилъ Никита Ивановичъ — что десять или двадцать иностранцевъ, вызванныхъ въ Россію за великія деньги, будутъ писать на языкѣ, весьма немногими извѣстномъ. Еслибъ Крымской Ханъ двойную далъ цѣну и къ себѣ такихъ людей призвалъ; то они и туда бы поѣхали и тамъ бы стали писать; а Татары всё бы остались по прежнему Татарами.

7 Октября. Его Высочество изволилъ проснуться въ седьмомъ часу. Окончавъ урокъ историческій, переводилъ Русскія Вѣдомости на Французской языкъ. Чипая оныя прежде въ службѣ, изволилъ два раза чихнуть; и потомъ сказалъ: два раза я чихнулъ и все на сухоты, что-то будетъ, какъ дойду до точки. . . Передъ обѣдомъ поднесъ Его Высочеству у артиллерійскій Офицеръ (Князь Чухлымановъ, кажется не помню фамиліи), двѣ духовыя гоубицы и двѣ пушки. Въ залѣ дѣлали имъ пробу, спрѣляя деревянными ядрами, нарочно для нихъ сдѣланными. Сѣли за столъ; у насъ обѣдалъ Его Превосходительство Семенъ Ивановичъ Мордвиновъ; разговаривали о морскихъ сраженіяхъ. Я говорилъ между прочимъ, что морскія сраженія и ужаснѣе и опаснѣе сухопутныхъ: на морѣ кромѣ корабля, на нѣсколько саженъ простирающагося; дѣвашься некуда; а на разбитомъ кораблѣ принужденно долженъ репироваться на дно морское. Его Высочество вѣвшивался въ разговоръ, и на послѣдокъ сказалъ: *Чтожь бѣды, если бы и на дно репироваться! въ смерти болѣе страху, нежели*

вредъ; особливо для челоуѣка добродѣ-
 тельнаго, которому на томъ свѣтѣ луч-
 ше еще будетъ нежели здѣсь. Послѣ сполы
 пришелъ къ Его Высочеству Графъ Гри-
 горій Григорьевичъ Орловъ. Великій Князь при-
 казалъ принести изъ залы своей духовныя го-
 убицы и пушки; двѣ изъ нихъ пожаловалъ
 Графу, а двѣ оставилъ у себя; раздѣлились
 на двѣ арміи, назначили въ комнахъ болопа
 и пригорки, и началась страшная пальба. Ко-
 гда ушелъ Его Сіяшество, то Государь оп-
 велъ меня въ спорону и сказалъ: *Не прогнѣ-
 вайся, братецъ, что я тебѣ сего дня за
 столомъ устрицъ болѣе одного блюда ѣсть
 не далъ; я боялся, чтобы ты не занемогъ.*
 Трогательный знакъ примѣчательности! Въ
 шесть часовъ Его Высочество изволилъ
 бытъ въ театрѣ; играли Французскія піесы
L'ecole des femmes и *L'effet de l'amour*. Послѣ
 былъ балетъ: *les chasseurs*. Ея Величество
 присушествовать неизволила. Въ маленькой пі-
 есѣ и въ балетѣ Его Высочество изволилъ
 аплодировать весьма много. Два раза паршеръ
 безъ него захопалъ; это было ему весьма не-
 пріятно. Пришедши къ себѣ, долго прошивъ
 этого ропсалъ. Графъ Александръ Сергеевичъ
 Спрогановъ, бывший въ это время у насъ, ска-
 залъ Его Высочеству, что недавно въ ко-
 медіи я Ея Величество изволила позволить
 прежде себя аплодировать. *Да объ этомъ я
 не слыхалъ* — опшествовалъ Великій Князь —
*чтобы Государыня изволила приказать
 аплодировать при мнѣ прежде меня.*
 Впередъ я выпрошу, чтобы тѣхъ можно
 было высылать вонъ, кои начнутъ при мнѣ
 хлопать, когда я не хлопаю; это противъ
 благопристойности.

9 Октября ... За столомъ зашла рѣчь о пресшупникѣ Мировичѣ. Графъ Александръ Сергеевичъ рассказывалъ, съ какою швердостою эшопѣ злодѣй присшупталъ къ смерли; а Никиша Ивановичъ говорилъ о смѣшныхъ и нелѣпыхъ общаніяхъ, какія Мировичъ Свяшымъ Угодникамъ дѣлалъ для достиженія успѣха въ своемъ замыслѣ. При семъ Никиша Ивановичъ рассказалъ слѣдующій забавный анекдотъ: Въ Парижѣ надобно было казнишь одного Аббата. Когда палачъ взвелъ его на висѣлицу, и надѣвъ ему на шею пешлю, хотѣлъ сполкнущъ его съ лѣспшницы; то онъ крѣпко уцѣпился за нее ногою. Палачъ шолкнулъ его въ другой разъ сильнѣе и сказалъ: *Descendez donc; ne faites pas l'enfant Mr l'abbé* (извольше сойши, господинъ Аббатъ! не ребячешь). Эшому весьма много смѣялись; пошомъ говорили о придворныхъ маскерадахъ, находя неприличнымъ, что у всѣхъ, даже и у чужеспранныхъ Миниспровъ, у входа спрашивающъ о чинѣ. Къ эшому вспомнилъ я забавный анекдотъ объ одномъ фельдѣ - фебелѣ, кошорый пришолъ въ придворный шепатръ, куда ниже Шшабъ - Офицеровъ никого не впускали. Присшавленный у дверей придворный лакей спросилъ у него: что онъ за человекъ? — *фельдъ-фебелъ!* — А что эшо за чинъ фельдъ-фебелъ? — *Въ арміи всего на все три фельда: Фельдмаршалъ, Фелдцейгмейстеръ и фельдъ-фебелъ! теперь самъ разсуждай, какой это чинъ.* — И его пропустили съ почшениемъ. — Во всѣ эши разговоры Его Высочештво очень мало вмѣшивался, а болѣе кушалъ; но я увѣренъ, что онъ все слышалъ. Часто случается, что Его Высочештво заняшъ своимъ дѣломъ, или играешъ и совсѣмъ неслушаетъ, что въ другомъ углу

говорятъ; не смотря на то, недѣли черезъ при или и болѣе, когда къ рѣчи придетъ, окажется, что онъ все то слышалъ, въ чемъ тогда, по видимому; не принималъ никакого участія.

10 Октября. За столомъ у насъ сего дня были Его Сіятельство Вице - Канцлеръ, Графъ Захаръ Григорьевичъ и Графъ Иванъ Григорьевичъ Чернышевы, Его Превосходительство Петръ Ивановичъ, Иванъ Логановичъ Кушуровъ, и Г. Сальдернъ. Великій Князь спрашивалъ у Петра Ивановича, для чего Полковникъ Каменскій къ нему не ходитъ, и что онъ весьма бы радъ былъ его у себя за столомъ видѣть. Большую часть времени разговаривали Графъ Иванъ Григорьевичъ и Графъ Захаръ Григорьевичъ съ Его Высочествомъ о военномъ дѣлѣ, и какъ какъ бы я всегда желалъ эпаго, то есть, не входя въ мѣлочи, говорили о великихъ обязанностяхъ полководца. Между тѣмъ Его Превосходительство Никиша Ивановичъ приказалъ поставитъ передъ себя камфорку и варилъ ушерсы съ Англійскимъ пивомъ. Великій Князь спалъ на скамѣйку, смотрѣлъ съ большимъ вниманіемъ, какъ эшопъ супъ варился, и самъ крошилъ въ него хлѣбъ! — Никиша Ивановичъ попошчивалъ Его Сіятельство, Вице - Канцлера, козлепами — но Князь отказался. Его Высочество, вспомнивъ анекдотъ о Аббатѣ, сказалъ ему: *Prenez donc, mon Prince, ne faites pas l'enfant* (покушайте, Князь; не ребячьтесь): Сего дня за столомъ было весьма весело; и правду сказать, ша бесѣда не можеть быть скучна, въ кошорой находящяся вмѣстѣ Никиша и Петръ Ивановичи Паньны, да Захаръ и Иванъ Григорьевичи Чернышевы.

13 Октября. Государь Великій Князь изволилъ проснуться въ шесть часовъ. Я не успѣлъ еще надѣть своей шинели, какъ онъ вбѣжалъ въ мою горницу, вскочилъ на мою постель и началъ на ней поваливаться. Мы пошли въ маленькой будуаръ пить чай. Камердинеръ спросилъ у меня, какой кафтанъ приготовить для Его Высочества; я велѣлъ доложить объ этомъ самому Великому Князю. *Поддай зеленой бѣрхашной!* — Этотъ кафтанъ уже старъ, Ваше Высочество! сказалъ камердинеръ; не прикажете ли другой привести? — Но Его Высочество выслалъ камердинера съ сердцемъ, приказавши дѣлать, что ему велятъ. — „А Карла XII за упрямство не любятъ, сказалъ я. Хорошоли это, не принимая никакихъ представлений! Вы прежде не знали, что кафтанъ старъ, и для того приказали его подать; но теперь, узнавши объ этомъ, для чего не хотите переменить своего мнѣнія и согласиться?“ — Его Высочество потчасъ кликнулъ камердинера, и приказалъ ему не носить уже зеленого кафтана, а подать другой поновѣе. Этотъ случай утвердилъ мое мнѣніе, что изъ Его Высочества искуснымъ образомъ все хорошее сдѣлать возможно. За чаемъ Его Высочество, посмотрѣвши мнѣ въ глаза, вдругъ у меня спросилъ: *Скажи мнѣ, братецъ, пожалуй: ты ѣшь на оловѣ, когда обѣдаешь дома?* — Я почти никогда не обѣдаю дома, Ваше Высочество. — *А ежели случится дома обѣдать, на чемъ тогда ты ѣшь?* — Я человекъ недоспащочный и долженъ по неволѣ ѣсть на оловѣ. — Онъ опять посмотрѣлъ мнѣ въ глаза, съ живостію ухватилъ меня за руку и сказалъ: *Не тужи, голубчикъ! будешь и на*

серебрѣ жсть! Признаюсь, я пронулъ былъ до глубины сердца. Передъ обѣдомъ разговаривали о Франкфуртской баталіи и о Графѣ Петрѣ Семёновичѣ Салтыковѣ, который былъ удивительно хладнокровенъ во время сраженія: когда ядра съ свистомъ мимо него лѣтали, то онъ въ слѣдъ за ними хлыстикомъ пошегивалъ и смѣялся. Обѣдали у насъ Его Сіятельство Вице - Канцлеръ, Г. Сальдериъ, Григорій Николаевичъ Тепловъ, Графъ Александръ Сергеевичъ Строгановъ, Василий Ильичъ Бибииковъ, Иванъ Ивановичъ Кропотковъ. Никита Ивановичъ говорилъ за столомъ, что онъ не можетъ пережить актрисы *Дюшимоу* за то, что она болѣе нежели что - нибудь напоминаетъ ему о старости; онъ видѣлъ ее на театрѣ маленькою дѣвчонкой, а теперь у нее уже ни одного зуба во рту не осталось. Онъ же говорилъ о нѣкоморѣ Генералѣ, который *самъ* рассказывалъ о себѣ въ одномъ обществѣ, что онъ съ молода былъ на руку *нечистъ*; что онъ однажды какую - то вещь у Бориса Петровича Шереметьева *тынулъ*; и что Борисъ Петровичъ его опдулъ за то бапожьемъ: съ пѣхъ поръ какъ рукою сняло. Этомъ же Генералѣ; находясь однажды у Гетмана, разсуждалъ, какіе недомыслии нынѣ люди спали; не лзя избранишь: а бывало тебѣ палочкемъ дуешь дуешь, а ты и слова скажешь не смѣешь. Гвардій Офицеръ Дебрини, случившійся при этомъ разговорѣ, сказалъ: *Pax dieu! quel chien d'ambition!* (какое собачье честолюбіе!)

16 Октябрю. Нынѣшній день Никита Ивановичъ давалъ приватную аудіенцію Турецкому Послу. Мы долго дожидались его обѣдашь. За столомъ спросилъ я у Его Превосходительства

спва, каковъ Турокъ въ своихъ разсужденіяхъ? — Онъ человекъ съ разсудкомъ, сказалъ Никиша Ивановичъ; но свѣденій ни о своей ни объ нашей землѣ никакихъ не имѣетъ. Турецкіе Послы, прибавилъ онъ, не имѣютъ обыкновенія отправлять къ двору своему курьеровъ; они сами обо всемъ по возвращеніи доносятъ. Разсуждая о политическомъ состояніи Турціи, Его Превосходительство сказалъ: *C'est un empire, formé par le brigandage, et soutenu uniquement par la jalousie de ses voisins.* (Это Имперія сославившаяся отъ разбоевъ; и поддерживается одною взаимною ревностію сосѣдей.) Потомъ Никиша Ивановичъ сказалъ Великому Князю, что Турокъ обѣщалъ прислать ему духовъ Цареградскихъ. — А почему онъ меня знаетъ? спросилъ съ улыбкою Цесаревичъ. — *Сказываютъ, что онъ на улицѣ отъ мальчиковъ объ васъ слышалъ,* отвѣчалъ шуля Никиша Ивановичъ. Разговорились о Русской спаринѣ. Никиша Ивановичъ сказывалъ, что въ прежнее время писали въ инструкціяхъ посольскихъ между прочимъ слѣдующее: *Ежели будутъ тебя спрашивать про здоровье нашего Царскаго Величества, и ты скажи, что мы по отъздѣ твоёмъ, благодаря Бога, остались здоровы; а ежели чинятъ спрашивать, гдѣ мы пребываемъ, и ты скажи, что ты наше Царское Величество оставилъ на Москвѣ; а гдѣ мы теперь, про то не вѣдаешь. . .* За ужиномъ разговорились о вчерашнемъ маскарадѣ, потомъ о Московскихъ маскарадахъ, потомъ и о самой Москвѣ, и Его Высочество съ восхищеніемъ вспоминалъ о жителѣ Московскомъ; онъ всегда изволилъ показывать великую охоту пожить въ Москвѣ, которую весьма любитъ.

17 Октября, Воскресенье. Приѣхалъ Его Преподобіе, опецъ Плашонъ — съ нимъ пошли мы въ нашу пшичню и пустили всѣ фонаны; пшички сначала испугались воды и смѣли тихо; Великой Князь кричалъ и говорилъ: *Что же вы, чижички, теперь не купаетесь?* — Спустия нѣсколько времени, пшички начали попариванъ и купанься; Великой Князь очень шѣмъ забавлялся и говорилъ, что въ пшичьей республикѣ снигири представляющъ спариковъ, овсянки спарухъ, чижички буяновъ, щеглята пешиметровъ, а зяблицы кокешокъ. Опецъ Плашонъ при этомъ случаѣ весьма разумно и для Его Высочества весьма полезно рассуждалъ о милосердіи къ животноымъ. За обѣдомъ разговаривали о грубомъ и безполковомъ слогѣ приказныхъ людей. Послѣ шпола Его Высочеству вздумалось написать дурнымъ складомъ, безъ наблюденія припинація знаковъ, письмо, и вошъ что мы написали: „Любезный другъ и братъ. Во не;изчепности лѣшъ? много желаю вамъ, здравія и благоденствія и съ любезною, хозяйскою и дражайшими чады. а обо мнѣ, ежели ;изволише напамяшовашъ и я пещпущкѣ сего ;сущъ въ добромъ здравье ибо во окончаніи ;всѣхъ кашельностей есть со всѣми! наши;ми домашними поклонъ приношу и оспаюсъ ;вамъ вѣрно надѣжной другъ и слуга *Слѣ;пышъ Темниковъ.*“ Послѣ этого мы долго разговаривали о помѣ, какъ дурно не знашь опечесшвеннаго языка и не умѣшь на немъ писанъ ясно. Турецкой Посланникъ прислалъ къ Его Высочеству духовъ въ шести маленькихъ скляночкахъ, поставленныхъ въ серебряную чашечку.

20 Октября. . . . Нынѣ обѣдалъ у насъ изъ постороннихъ одинъ Графъ Александръ Сергеевичъ Спрогановъ. За столомъ разговаривали о Русской Исторіи, о Миллерѣ, о трудахъ покойнаго Василья Никитича Тапищева — я сожалѣлъ, что они оспались въ пренебреженіи — о Несторѣ, о Степенной книгѣ. Александръ Сергеевичъ докладывалъ между прочимъ Его Высочеству, чтобы изволилъ выпросить и пожаловать изъ милости что-нибудь Господину Фирцшеру, который Его Высочеству поднесъ маленькія клавикорды, сдѣланныя пирамидою. — Его Высочество обѣщалъ это исполнить; но припомъ говорилъ: Клавикорды напрасно сдѣланы; они для меня не годны, за это и Фирцшеру надобно дать меньше. — *Mais il a toujours voulu montrer son zèle, Monseigneur*, сказалъ Графъ А. С. (Но онъ хотѣлъ доказать Вашему Высочеству свое усердіе.) — *Mais pourquoi a-t-il voulu montrer son zèle sur un petit clavecin?* возразилъ Великій Князь съ нѣкоторымъ жаромъ (Но для чего же вздумалось ему показывать свое усердіе на маленькихъ клавикордахъ?).

21 Октября. Нынѣ изъ постороннихъ обѣдали у насъ Его Сіятельство, Вице-Канцлеръ, и Гвардіи Капитанъ Энгельгардтъ, приславъ Турецкаго Посланника. Никитча Ивановичъ по большей части рассуждалъ за столомъ о Туркахъ. Его Высочество, вмѣшиваясь въ сіи разговоры, между прочимъ спросилъ у Энгельгардта: какъ по Турецки *нѣтъ*? — *Току!* отвѣчалъ Энгельгардтъ. — *А да и такъ?* — „Не знаю, Ваше Высочество.“ — И конечно потому не знаете, что Посланникъ слова *да* никогда не употребляетъ? — *Надобно*

знать, что Посланникъ человекъ весьма упрямый и ни на что не соглашается. Никита Ивановичъ сказывалъ, что Фельдмаршалъ Минихъ спросилъ у этого Турка во дворцѣ, слышалъ ли онъ о Минихѣ? — *Слыхалъ*, отвѣчалъ Посланникъ, — Хотите ли его видѣть? — *Не хочу*, отвѣчалъ Турокъ поспѣшно и съ видомъ робости. Потомъ, оборотясь къ переводчику, прибавилъ: *что этотъ человекъ ко мнѣ привязался? Все мучитъ меня вопросами. Скажи ему пожалуйста, чтобы онъ прочь шелъ: ужь не самъ ли это Минихъ?*

4 Ноября . . . Я рассказывалъ Его Высочеству нынѣ, какъ блаженные памяти Прадѣды его, Петръ Великій, бѣдилъ въ портъ Бальтійской; весь залѣвъ приказалъ онъ вымѣрять при себѣ; самъ назначилъ, какъ вести перемычку; самъ бросилъ первой камень; его примѣру послѣдовала и Императрица, неоплучная спутница его во всѣхъ великихъ предпріятіяхъ. Потомъ Его Величество указалъ построить для себя два домика, одинъ на твердой землѣ, другой на оспрову. Его Высочество вспомнилъ при этомъ рассказанный ему мною анекдотъ, какъ Петръ Первый однажды маршировалъ съ Преображенскимъ полкомъ по площади между бывшею Исакиевскою церковію и Исаковскимъ мостомъ. Императрица стояла тогда на оной площади; всякой офицеръ, останавливаясь съ плюмономъ своимъ противъ Ея Величества, подходилъ къ рукѣ ея, и Государыня каждому сама подносила водку. Государь, поровнявшись съ нею, также остановился, выкушалъ свою чарку и предъ всѣмъ народомъ поцѣловалъ Государыню. Я слышалъ это отъ отца моего,

а онъ тому былъ самовидѣцъ. За столомъ зашла у насъ рѣчь опять о Балтійскомъ порпѣ. Я сказалъ, что мнѣ весьма нравится разсужденіе о семъ предметѣ Фельдмаршала Миниха. *Когда ни проѣзжаю мимо Балтійскаго порта — лишетъ Минихъ — всегда мечтается мнѣ, что великій духъ Петра, носясь надъ пространнымъ заливомъ, веселится симъ дѣломъ своимъ, котораго совершеніе утвердило владычество наше на Балтійскомъ морѣ.* — И мнѣ это разсужденіе нравится, сказалъ Великій Князь; но желаю знать, къ чему это Балтійскій порпѣ послужитъ; будетъ ли отъ него прибыль, или нѣтъ, Богъ знаетъ; а работѣ конца нѣтъ. Что ни насыпаютъ, все разсыпается; по моему мнѣнію этаго сдѣлать совсѣмъ нельзя! — Я извѣснялъ Его Высочеству, кака была бы польза Россіи отъ Балтійскаго порпа. — Что же касается до невозможности, Государь, продолжалъ я, то вамъ не дѣя называть невозможными такія дѣла, о которыхъ вы основательнаго понятія не имѣете. Петръ Первый, дѣдушка вашъ, за пустыя дѣла приниматься не любилъ, и по моему мнѣнію весьма неосторожно называть бесполезнымъ то, что было начато симъ Великимъ Государемъ. Что же принадлежитъ до медленности, съ какою продолжается эта работа, то и всякое великое предпріятіе совершается медленно; надобно терпѣніе! — Его Высочество слушалъ, слушалъ, качалъ головою, потомъ съ живостію сказалъ: *А если терпѣнія нѣтъ, гдѣжь его взять?* — Тогда лучше и не братья за великія дѣла. Люди нешерпѣливые всегда осуждены видѣшь, что все начатое ими еще при жизни ихъ разру-

шается. Великій человекъ напротивъ все со-
 зидаетъ на вѣчность. Посмотрите на Колбер-
 та : могли онъ воображать, чтобъ изъ по-
 сѣяннаго имъ дуба могъ вырасти при жизни
 его машерой лѣсъ — но онъ хотѣлъ, чтобы
 Франція имѣла собственннй дубъ, велѣлъ его
 посѣять, хранить, и теперь Франція имѣетъ
 собственннй огромный дубовый лѣсъ, кошорой
 вѣчно напоминаетъ будещъ о Колбертѣ. — Вели-
 кій Князь слушалъ очень прилѣжно. — *Вотъ*
ужъ и разговорился ты, сказалъ онъ съ
 улыбкою; потомъ ухватя меня съ живостію
 за руку спросилъ: *А что это за человекъ*
Колбертъ, о которомъ ты мнѣ рассказы-
вала? — Я удовольствовалъ любопытство Его
 Высочества,

6 Нолбря. . . . Нынѣшній день пришла
 на насъ охота писать вздоръ стихами и про-
 зою. Государь Цесаревичъ сѣлъ подлѣ меня и
 сказалъ: *поищемъ, братецъ, что нибудь;*
 и вошъ что мы написали:

- „Я смыслъ и оспрошу всему предпочитаю,
 „На свѣтѣ прелестней нѣтъ больше для
 меня;
 „Тебя, любезная, за то я обожаю,
 „Что блещешь, оспрошу съ красой со-
 единя.“

Потомъ вздумалось Его Высочеству напи-
 сать и шуточную рѣчь, кошорую бы могъ онъ
 сказать Турецкому Посланнику въ отвѣтъ
 на его привѣтствіе, если бы Посланникъ
 имѣлъ у него аудіенцію; ибо Его Турецкое Прѣ-
 восходительство ни слова по Русски не разу-
 мѣетъ. И вошъ какую рѣчь мы сочинили:

„Господинъ Посланникъ! Понеже вы видома
 „козлу, нравомъ медвѣдю, а умомъ барану
 „уиодобляесть; ипого ради повелѣлъ я всѣмъ
 „онимъ живошнымъ собраться въ конферен-
 „цію и дань вамъ аудіенцію; послѣ того полу-
 „чите вы визиты отъ всѣхъ лошадей и бы-
 „ковъ здѣшней столицы. Теперь милости про-
 „симъ вонъ!“ — За столомъ мы разговари-
 вали о красотѣ, и находили, что она безъ
 ума ничто — упоминали между прочимъ и о
 нѣкоторыхъ красавицахъ, намъ извѣстныхъ,

8 *Ноября*. Его Высочество былъ нынѣшній день нездоровъ и кушалъ въ своей почивальнѣ за маленькимъ столикомъ. Я былъ въ театрѣ. Въ половицѣ зрѣлища прислалъ Великій Князь за мною — я возвратился, и мы долго вмѣстѣ ходили взадъ и впередъ по горницѣ. Его Высочество былъ особенно ко мнѣ ласковъ; за столомъ все меня потчивалъ. Передъ моимъ отбѣдомъ домой Государь спросилъ у меня, *однѣ ли я ночую?* — Я сказалъ, что у меня ночуетъ Кадетскій Капитанъ Арсеній Андреевичъ Беклешовъ. — *Скажи пожалуйста, за что ты его любишь?* — За то, что онъ умный человекъ, прямодушный, имѣетъ доброе сердце, въ дружбѣ надеженъ и не насмѣшливъ. — *Поклонись же ему отъ меня.* — Государь бываетъ иногда необыкновенно нѣженъ въ обращеніи съ тѣми людьми, которыхъ почитаетъ къ себѣ ближними,

14 *Ноября*. — Нынѣ обѣдали у насъ Его Превосходительство Пётръ Ивановичъ Панинъ и Александръ Сергеевичъ Строгановъ. Пётръ Ивановичъ рассказывалъ о вчерашней охотѣ.

Онъ бѣдилъ съ Ея Величествомъ на чучелы къ прѣмъ рукамъ. Когда Государыня изволила выспрѣлится въ первый разъ, а шеперевъ улетѣлъ, то Пётръ Ивановичъ, стоя шупъ же въ шалашѣ, сказалъ: *Vours' est-il mort?* (убишь медвѣдь?) Ея Величество изволила отвѣчать ему: *non pas encore!* (нѣтъ, не убишь!) стихи изъ оперы: *Два охотника*, . . . Зашла рѣчь о министрахъ. Пётръ Ивановичъ говорилъ, что прежде у насъ думали: *будь въ полку маіоръ исправный, и все пойдетъ порядкомъ*; а нынѣ думаютъ, и думаютъ справедливо: *Будь полковникъ хороший, тогда и маіоры и офицеры и солдаты въ полку будутъ хорошиѣ*. Министру не должно полагаться на секретаря, а самому умѣть дѣйствовать. — Это правда — сказалъ Никиша Ивановичъ — единственно отъ министра зависитъ, чтобы дѣла шли хорошо. Я всегда былъ доволенъ своими подчиненными, сколько ни случалось мнѣ управлять министерскими дѣлами, и ошрѣшилъ бы отъ должности того министра иностранныхъ дѣлъ, который бы сказалъ мнѣ, что некому у него исправлять его порученій.

21 Ноября. У насъ были нынче Графъ Кирило Григорьевичъ Разумовскій, Графъ Пётръ Александровичъ Румянцевъ, Графъ Григорій Григорьевичъ Орловъ, Графъ Александръ Сергеевичъ Строгановъ и Иванъ Логиновичъ Кузубовъ. Разсказывали анекдотъ, довольно замѣчательной. Мужикъ волости Графа Алексѣя Григорьевича Разумовскаго былъ убитъ до смерти. Подозрѣніе пало на двухъ родныхъ братьевъ; но по обстоятельству вышло, что который-нибудь одинъ изъ нихъ убійца.

Приводятъ обоихъ въ судъ, и каждый снимаетъ дѣло на себя, оправдывая другаго, дабы избавить его отъ казни. — Спрашивали между прочимъ объ одномъ офицерѣ, въ шарфѣ ли онъ былъ, или нѣтъ? — *Въ шарфѣ*, отвѣчалъ Великій Князь. — Какъ же вы могли это замѣнить? — *Это замѣнить мнѣ можно потому, что мои глаза всякому взрослому человѣку по поясъ припадаютъ.* Вотъ очень умное слово, сказанное Его Высочествомъ! *Въ отвѣтъ*, говорилъ онъ, *никогда заигнаться можно; въ вопросѣ же напротивъ, кажется мнѣ, никогда не можно сбиваться.*

7 Декабря. Поутру Его Высочество былъ очень невсеселъ. Когда мы пили чай, то въ будуарѣ горѣли двѣ свѣчки. Надобно знать, что у Великаго Князя на всю недѣлю распредѣлено, сколько въ который день поутру во время пишья чаю зажигать въ будуарѣ свѣчекъ. Онъ весьма точно наблюдаетъ, чтобъ сей порядокъ камердинеры его не нарушали. Въ среду и четвергъ горитъ по одной свѣчкѣ; во вторникъ и въ пятницу по двѣ; въ понедѣльникъ и въ субботу по три; въ воскресенье по четыре — въ праздничные дни одна свѣчка противъ обыкновеннаго прибавляется. . . . Пришелъ зубной лѣкарь Клеретъ. Государь началъ было надъ нимъ подпрунивать; но я далъ ему почувствовать, что это не прилично, и онъ пошасъ пересналъ. Одѣвшись, пошелъ со мною въ учительскую: шутъ вздумалось Его Высочеству дѣлать мнѣ увѣренія въ дружбѣ; онъ говорилъ мнѣ, что видяшъ, какъ много я его люблю; что никогда съ своей стороны любить меня не перестану.

нѣтъ; что все мнѣ повѣришь въ состояніи. И пронувъ былъ неслыханно сею нѣжностію. . . .
 Послѣ стола разговаривали мы о домохозяйствѣ и хозяйствѣ. Хозяйство частныхъ людей есть одна изъ самыхъ любимыхъ матерій Его Высочества; онъ восхищается, входя въ нея подробности. Представляя себя человекомъ частнымъ, онъ всегда становится веселъ; онъ напуганъ имѣетъ онъ воображеніе необыкновенно живое, и можетъ представлять себѣ разные предметы какъ сильно, какъ будто бы они въ самомъ дѣлѣ были передъ глазами его — тогда веселишься, попрыгиваешь, ежеминутно отбрасываешь по привычкѣ своей руки назадъ. За ужиномъ разговорились о ремесленникахъ и купцахъ. Его Высочество завидовалъ имъ въ томъ, что они могутъ рано ложиться спать, и рано вставать съ постели. Надобно сказать, что Великій Князь любитъ сѣсть во всемъ: сѣвши одѣваться, сѣвши кушать, сѣвши ложиться въ постель. За часъ передъ обѣдомъ (мы обыкновенно обѣдаемъ въ началѣ второго часа) начинаются уже хлопоты; наймо засылаешь гофъ-фурьера къ Никитѣ Ивановичу спросить, не прикажетъ ли за кушаньемъ послать, и всѣ хитрости употребляетъ, чтобы хотя нѣсколько минутъ выиграть и за столъ сѣсть поранѣе. Объ ужинѣ такія же заботы. Послѣ ужина камердинерамъ повторишь приказъ: *ужинать какъ можно скорѣе*, и все то въ той надеждѣ, что если камердинеры опухинали ранѣе, то и въ постель можно будетъ лечь ранѣе. Ложась, заботишься, чтобы не проспалъ долго, и это бываетъ съ нами ежедневно.

§ *Декабря*. . . Я рассказывалъ Его Высочеству и Отцу Платону, какъ обыкновенно Государь Петръ Великій съ самаго утра приказывалъ приготавливать для себя студень, и какъ онъ рано садился всегда обѣдать. *Въ этомъ и я легко бы могъ блаженныя пути Государю послѣдовать*, сказалъ Великій Князь, *и всема бы радъ былъ, если бы дозволили. Желаю только, чтобы удалось подражать ему и въ прочемъ, то есть въ томъ, почему онъ Великимъ названъ*.

ii *Декабря* Нынѣшній день напала на насъ опять охота писать. Вздумалось Его Высочеству сочинить описаніе уличнаго маскарада. Онъ диктовалъ, а я исправлялъ должность писаря; и вотъ что мы сочинили:

I. Предвозвѣстники маскарада въ личномъ ихъ званію плалъь верхами.

1. Пейиметръ.	5. Карпежникъ.
2. Докторъ.	6. Скупой.
3. Комедіантъ.	7. Раскольникъ.
4. Педаантъ.	8. Танцовщикъ.

II. М а с к и.

i. Шестнадцать человекъ пятижестровъ; у каждаго въ рукѣ по маленькому зеркалу, въ которое онъ безпрестанно смотритъся, любуясь самъ собою. Въ другой рукѣ бутылочка съ *l'Essi de lavande*, кою которой онъ самъ себя опрыскиваетъ. За ними бѣжитъ кляска, въ которой сидя пейиметръ утирается и съ парикмахеромъ своимъ совѣтуетъ, какъ бы ему къ лицу причесаться. Передъ нимъ и позади его лакеи держатъ зеркала.

2. Везутъ коляску, въ которой сидитъ *Докторъ*; около его шестеро больныхъ, для которыхъ онъ пишетъ рецепты. Позади везутъ аптеку, въ которую посылаетъ онъ слугу своего за лѣкарствами, и самъ, выходя на крыльцо, всѣхъ увѣраетъ, что хотя больные и перемрутъ, но перемрутъ по самымъ точнымъ правиламъ Медицины; восклицаетъ ежеминутно: нѣтъ лучше и важнѣе науки, какъ Медицина!

3. Комната, въ которой сидятъ *Комедианты*, ужинаютъ съ знатными господами и поютъ пѣсни. Господа обходятся съ ними по-братски и разговариваютъ о любви.

4. Идутъ четыре человека *Педантовъ*, разсуждаютъ о наукахъ все неправильно и не къ спашу; сердятся на новыхъ философовъ, которые разуму послѣдуютъ.

5. Бѣдетъ комната съ *Картежниками*, которые играютъ въ карты съ распухлыми лицами, показывающими, что они уже ночей пять не спали; отъ проигрышу бѣсятся.

6. Идутъ шесть *Скупыхъ*, бѣдятъ сухой хлѣбъ, за ними несутъ сундуки. Они оглядываются безпрестанно, боясь чтобы ихъ не украли; заглядываютъ въ нихъ и любуются деньгами.

7. Идутъ *Расколники* и бранятъ нашихъ священниковъ, для чего они по старымъ книгамъ не служатъ и на семи просвирахъ не поютъ обѣдни.

8. Два Танцовщика. Они безпрестанно прыгають и смотряють себѣ на ноги.

17 Декабря. Его Высочество вспалъ въ исходѣ седьмага часа. Я не успѣлъ еще накинуть на себя шлафрока своего, какъ изволилъ ко мнѣ вѣбжашъ, легъ на моей постелѣ, а мнѣ велѣлъ сѣсть подлѣ себя; шумъ началось великое цѣлованіе, и онъ открывалъ мнѣ всѣ свои шайны. За чаемъ разговорились о Кадетскомъ Корпусѣ. *Мнѣ кажется, что тамъ уже черезъ чуръ много ружьямъ учатся*, сказалъ Его Высочество. *Кадетамъ некогда ничего въ классахъ выучить.* Одѣвшись изволилъ сѣсть со мною въ опочивальнѣ къ сполу. Въ книгѣ, которую бралъ у насъ Гранже изъ Библиотеки, нашли мы при письма опъ него къ танцовщицѣ Фузи, начатыя и не докончанныя; мы прочитали ихъ и много смѣялись. Его Высочество велѣлъ эпи при письма запечашъ въ одинъ пакетъ, который надписали на имя Гранже, вложивши въ него слѣдующую записочку:

Instruction pour Mr. Grangé
de bonne part.

Dorenavant il ne faut pas laisser ses lettres dans un livre que l'on rend à un autre. Il faut premièrement feuilleter et visiter le livre avant que de le rendre. Autrement on risque de découvrir ses petits secrets.

То естъ:

Добрый совѣтъ господину Гранже.

Впредь не оставляйте писемъ своихъ въ книгѣхъ книгахъ, которыя вы взяли у другаго и ему возвращаете. Надобно сперва хорошенько

пересмотрѣшь между листами. Въ противномъ случаѣ удастся иногда открыть нѣкоторыя маленькія шайны.

Этомъ пакетъ послалъ Его Высочество съ исполнителемъ Андрюшкою, которому приказалъ одѣться какъ можно похуже и, отдавая письмо, не объявлять отъ кого оно прислано. — Потомъ читалъ я Его Высочество у свои записки прошлой недѣли. Онъ слушалъ съ великимъ вниманіемъ и наконецъ сказалъ: *Все точнеюлькѣ такъ; только жалелъ бы я, чтобы нѣтъ выскреблены были...* Послѣ слова мы разговаривали о Ломоносовѣ. Этомъ стихотворецъ въку Елисаветы, сказалъ я; дай Богъ, чтобы и въ вѣкъ Вашего Высочества такіе же были. — *Богдановичъ таковъ будетъ!* отвѣчалъ Его Высочество. — Желая, чтобы это предсказаніе сбылось!

23 Декабря. Нынѣ передъ обѣдомъ представлялъ Никиша Ивановичъ Его Высочество у Полковника Трусова, который поднесъ переведенныя имъ съ Нѣмецкаго Рабенеровы Саширы. Его оставили обѣдать; еще обѣдали у насъ Иванъ Перфильевичъ Елагинъ и г. Сандернъ. Разговорились между прочимъ о придворныхъ расходахъ на столъ и на другія издержки. Иванъ Перфильевичъ рассказывалъ, что у нихъ въ канцеляріи есть штатъ дворцовый, который сочиненъ при Государѣ Петрѣ Великомъ и имъ самимъ разсмотрѣванъ. На этомъ штатѣ есть многія собственноручныя Его Величества опмѣшки. Положено было между прочимъ какимъ-то Царевнинымъ компаньимъ женщинамъ отпустить всякія за-

куски: ягодники, изюмъ, миндадь и прочее — Государь изволилъ опмѣшпшь: *Баба жь сколько сладкаго ни дай, все прѣбдять; послѣ важемогутъ, надобно будетъ лѣчить и платить за лѣкарство.* Еще одной Камеръ-Фрау положенъ былъ чай и сахаръ; Государь приписавъ изволилъ: *Она чаю не знаетъ, про сахаръ не слыхала, и прѣучать не надобно.* Впрочемъ говорили, что столъ Его Величества весьма хорошо снабденъ былъ по погодашнему времени. Его Превосходительство Никита Ивановичъ рассказывалъ, что и Государыня Елисавета Пешровна была весьма разборчива въ кушаньѣ.

24 Декабря. Нынѣ за обѣдомъ были у насъ Его Силтельство Захаръ Григорьевичъ Чернышевъ и Его Преподобіе Опецъ Платонъ; потомъ пришли Графъ Иванъ Григорьевичъ Чернышевъ и Князь Сергей Васильевичъ Гагаринъ. Между прочимъ говорили о Князѣ Александрѣ Даниловичѣ Меншиковѣ. Спросили у одного изъ нашихъ гостей, знаетъ ли онъ, какъ умеръ Князь Меншиковъ. — Онъ попрыскавъ головою въ знакъ того, что не знаетъ; на что Графъ Иванъ Григорьевичъ ему сказалъ: спыдно не знать о жизни и смерти такого челоука, каковъ былъ Меншиковъ; его не даромъ любилъ величайшій въ мѣрѣ Государь Пешръ; онъ имѣлъ умъ великій и обширный. Сими словами Графъ Иванъ Григорьевичъ утвердилъ еще болѣе по почтение и шу любовь, которая имѣла я къ нему всегда: разумный челоукъ во всякомъ случаѣ видѣнъ; онъ знаетъ свою пользу и общую, знаетъ, гдѣ онъ, съ кѣмъ и въ какое время. Великій Князь въ продолженіе эшаго разговора поглядывалъ на ме-

ня и улыбался, будучи увѣренъ, что такія разсужденія мнѣ весьма по сердцу.

25 Декабря. Рождество Христово. Его Высочество изволилъ вспашь въ седьмомъ часу, а въ двенадцатомъ пошелъ къ обѣди; изъ церкви послѣдовавъ за Государынею во внутреннія покои; тамъ Фельдмаршалъ Минихъ подносилъ Ея Величеству при прописи на Русскомъ, Французскомъ и Нѣмецкомъ, кои писалъ ученикъ, находящійся въ школѣ Лютеранской церкви, подъ покровительствомъ его состоящей: видно, что спаричку за восемьдесятъ лѣтъ, и что возвращается къ нему златой вѣкъ младенческой. . . . Часу въ пятомъ послѣ обѣда Его Высочество пошелъ опять на половину Государыни. Тамъ праздновали свяжки; игры происходили передъ биллиардною въ аудіенцъ-комнатѣ. Началось танцованье; первый менуэтъ танцовала Ея Величество съ Великимъ Княземъ; потомъ изволила поднять Графа Петра Борисовича Шереметева. Его Высочество поднялъ Фрейлину Анну Алексѣевну Хипрову. Во всѣхъ углахъ танцовали, какъ въ маскарадѣ. Потомъ начались конпръ-данцы. Его Высочество ихъ не танцуетъ; но Никита Ивановичъ сказалъ ему: шеперь воля, дѣлайше, что хошите. Обрадовавшись разрѣшенію, Его Высочество началъ дѣлать анпираша *à la façon*, попрыгивалъ и изъ угла въ уголъ перескакивалъ. Всѣ на него любовались; Фрейлины, не зная, что сказать ошъ удовольствія, называли его *любезнымъ Пуцюзкою* (разумѣется не въ глаза). При началѣ конпръ-данцовъ Ея Величество изволила сѣсть въ той же комнатѣ играть въ ломберъ съ Графомъ Кириломъ Гри-

горьевичемъ Разумовскимъ и съ Графомъ Захаромъ Григорьевичемъ Чернышевымъ. Его Высочество за другимъ столомъ изволилъ играть въ бирюльки; съ нимъ играли господа придворные той половины и я. Послѣ конпрѣданцовъ и польскихъ (въ которыхъ весьма много рѣзвились, завивались и развивались, взявшись рука за руку) связали длинную ленту и окружили Ея Величество; и Великій Князь былъ шупъ же — началась игра *ружобивка*; потомъ, покинувъ ленту, сославились кругъ въ три человека и гоняли чепвершаго; игра продолжалась съ часъ или часа съ полтора. По окончаніи оной опять Ея Величество изволила състѣ играть въ карты, а мы убралась къ себѣ.

31 Декабря. Въ нынѣшній день была оппукская аудіенція Англійскому Послу Милорду Буккингаму и пріемная пріѣхавшему на его мѣсто господину Макаршней. Пришелъ съ той половины къ Его Высочеству Графъ Иванъ Григорьевичъ Чернышевъ; говорилъ о словомъ Послѣ и между прочимъ о нашихъ старинныхъ посольствахъ къ иностраннымъ дворамъ. Графъ Иванъ Григорьевичъ разсказалъ замѣчательный анекдотъ объ одномъ изъ самыхъ старинныхъ Пословъ нашихъ, о *Потемкинѣ*. Ему приказано было мимоходомъ посѣпить Датскій Дворъ и взять у Короля аудіенцію. Въ инструкціяхъ посольскихъ обыкновенно писывалось, что Послы, предсавляя особу Государя, не должны были уступать никакихъ преимуществъ, сану ихъ принадлежащихъ. Король Датскій случился на то время боленъ. Потемкинъ требовалъ аудіенціи. Ему говорили, что Король боленъ и лежитъ въ постелѣ.

„Это не мѣшаетъ — сказалъ Потемкинъ —
; велише подлѣ Его Величества поставишь
; другую постелю; я лягу на нее и перего-
; ворю о чемъ мнѣ нужно съ Государемъ. Въ
; прошивномъ случаѣ не могу дожидаться здѣсь
; выздоровленія Его Величества; я дол-
; женъ ѣхать въ другое мѣсто, безъ всякаго
; замедленія“ — Министры не хотѣли поте-
; рять дружбы Русскаго Двора, и принуждены
; были согласиться на это требованіе; Потем-
; кинъ, прѣхавъ во дворецъ, легъ на постелю,
; переговорилъ съ Королемъ, и потомъ отпра-
; вился, куда назначено было въ инструкціи.

1765 годъ.

6 Января. День Богоявленія. Поутру
Его Высочество долго разговаривалъ со
мною о сегодняшнемъ праздникѣ; потомъ
одѣлся въ свой Адмиральскій мундиръ и чрез-
вычайно имъ радовался. Одѣвшись, изволилъ
пойти въ церковь. Еще прежде выхода Ея
Величества приходилъ къ Его Высоче-
ству Графъ Григорій Григорьевичъ Орловъ.
Въ сіе время маршировали мимо оконъ полки
гвардіи на Иорданъ. Когда началъ проходить Се-
меновскій полкъ, то Государь указывая на
него Графу, изволилъ замѣтить, что солда-
ты маршировали весьма худо. Когда Ея Вели-
чество изволила начать шествіе за церков-
нымъ соборомъ къ бесѣдкѣ, приготоженной на
мѣстѣ Иордани, прошивъ дворца находившей-
ся, то Государь изволилъ пройти въ одну
аванзалу, гдѣ вмѣстѣ съ нимъ смотрѣли
церемонію иностранные министры и здѣшніе
придворные господа, бывшіе тогда не при
должности. Ошъ берегу до построенной на Не-

вѣ бесѣдкѣ разоспаны были ковры и по обѣ-
имъ сторонамъ спояли кавалергарды. Между
ими Ея Величештво, предшешвуемая всѣмъ
священнымъ клиромъ, изволила иди на Юр-
дань. Войско спояло вокругъ Юрдани продол-
говашою, неправильною фигуροю; со всѣхъ
полковъ снесены были знамена, копорыя кро-
пили освященною водою. — При погруженіи
креста былъ проекрапный бѣглый огонь; по
окончаніи онаго Ея Величештво изволила,
сѣвши въ сани, по Невѣ кругомъ всѣхъ пол-
ковъ обѣхашъ; подлѣ саней ѣхалъ Графъ Гри-
горій Григорьевичъ Орловъ верхомъ въ пѣж-
комъ Римско-Россійскомъ кавалергардскомъ убо-
рѣ, въ шлемѣ съ бѣлымъ перомъ, что пред-
ставляло весьма величешвенное зрѣлище.
Между шѣмъ Его Высочештво изволилъ
иди въ галерею, гдѣ ожидалъ прибышя
Ея Величештва. Кавалергарды въ полномъ
блешящемъ уборѣ спояли по обѣимъ споро-
намъ галереи. Сею улицею Ея Император-
ское Величештво и за нею Великій Князь
изволили пройди во внушренніе покои. — Ны-
нѣ обѣдалъ у насъ Графъ Захаръ Григорье-
вичъ Чернышевъ, Вице-Адмиралъ Алексѣй
Ивановичъ Нагаевъ, Графъ Иванъ Григорьевичъ
Чернышевъ, Графъ Александръ Сергѣевичъ
Спрогановъ и еще какой-то Менденъ Лиф-
ляндецъ. За столомъ Его Высочештво, взгля-
нувши на свой шишой Адмиральской мундиръ,
сказалъ: *Что если будетъ кто Генералис-
симъ; гдѣ ему вышивать еще мундиръ
свой? швовъ не осталось!* — Генералиссима
никогда не будетъ и бытъ не должно, оп-
вѣчалъ Графъ Захаръ Григорьевичъ — чрезъ
то Государь отдаешъ войска свои въ руки дру-
гаго; а это шакая узда, копорую всегда

въ своемъ карманѣ поближе держать надобно. —
А! а! сказалъ на это Великій Князь.

16 Января. Воскресенье. Нынѣ поупру-
 чивалъ Его Высочество вмѣстѣ съ его
 преподобіемъ опцемъ Плашономъ (какъ по
 обыкновенно бываетъ во всѣ праздничные и
 воскресные дни) Священное Писаніе. За сло-
 ломъ Г. Сальдернъ о чемъ-то заспорилъ. Его
 Высочество сдѣлалъ мнѣ честь избраніемъ
 меня въ посредники спора; между шѣмъ шу-
 шя съ господиномъ Сальдерномъ, вызывалъ его
 на дуэль: *Nous irons, Monsieur, cet apres-diné
 converser un peu dans cette salle vuide; nous
 ferons fermer les portes; nous serons tête-a-tête —
 il y aura seulement un petit feigneure, qui m'ac-
 compagne toujours du coté gauche, quand je sor-
 te quelque part.* Т. е. послѣ обѣда, государь мой,
 прошу васъ войти вмѣстѣ со мною въ эту
 пущую горницу; мы прикажемъ запереть
 двери; насъ будетъ только двое и съ нами
 останется нѣкто, мой всегдашній поварищъ,
 который вѣчно при мнѣ, съ лѣваго боку (по
 есть шпага). Послѣ обѣда Его Высоче-
 ство былъ очень веселъ; но вечеръ не со-
 шѣствствовалъ началу дня. Мы пошли на кур-
 шагъ, на которомъ и Ея Величество при-
 сущствовалать изволила. Его Высочество
 стоялъ въ кругу, разговаривалъ съ иностран-
 ными Министрами и съ нѣкоторыми изъ на-
 шихъ: съ Княземъ Пепромъ Ивановичемъ Репни-
 нымъ, съ Графомъ Пепромъ и Иваномъ Гри-
 горьевичами Чернышевыми. За часъ до окон-
 чанія куршага начали мы подзывать Никишу
 Ивановича домой; но Его Превосходительству
 ходилось дожидаться опбынія Ея Величе-
 ства. Онъ отказалъ Великому Князю — и вопѣ

началъ Великой Князь съ ножки на ножку переступать, помигивать и сморѣть на платокъ, чтобы скрыть свое нетерпѣніе, кошорое однако очень было замѣтно, а собравшіяся на глазахъ пучки еще болѣе оное показывали. Наконецъ Никиша Ивановичъ принужденъ былъ увести Его Высочество. Добрались мы до своихъ предѣловъ; но вошедши въ желтую комнату, всѣ остановились; Никиша Ивановичъ приказалъ съ Его Высочества снять шпагу, запретилъ ему ходить далѣе; сдѣлалъ ему жесточайшій выговоръ; потомъ оборотившись къ намъ, сказалъ, чтобы мы на сей вечеръ всѣ Его Высочество оставили, и чтобы никто изъ насъ съ нимъ не говорилъ ни слова. Потомъ Его Превосходительство пошелъ въ свои покои, оставя у насъ по себѣ тишину неописанную. Великій Князь былъ весьма огорченъ выговоромъ, и стоя у печки разными знаками показывалъ свое неудовольствіе. Весь вечеръ проведенъ былъ въ молчаніи. Его Высочество сѣлъ ужинать въ десятомъ часу, а легъ почивать въ одиннадцатомъ, что было для него цколою терпѣнія. Вошъ такъ-по и во всѣхъ дѣлахъ бываетъ. На суслѣ пива не узнаешь, говоритъ пословица. День начался хорошо и весело, а кончился такъ скучно!

17 Января. И нынче продолжалась въ нашемъ кругу вчерашняя важная молчаливость — слѣдуя приказанію Никишы Ивановича, мы не вступали въ разговоръ съ Великимъ Княземъ. За столомъ также царствовала тишина. Его Превосходительство Никиша Ивановичъ сидѣлъ по большой части задумавшись. Послѣ обѣда опустившись, Его Высочество по-

дошелъ ко мнѣ, и увѣряя, что весьма сожалѣетъ о вчерашнемъ своемъ поступкѣ, просилъ съ горячностью и большою довѣренностью совѣта, какъ бы сдѣлать, чтобы такихъ (какъ онъ самъ изволилъ говорить) *проказъ* впередъ не случилось. „Инаго способа, Ваше Высочество, не знаю — отвѣчалъ „я — какъ призывать на помощь разсудокъ „всякой разъ, когда придетъ на васъ непереносимое и скука. Вы уже на самомъ опытѣ знаете, „что такими поступками ничего не выигрываете: ужинаете позже; ложитесь поживаете позже; и сверхъ того всѣ оспраиваются на васъ въ „неудовольствіи. Я увѣренъ, что если Ваше „Высочество при каждомъ *приступѣ нестерпимія* будете вооружаться разсудкомъ; „то можете всегда отражать непріятеля, и „мы не будемъ имѣть неудовольствія видѣть „васъ отъ него побѣжденнымъ.“ Выслушавъ сію проповѣдь съ большимъ вниманіемъ, Его Высочество бросился ко мнѣ на шею, и цѣлуя меня, увѣрялъ, что непременно упокрепитъ въ пользу наставленіе, предложенное мною. . . . Нынешнимъ вечеромъ Его Высочество разсказывалъ мнѣ о томъ, что было съ нимъ до меня, прежде и послѣ вспуленія Никиши Ивановича въ должность Оберъ-Готфмейстера. Я помѣщу здѣсь вкратцѣ нѣкошорыя подробности:

„Во время малолѣтства Его Высочества покойная Государыня (Елисавета) хаживала къ нему ежедневно — въ иной день раза по два и по три; иногда и ночью. Когда же онъ нѣсколько выросъ, то посѣщенія сіи почпи прекратились; причиною сего было то, что мамы его шакъ напугали, что онъ прыска, какъ скоро ее увидитъ.“

„До опредѣленія Никишы Ивановича Папина Оберъ-Гофмейстеромъ, обѣдали обыкновенно съ Великимъ Княземъ Иванъ Ивановичъ Ахлебенинъ, Савелій Даниловичъ и Анна Даниловна Типовы; прочія женщины такъ служивали. Когда же опредѣлился Никиша Ивановичъ, то въ оныхъ за споломъ съ Великимъ Княземъ никто уже не обѣдалъ, а мѣсто ихъ заступили Никиша Ивановичъ, Оспервальдъ, Бахмешевъ, Кн. Долгорукой и Сакевъ, также были приглашаемы и посторонніе. Съ 761 го году началъ съ Великимъ Княземъ спать въ одной комнатѣ Никиша Ивановичъ; всѣ женщины съ 762 го году оплучены; онѣ получали пенсіонъ и прѣзжали только къ Его Высочеству въ годъ два при, чепыре, поупру въ большіе праздники съ поздравленіемъ.“

„Никиша Ивановичъ опредѣленъ былъ къ Его Высочеству въ 1760, и еще за мѣсяць до его опредѣленія Государь плакалъ, будучи имъ напуганъ. Однажды, когда Никиша Ивановичъ обѣдалъ у Государыни, засылалъ Великій Князь подсмотрѣть, какого онъ виду — и ему сказали, *старикъ цырюмой, въ парикъ съ узлами.* Это случилось передъ самымъ отбѣдомъ въ Петергофѣ. 2го Іюня, находясь въ Петергофѣ, и сходя на галереѣ (что между дворцомъ и церковью) вмѣстѣ съ покойною Государынею, увидѣлъ Его Высочество, что идетъ старикъ въ парикъ, въ голубомъ кафтанѣ, съ широкими желтыми обшлагами, заключилъ, что это Никиша Ивановичъ, и не описанно спрусилъ; для того что уже сказано было, какъ скоро онъ опредѣлился, то не будучи допуская ни Машрену Конспаншиновну Скороходову, ни другихъ приближен-

ныхъ къ Его Высочеству женщинъ, и что всѣ веселости уймушся. Въ понедѣльнъ день для праздника спрѣльба была ужасная; но Государь будучи занятъ въ воображеніи предположенною реформою, ничего не слыжалъ и не замѣчалъ. Потомъ со страхомъ и сожалѣніемъ пошелъ къ себѣ, и съ нимъ по обыкновенію Машрена Констаншиновна, Анна Даниловна, Савелій Даниловичъ и прочіе. Вдругъ разшворились двери: входитъ Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, за нимъ Графъ Михаилъ Ларіоновичъ Воронцовъ а за Михаиломъ Ларіоновичемъ Никиша Ивановичъ. Иванъ Ивановичъ и Графъ Воронцовъ объявили, что Никиша Ивановичъ пожалованъ къ Его Высочеству Оберъ-Гофмейстеромъ. *C'etoit un coup de foudre!* Показались въ при ручья слезы и ничего не кушалъ. Иванъ Ивановичъ, Михаилъ Ларіоновичъ и Никиша Ивановичъ попомъ вышли. Объявили въ комнапахъ, чтобы всѣ приближенные къ Его Высочеству собрались и старались унять его слезы. Потомъ вошелъ опять Никиша Ивановичъ и заставилъ играть Его Высочество въ волаиъ; сколько волею, вдвое того неволей игралъ онъ. Утѣшало его нѣсколько то, что онъ видѣлъ еще при себѣ Машрену Констаншиновну. На другой день Никиша Ивановичъ повелъ гулять Его Высочество. За споломъ опять сѣла съ нимъ Машрена Констаншиновна. Никиша Ивановичъ споялъ у окна и разговаривалъ съ кѣмъ-то; Великій Князь все косился и похныкивалъ. На другой день опять пришелъ Никиша Ивановичъ и опять появились слезы. Побѣхали гулять; возвратились — было уже гошова ужинашь. Съ Его Высочествомъ сѣли за столъ Никиша Ивановичъ, подлѣ него Павелъ Захарье-

вичь, попомъ Фрузадѣ, Ѳедоръ Дмишріевичъ Бехшеевъ — вонъ уже совсѣмъ другое обществѣ! Полились опять горькія слезы. Переплававши, спросилъ Великій Князь, для чего ни Ивана Ивановича, ни Савелія Даниловича съ ними нѣтъ за споломъ по прежнему? Никипа Ивановичъ отвѣщивалъ только, что *не должно*. Опять заплакалъ. Увидя въ дверяхъ Мавру Ивановну (одну изъ приближенныхъ къ нему женщинъ), приказалъ-было для нее подать приборъ. Но Никипа Ивановичъ запрешилъ; слезы пошли; со слезами изъ за стола всвалъ, со слезами и въ постелю легъ. — . . . Въ Сарскомъ селѣ былъ куртагъ. Великій Князь только-что выучился у Гильфердинга кланяться; ему велѣли поклониться по *ученому*, какъ скоро войдетъ Государыня. Вошла Государыня; началъ Великій Князь кланяться, и насилу уняли, пакое пошло шарканье. Во время бытности въ Сарскомъ селѣ опредѣлили Тимофея Ивановича Оспервальда, котораго сначала весьма не любилъ Великій Князь; онъ учился у него Историю. Дошли до Нинова сына и вычили, что изъ 30 Государей того времени ни одного не было хорошаго. Въ эту минуту принесли отъ Ея Величества пять арбузовъ; спали ихъ разбывають; чепыре были негодные, одинъ только вкусный и спѣлый. *Вотъ — сказалъ Великій Князь — изъ тридцати Государей не было ни одного хорошаго; а изъ пяти арбузовъ хотя одинъ да сыскался хорошій.* . . . Великій Князь былъ сначала лѣнивъ учиться, какъ онъ самъ рассказывалъ; дня почти не проходило безъ слезъ. Обыкновенно послѣ убиранія волосъ долженъ былъ садиться за ученіе: для того всякой разъ, какъ скоро буклю сдѣла-

юшѣ, рукой и испоршнѣ, и Дюфурѣ принужденѣ бывалѣ прическу передѣлывать снова: наконецѣ до того дошло, что Никиша Ивановичѣ приказалѣ во время чесанья волосѣ и по Французски учнѣ. Послѣ обѣда обыкновенно учился Его Высочество мало; игралѣ болѣе съ Ерменевымѣ; по доскамѣ, изъ Библиотеки взяшымѣ, ходили какѣ по мосту, и разославѣ по полу красное сукно, которымѣ учительскій столѣ накрывался, валялись по оному весьма прилѣжно (*).

18 Января... Нынѣ Его Высочество танцовалѣ въ балетѣ. Во время представленія большой комедіи и маленькой піесы изволилѣ онѣ сидѣшѣ въ своей ложѣ, а при началѣ балета сошелѣ на театрѣ. Когда стало доходить до его роли, то изволилѣ сѣсть на свое мѣсто, вдали на театрѣ приготовленное. Весь почти партерѣ полонѣ былѣ зрителей; опѣ хлопанья ихѣ Его Высочество нѣсколько сбился въ танцованьи, и оробѣлѣ. Конецѣ балета танцовали еще разѣ: шумѣ шло гораздо лучше. Возвращаясь къ себѣ гнѣвался Его Высочество, для чего хлопающѣ, и изволилѣ сказать: *Не успѣлъ еще я выдти, а уже и аплодируютѣ. То-то ужѣ настоящіе персики (персики значитѣ у насѣ ласкательство, по одному при дворѣ случившемся анекдоту)! Ой, дворѣ! дворѣ!*

19 Января. Нынѣче обѣдали у насѣ Александрѣ Ильичѣ Бибиковѣ, Александрѣ Пешровичѣ Сумароковѣ, Карлѣ Федоровичѣ Крузѣ и

(*) Эша спашгья выбрана изѣ прибавленія къ Запискамѣ г-на Порошина. Изд.

еще нѣкоторыя другія. Во весь обѣдъ говорилъ почти одинъ Александръ Пепровичъ съ обыкновенною своею бѣглостію и острою; разсуждалъ о кулачныхъ бояхъ, о подвѣчяхъ, о авторахъ, о сѣбѣнахъ Іерусалимскихъ, о обновленіи храма, и прочее, и прочее, и прочее. Его Превосходительство Никиша Ивановичъ очень много забавлялся его разговорами. Послѣ обѣда Александръ Пепровичъ разсказывалъ мнѣ о новой комедіи, сочиненной имъ: *Опекунъ*; дѣлалъ мнѣ честь, увѣряя меня въ своемъ почтеніи; наговорилъ мнѣ похвалъ съ прикузова; въ доказательство, что его почтеніе ко мнѣ не ложное, приводилъ между прочимъ и то, что на канунъ представленія *Опекуня*, намѣренъ онъ раздашь не болѣе шести экземпляровъ этой піесы: одинъ Государынѣ, другой Великому Князю, шреній Никишѣ Ивановичу, четвертый Графу Григорью Григорьевичу, пятый господ. Оспервальду, и шестой мнѣ — вошъ у него какой списокъ.

21 Января. Его Высочество преснушья изволидъ въ началъ осьмага часа. За чаемъ разсказывалъ онъ мнѣ, что вчера Ея Величество (когда онъ былъ у нее) изволила подозвать его къ себѣ и спросить шихонько: *Отъ чего Никита Ивановичъ такъ невеселъ?* и попомъ сказала (когда онъ отвѣчалъ ей *незнаю!*): *N'est-ce pas vous qui l'avez chagriné? Si c'est vous, je vous prie de ne le point faire à l'avenir?* (Не шы ли его огорчилъ? Если шы, то прошу тебя впередъ эшаго не дѣлать!) Эшо увѣщаніе шакъ пронуло Великаго Князя, что у него навернулись на глазахъ слезы. Во время обуванія примѣшилъ я, что Его Высочество былъ очень неве-

сель. Я захотѣлъ узнать о причинѣ такой унылости. Какъ же мнѣ не опечалиться, сказалъ Государь; давича пришелъ я тебя звать къ себѣ пить чаю, а ты принялъ меня такъ холодно, какъ не лъзя больше: такъ ли дѣлается между друзьями? Милая чувствительность! она такъ меня пронула, что я бросился цѣловать у Его Высочества руки. Я увѣрялъ его, что причиною моей давишной угрюмости было то, что я чувствую себя весьма нездоровымъ. Когда прѣхалъ господинъ Фузадь, то Его Высочество началъ рассказывать ему о моей болѣзни и просить его, чтобы написалъ для меня рецептъ — рецептъ скипѣлъ въ одну минушу, ибо господинъ Фузадь великой охотникъ писать рецепты. Его Высочество весьма милосивно и съ особливою горячностію изволилъ прощаться со мною, и просилъ меня, чтобы я поберегся, дабы моя болѣзнь опасною не могла сдѣлаться. Всякой день увѣряюсь болѣе и болѣе; что Его Высочество имѣетъ нѣжное, исполненное чувствительностію сердце.

12 Февраля. Нынѣ мы сочиняли списокъ нашимъ полкамъ. Его Высочество началъ въ нихъ полковниками шѣхъ офицеровъ, которые были особенно ему извѣстны; въ число полковниковъ включилъ онъ и себя самаго подъ именемъ Павла Романова, имя, которымъ онъ себя всегда называлъ изволивъ, гордясь фамиліею Романовыхъ. Надъ всѣмъ онымъ войскомъ, существующимъ шокмо въ воображеніи, пожалованъ я шефомъ. Вотъ списокъ полкамъ и полковникамъ собственной руки Его Высочества, прилагаемый здѣсь въ оригиналъ.

Списокъ полкамъ и полковникамъ, состоящимъ въ командѣ у Семена Андреевича Порошина:

Полки.

Полковники.

1. Первый гренадерскій.	Михайло Каменскій.
2. Второй гренадерскій.	Степанъ Перфильевъ.
3. Первый перскій мушкетерскій.	Николай Чеглоковъ.
4. Второй перскій мушкетерскій.	Ларионъ Мерлинъ.
5. Третій перскій мушкетерскій.	Михайло Кречешниковъ.
6. Четвертый перскій мушкетерскій.	Александръ Суворовъ.
7. Пятой перскій мушкетерскій.	Князь Семёнъ Мещерскій.
8. Шестой перскій мушкетерскій.	Арсеній Беклешовъ.
9. Первый кирасирскій.	Павелъ Романовъ.
10. Второй кирасирскій.	Князь Василій Долгорукой.
11. Первый карабинерный.	Князь Волхонскій.
12. Гусарскій.	Подгоричанинъ.
13. Козацкій.	Дячкинъ.

Окончаніе можетъ быть сообщено послѣ.

Разныя извѣстія и замѣчанія.

Капитанъ Архенгольцъ сдалъ свою *Минерву* г-ну Брану, которой съ нѣкотораго времени имѣлъ уже сей журналъ въ своемъ распоряженіи подъ руководствомъ прежняго издателя, и помѣщалъ въ немъ разныя политическія статьи своего сочиненія. „Прослуживши большіе походы, пишетъ Архенгольцъ въ объявленіи своемъ Публичнѣ, и попрудившись двадцать девять лѣтъ сряду надъ издаваніемъ періодическихъ сочиненій, пора подумать и объ отдыхѣ.“ Поручая своего преемника благосклонности читателей, онъ увѣдомляетъ ихъ, что въ случаѣ неисправности за все отвѣчаетъ новый издатель. Архенгольцъ издавалъ съ 1782 журналъ *Litteratur und Völkerkunde*, которой и продолжается до 1791 года; *Минерву* свою началъ онъ 1792 въ Парижѣ; до нынѣ вышло ея 73 Части. Изъ уваженія къ славному своему предѣшнику; Бранъ оставилъ имя его при журналѣ, которой и впредь называться будетъ Архенгольцовой Минервою. Пріятели Архенгольцовы конечно будутъ довольны поступкомъ Брана; однакожь славному имя не поддержитъ изданія, если читатели не найдутъ въ немъ другаго достоинства.

*

Болѣе пятидесяти лѣтъ въ Европѣ вбрали существованію одной переодѣтой женщины, о которой нѣкогда часто говаривали во всѣхъ обществахъ такъ называемаго хорошаго шона. Сія мнимая женщина недавно скончалась въ Лондонѣ *мужиною* и погребена въ церкви Св. Панкратія. Надъ могилою ея положенъ надгробный камень съ надписію: Charles, Ge-

neviève, Louis, Auguste, André, Timothée d'Еон de Beaumont, né le 17 Octobre 1727, mort le 21 May 1810. Врачъ сего гермафродита, Пашеръ Елисей, долго при немъ находившійся, почишалъ, какъ и всѣ другіе, кавалера Еона женщиною; но уже въ самое время кончины его несомнительными признаками удосповѣрился въ прошивномъ. Тѣло покойника было осмошрѣно и вскрыто въ присушствіи Лорда Ярмуша, Сира Сиднея Смита, г-на Липшлепона и нѣкошорыхъ другихъ особъ; послѣ чего признано за досповѣрное, что кавалеръ Еонъ былъ мущина. Въ разныхъ журналахъ пишущъ разныя, одно другому прошивныя, извѣстія о семъ человѣкѣ. Скажемъ къ опрадѣ желающихъ имѣть о немъ досповѣрныя и подробныя свѣдѣнія, что одинъ Лондонскій книгопродавецъ, доспавшій всѣ бумаги кавалера Еона, скоро издастъ подлинныя записки о его жизни.

✱

Извѣстно, что во Франціи опредѣлено выдать награды за лучшія произведенія изящныхъ искусствъ и словесности, явившіяся въ послѣднее десятилѣтіе. Избраннымъ *присяжными* было поручено разсмошрѣть сочиненія, и мнѣніе свое донести Національному Инспишуту. Сообщаемъ краткую выписку изъ донесенія, представленнаго въ Ошдѣленіе Французскаго языка и словесности: „Ни одна изъ эпическихъ поемъ не признается достойною награды. Ежели угодно будетъ Е. В. Императору распроспранить назначенную награду и на стихотворной переводъ поемъ эпическихъ; то присяжные предлагающъ два перевода *Виргилиевой Енеиды*, Делилевъ и Гаспоновъ, и Делилевъ же переводъ *Мильтонова Потерян-*

наго рая. — Изъ прагедій лучшею признается *Кавалеры храма*, сочиненія Ренуара. О *Смерти Генриха IV*, соч. Легуве, и объ *Артасерксѣ*, соч. Делрье, по мнѣнію присяжныхъ, можно съ почтительностію опозваться. — Ни одна комедія достойною награды не признается. Дюваль и Пикарь заслуживаютъ, чтобъ о сочиненныхъ ими комедіяхъ упомянуто было съ уваженіемъ. Сіи комедіи называются *Tuған domestique* и *Du hautcours*. — Одинъ призъ назначенъ былъ за лучшее сочиненіе въ прозѣ. *Критическое изслѣдованіе объ историкахъ Александра Великаго* (*Examen critique des historiens d'Alexandre*), сочиненное г-мъ Сеншъ - Круа, признано достойнымъ награды по всей справедливости. Съ уваженіемъ упомянуто о Виллерсовомъ *Опытѣ о слѣдствіяхъ реформации*. — Изъ нравоучительныхъ сочиненій предназначается награда за *Всеобщій катихизисъ* Сенъ - Ламбера. Жюльеновъ *Опытъ объ употребленіи времени* признанъ достойнымъ уваженія. — По части дидактической и живописной поэзіи премущество опідается *Воображенію*, извѣстной поемѣ Делилевой. Послѣ нее упомянуты двѣ поемы *Кораблеплаваніе* (Есменара) и *Amours еriques* (Персваля),“ и проч.

✱

Въ 4й день Іюля жителя города Риги праздновали юбилей столѣтняго своего блаженства подъ скипетромъ Россіи. На сей случай выбита въ С. Петербургѣ славнымъ Лебершомъ медаль съ изображеніемъ Петра I, *Побѣдителя* Лифляндіи, и *АЛЕКСАНДРА I*, *Благотворителя* сей провинціи. Оба качества сіи весьма удачно выражены шѣмъ, что одинъ изъ Монарховъ украшенъ вѣнкомъ лав-

ровымъ, другой изъ дубовыхъ вѣшвей. Для означенія, что Пепръ уже пресла. сл. въ вѣч-ность, ошъ головы его проспираются лучи, которые проходя сквозь вѣнецъ, на воздухъ висящій, оканчиваются звѣздою. Вокругъ на-пись: *Illi aperiebantur Urbis portae; Tibi patent civium corda.* (Ему отворялись врата гра-да; Тебѣ сердца гражданъ опверзны.) Подъ од-нимъ поставлено число 1710, подъ другимъ 1810. Внизу написано: *Ex voto publ. Seculari primo Subjectionis, d. 4. Jul. 1810.* Другая спо-рона представляеть видъ Риги съ плывущими по Двинѣ ботами и кораблями; на одномъ изъ флаговъ развѣвается имя города. Нарядцѣй дву-главый орелъ въ когтяхъ держитъ рогъ изобилія, а въ обоихъ ртахъ масличную и паль-мовую вѣшви. Надписано: *Pax et Salus.* (Миръ и Благоденствіе.) Внизу изображенъ гербъ го-рода. Чеснь изображенія принадлежишь г-ну Бергману, Рижскому Оберъ-пастору.

IV. ОБОЗРѢНІЕ ПРОИЗШЕСТВІЙ.

Ф р а н ц і я.

У Австрійскаго посла Князя Шварценберга, пребывающаго въ Парижѣ, во время праздника, даннаго въ 1 день Юля Ихъ Величества Императору и Императрицѣ, въ галереѣ вдругъ загорѣлись обои. Пламя немедленно распространилось и обняло все зданіе. Императорѣ; заблаговременно предувѣдомленный, успѣлъ выдти со всею своею фамиліею. Многие подверглись свирѣпству огня; нѣкоторые содѣлались жершвою онаго. Князь Александръ Борисовичъ Куракинъ; не могши скоро выдти, потерпѣлъ не мало. Самъ почтенный хозяинъ лишился при семъ случаѣ супруги; она сторѣла. Дочь ея обожжена; сомнѣваются объ ея выздоровленіи. Принцесса Лейенъ и г-жа Лабенская умерли отъ ранъ. Многие военные люди отправлены въ госпиталь съ пожара. — Императорскимъ указомъ, даннымъ 9 Юля въ Рамбўлетскомъ дворцѣ, Голландія присоединена ко Франціи. Амстердамъ будетъ считаться прешьимъ городомъ въ Имперіи.

Г о л л а н д і я.

Въ 1 день Юля Король Лудовикъ сложилъ съ себя корону и правленіе, назначивъ преемникомъ по себѣ старшаго своего сына, малолѣтнаго Гроссъ-Герцога Бергскаго Наполеона Лудовика, а въ случаѣ кончины его, другаго

сына же своего, Принца Карла Лудовика Наполеона. Голландская Королева, пребывающая нынѣ въ Пломбьерѣ у цѣлишельныхъ водъ, назначена бытъ правительницею до совершеннолѣтія Принца, а до прибытія Королевы управленіе государственнымъ дѣлами возложено на Совѣтъ, изъ Министровъ состоящій. Въ актахъ отреченія, читанныхъ 3го числа въ Законодательномъ сословіи, Король совѣтуетъ Голландцамъ имѣть всевозможное уваженіе къ Французскому военному и гражданскому начальству, пошому что единственно только симъ средствомъ заслужить можно благоволеніе Императора, отъ коего жребій вашъ — говоритъ Король — жребій дѣлей вашихъ и всего Королевства зависитъ совершенно;“ упоминаетъ, что извѣщаемое ему неудовольствіе Императора Наполеона есть источникъ несчастнаго состоянія Голландіи и проч. 4 Числа вступили въ Амстердамъ Французскія войска подъ начальствомъ Маршала Дюка Реджійскаго. Король отправился въ Ахенъ, гдѣ находится мать Императора. По другимъ же извѣстіямъ видно, что онъ пробѣжалъ черезъ Девентеръ, гдѣ совѣтъ ничего не знали объ его отреченіи отъ престола.

Ш е щ и я.

Англійскій Адмиралъ Сомарецъ объявилъ, что Шведскія гавани будутъ находиться въ блокадномъ состояніи, и что со всѣми входящими и выходящими кораблями поступаемо будетъ какъ предписано въ разсужденіи кораблей непріятельскихъ. Однакожь переѣздъ изъ Англіи въ Швецію и изъ Швеціи въ Англію со свидѣтельствами дозволенъ; но для плаванія въ Балтійское море свидѣтельства болѣе не-

выдающся. По симъ обстоятельствомъ въ торговыхъ дѣлахъ послѣдовала великая остановка. — Юля 20 тѣло наследнаго Принца привезено въ Стокгольмъ. Въ самое время печальной церемоніи случилось другое несчастное происшествіе. Возмущившійся народъ озлился противъ *Графа Ферзена*, и выбилъ сина въ его каретѣ. Графъ принужденъ былъ искать себѣ спасенія въ ближайшемъ домѣ; но былъ опшуда вышаченъ и убитъ на площади. Невостовиво народа, причинившаго другімъ многія безпокойства въ городѣ, продолжалось до шѣхъ поръ, пока не были употреблены дѣятельнѣшія мѣры къ возстановленію тишины и порядка. Въ Стокгольмъ вступило нѣсколько полковъ.

27 *Юля.*

У в ѣ д о м л е н і е.

Деньги изъ Рославля, 25 рублей, при письмѣ опъ Але . . . Ми . . . получены, и отосланы въ Скопинскій Магистратъ для вспоможенія претерпѣвшимъ несчастіе опъ пожара шамощнымъ жителямъ.

I. СЛОВЕСНОСТЬ,

~~~~~  
П Р О З А.  
~~~~~

П р и в и д ѣ н і е,

(Истинное происшествіе, недавно случившееся въ Богеміи.)

Фольмаръ, молодой офицеръ Австрійской милиціи, будучи раненъ на сраженіи при Ваграмъ, оспановился для излеченія своего въ Богемскомъ городкѣ Камейдѣ. Ему отвели хорошую кварциру. Съ билетомъ въ рукахъ, идетъ Фольмаръ въ назначенный ему домъ; входитъ; на всѣхъ лицахъ написана печаль; хозяинъ встрѣчаетъ его въ черномъ плащѣ; а на столѣ видитъ онъ гробъ, въ кошоромъ лежитъ молодая женщина — жена хозяина — какъ будто спящая, съ блѣднымъ, но милымъ и совершенно спокойнымъ лицомъ. Фольмаръ содрогнулся. Г. Ленцъ (хозяинъ) извиняется, что по причинѣ горестныхъ обстоя-

и́ельствѣ своихъ не можешъ его у себя по-
мѣстипъ, и приказываешъ своему человѣку
проводитъ Фольмара въ пракширѣ, находив-
шійся на той же улицѣ почти рядомъ съ его
домомъ. Зрѣлище гроба оставило глубокое
впечатлѣнїе на душѣ Фольмара: молодость
и красота, копорыми была украше-
на эта несчастная и въ самыхъ объ-
ятїяхъ смерти, заславили его неволью
успрѣмитъ глаза свои на лице ея, при-
влекательное и тихое. — Чудесное сход-
ство покойницы съ Луизою, сестрою
Фольмара, копорую онъ уже цѣлый годъ
оплакивалъ, привело въ волненїе его сердце!
Онъ вспомнилъ, что въ этотъ самый день
совершился ровно годъ послѣ жестокой
попери, и въ душѣ его снова опозвались по-
слѣднїя слова умирающей Луизы: „Иосифъ,
другъ мой! говорила она съ унылою улыб-
кою, не убивай себя чрезмѣрною горестїю:
разлука наша не будетъ вѣчною; ты еще
разъ увидишь меня въ этомъ свѣтѣ!“ И
ровно черезъ годъ, изо дня въ день — ка-
кая чудесная встрѣча! какое таинствен-
ное сходство!

Въ эту минуту послышалось ему тихое
пѣнїе — унылая и прїятная гармонїя, прино-
симая изъ далека вечернимъ вѣтеркомъ, какъ
будто разливалась въ пространствѣ воздуш-
номъ. Фольмаръ подошелъ къ разворен-

Ному окну; передъ которымъ струилась прозрачная Молдава — луна свѣшила очень ярко — за рѣкою; въ отдаленіи видѣнъ былъ монастырь; монахини пѣли священные свои гимны. Воспоминаніе о Луизѣ наполнило душу Фольмара; онъ началъ молиться; и слезы покапались изъ глазъ его.

Пробило полночь; когда онъ легъ въ постелью. Онъ начиналъ уже засыпать; вдругъ слышишся ему тихій шорохъ; что-то прикоснулось къ его щекамъ — прикосновеніе легкое, какъ будто воздушное — и черезъ минуту нѣжный, едва слышимый голосъ сказалъ ему: ты ли это Иосифъ? — Онъ пробуждается — видя сіяющіе во мракѣ глаза; большіе и прямо на него усшіренненные — вскрикиваетъ. Женщина, одѣтая въ бѣлое плащѣ, бросается отъ его постели къ дверямъ, передъ которыми она панавливается; подымаетъ руки къ небу. Фольмаръ хочетъ за нею послѣдовать — сіяніе луны освѣшило ея лице — это Луиза! ужасъ сдѣлалъ его неподвижнымъ.

Нѣсколько разъ Фольмаръ приближался безъ пренепа къ бапареямъ Французскимъ; но шеперь пусшая мечта, произведеніе сна, засшавила его содрогнуться. Онъ старался призвать на помощь разумъ; но противъ воли повпорялъ ежеминушно:

„это ея большіе, черныя глаза, ея мило-видное лице, ея станъ, ея поступь! это Луиза!“ Пошпру увидѣлъ онъ, что дверь его горницы была не опворена — и онъ увѣрился, что видѣлъ свою Луизу во снѣ!

Онъ послалъ за лѣкаремъ, чтобы перевязать свою рану. Лѣкаръ приходитъ. Между прочимъ Фольмаръ сказалъ: я имѣю билетъ для пошоя въ домъ господина Ленца; но его несчастіе . . . — „Подлинно несчастіе! воскликнулъ лѣкаръ; еслибъ вы видѣли эту женщину! еслибъ вы знали, какъ она была прелестна, какой имѣла характеръ — это былъ ангелъ! Я видѣлъ ее въ послѣднія мучительныя минуты кончины!“

— Вы! въ самомъ дѣлѣ? Скажи же мнѣ, прошу васъ, точно ли вы увѣрены, что госпожа Ленцъ умерла?

„Увѣренъ ли? Что это за вопросъ! . . . Къ несчастію слишкомъ увѣренъ!“ Лѣкаръ удалился, удивленный странностію любопытства Фольмарова, который сожалѣлъ, что не могъ сдѣлать ему другихъ вопросовъ.

Фольмаръ не говорилъ ни кому о своемъ приключеніи; неперпѣливо ожидалъ слѣдующей ночи, надѣясь, что она объяснитъ его сомнѣніе о томъ предметѣ, который

занималъ душу его такъ сильно. Наступаетъ ночь — Фольмаръ ложится въ постелью и гаситъ свѣчу, оставивъ ключъ въ дверяхъ своей горницы — онъ намбрень совсѣмъ не спать. Долго не смыкаетъ глазъ; наконецъ упомленная напура преодоѣла его силы — онъ заснулъ. Вдругъ опять сквозь спонкой сонъ слышится ему потѣ же голосъ, которой слышался наканунѣ — ты ли Иосифъ? говорилъ ему кпо-по. Онъ пробудился; горница его пуста — черезъ минушу послышался ему вздохъ, печальный, сяжелый. „Луиза! воскликнулъ Фольмаръ, гдѣ ты, Луиза?“ — Нѣтъ отвѣта. — „Луиза, милый другъ! если эшо ты — приближься!“ — Глубокое молчаніе. Фольмаръ встаетъ и скоро увѣряется, что онъ одинъ совершенно.

Онъ садится подъ окно. — Луна свѣтитъ ярко; по рѣкѣ тихо плыветъ лодка; она приближается — въ ней видится ему гробъ и одинъ только человекъ, управляющій весломъ. Ничего, кромѣ унылой тишины гребца и однозвучнаго плесканія волнъ; не слышно было въ тишинѣ полночной. „Долго ли будешь преслѣдовать меня эти печальные предметы?“ сказалъ Фольмаръ, опошелъ отъ огня, легъ въ постелью; но глаза его не смыкались до самаго ушра.

На другой день лѣкарь навѣстилъ его вторично. „Скажише мнѣ еще разъ, спросилъ Фольмаръ, почно ли вы увѣрены, что сосѣдка моя умерла?“ Лѣкарь вмѣсто отвѣта положилъ на столъ погребальный билетъ, на которомъ Фольмаръ прочиталъ имя госпожи Ленцъ. — „Боже мой! мужъ ея называется Иосифомъ!“ — Точно такъ! — „Она не умерла! почно не умерла! я въ этомъ увѣренъ!“ — Лѣкарь смотрѣлъ на него изподлобья; онъ думалъ, что военныя прубы и шаяная рана повредили его мозгъ. — „Но имя ея Амалія! продолжалъ Фольмаръ; вопшъ почему не отвѣчала она, когда я воскликнулъ: Луиза! Теперь не удивляюсь — прибавилъ онъ въ полголоса — что необыкновенное сходство, поразившее меня днемъ, совершенно обмануло меня ночью!“

Будучи увѣренъ, что онъ проникнулъ въ тайну, Фольмаръ рассказалъ лѣкарю о томъ, что видѣлъ и слышалъ въ послѣднія двѣ ночи. Лѣкарь засмѣялся. „Позвольте мнѣ, сказалъ онъ, въ десятый разъ подтвердить вамъ, что госпожа Ленцъ такъ же почно умерла, какъ и ваша покойная сесприца; но по лицу вашему заключаю, что вы все еще сомнѣваетесь: мы сдѣлаемъ, если угодно, опытъ; что могли видѣть и слышать вы, по равнымъ образомъ и я

могу видѣшь и слышашь — позволѣте мнѣ прѣвести нынѣшнюю ночь вмѣстѣ съ вами. Такого рода приключенія всегда бывають забавны. Или вы меня окрестите въ вашу вѣру, или я съ своей стороны излѣчу васъ отъ спранныго предразсудка. И если все эшо (какъ я подозрѣваю) естъ одна полько шупка; по мы будемъ имѣшь удовольствіе вдвоемъ посмѣяшься надъ оплошноспію вашего колдуна или вашей колдуньи.“ — Фольмаръ согласился на предложеніе медика; но съ тѣмъ, чшобы онъ ни кому безъ его позволенія: не говорилъ о семъ произшествіи.

Въ полночь лѣкаръ явился въ спальнѣ Фольмара, который не могъ не улыбнушься, увидя его вооруженнаго писполепами и длинною саблею. Такое пригоповленіе къ свиданію съ мерпвыми показывало нѣкопорую недовѣрчивость къ живымъ; но Ескулапъ не удовольствовался огнеспрѣльнымъ оружіемъ; онъ объявилъ Фольмару, шшо надобно выпить бушылки двѣ вина и какъ можно ярче освѣпить горницу. Фольмаръ выщелъ, чшобы сказашь объ эшомъ шракширцику. Медикъ скорыми шагами прохаживался по горницѣ: его дыханіе было нѣсколько несвободно.

Между тѣмъ Фольмаръ поспѣшно всхо-
дѣлъ на лѣспницу; онъ уже былъ на по-

сладней ступенькѣ, вдругъ въ концѣ корридора; ведущаго къ дверямъ его горницы: предстала ему женщина, одѣтая въ бѣлое платье. Онъ ошанавливается, смотритъ, слушаетъ — привидѣніе обратилось къ окну; освѣщенному полною луною; вѣтёрочъ свѣялъ съ головы его покрывало; профиль прекраснаго лица оцѣлится отъ мрака — Фольмаръ сдѣлалъ еще прістага — о чудо! эшто Луиза! Кровь оледѣнѣла въ жилахъ его. Призракъ поднялъ руки къ небу, попомъ съ унылымъ спенаніемъ положилъ ихъ на сердце:

Самъ Фольмаръ послѣ признавался, что онъ не постигаетъ, по какому невольному чувству страхъ принудилъ его идти впередъ, а не удалиться. Онъ подошелъ такъ близко къ таинственной женщинѣ; что могъ своими глазами разсмотрѣть черты ея лица — лица своей Луизы; милой и незабвенной. Волосы спанились на головѣ его дыбомъ; онъ хотѣлъ говорить; но языкъ ему не повиновался; голосъ замиралъ на его устахъ. „Луиза! воскликнулъ онъ наконецъ.“ Она оборотила голову и успремила на него глаза. „Не уже ли не узнаешь меня; милая Луиза?“ — Она сдѣлала отрицательный знакъ головою. — „Не узнаешь Иосифа, котораго прежде такъ любила!“ — Иосифъ! сказала она наконецъ. О другъ мой,

если правда Она прощянула къ нему руки — онъ бросился въ нихъ безъ памяти:

Въ эту минушу лѣкарь явился въ дверяхъ, со свѣчою въ одной рукѣ, съ пистолешомъ въ другой. Первый предметъ, глаза его поразившій, былъ Фольмаръ въ обѣихъ рукахъ привидѣнїя. „О небо! воскликнулъ онъ, содрогаясь, госпожа Ленцъ!“ — Но въ эту же минушу отворилась другая дверь, смежная съ Фольмаровою — изъ нее вышелъ незнакомый человекъ уже въ лѣвахъ; онъ приблизился къ Фольмару, всталъ съ видомъ неудовольствїя изъ рукъ его мнимую Луизу, и удалился. Молодой офицеръ и медикъ долго смотрѣли въ изумленїи другъ на друга — всю ночь провели они въ догадкахъ. — Наконецъ Фольмаръ послалъ къ своему сосѣду сказать, что онъ неперпѣливо желаетъ свиданїя съ нимъ, и черезъ полчаса незнакомецъ явился. Фольмаръ началъ передъ нимъ извиняться; рассказалъ ему свою исторїю со всѣми подробностями; она пронула незнакомца: — „Теперь, осптаетесь мнѣ извяснить вамъ эту загадку! сказалъ онъ; слушайте:

„Несчастная, которую вы видѣли въ прошедшую ночь, и которая два раза приводила васъ въ ужасъ, не есть ни сестра ваша Луиза, ни госпожа Ленцъ — она моя дочь,

единственное мое дитя. Она сумасшедшая. Было время, когда я называлъ себя счастливейшимъ изъ опцовъ: дочь моя, прекрасная лицомъ, добродѣтельная, умная, была стоворена за одного молодого человека, рѣдкихъ достоинствъ: я напередъ восхищался ею и собственнымъ своимъ счастьемъ. Мой бѣдный Юсифъ уговаривалъ меня положить день для ихъ свадьбы, когда на границѣ нашей явились непріятельскія войска. Безразсудный, увлеченъ будучи воинственнымъ духомъ своимъ, сдѣлался предводителемъ нѣсколькихъ опважныхъ людей, одинакаго имъ возраста и подобно ему пылкихъ; войска послалъ противъ нихъ отрядъ своего войска; нащъ городокъ обратился въ поле сраженія: по улицамъ и въ самыхъ домахъ рубились. Бѣдная моя Луиза увидѣла изъ окна, что женою ея, окруженный Французами, готовъ былъ погибнуть — она обезцѣмѣла — кинулася къ нему на помощь — въ эту минуту пуля ударила Юсифа въ голову; кровь ея брызнула на лице Луизы; онъ покащился въ ея ногамъ и умеръ — я прибѣгаю! Луиза лежала безъ всякаго чувства. Ее отнесли домой; она опамятовалась; но разумъ ея помутился, и съ тѣхъ поръ ея положеніе неперемѣнялось. Я переѣхалъ въ этотъ городокъ, въ которомъ намѣренъ прожить до заключенія мира.“

Фольмаръ, выслушавъ со вниманіемъ эшу печальную повѣсть, просилъ, чшобы ему позволено было увидѣшь Луизу. Опець согласился исполнить эшу просьбу, и Фольмарово изумленіе увѣдичилось, когда онъ разсмошрѣлъ вблизи Луизу — сходство ея съ сеспрою его и съ госпожею Ленцъ, усовершенствованное нѣсколько пронумымъ воображеніемъ, въ самомъ дѣлѣ было удивительно. И, лѣнаръ смолрѣлъ съ замѣчаніемъ на Луизу; но онъ имѣлъ болѣе въ виду свое искусство: онъ былъ человекъ необыкновенный, оспраго ума и весьма опытный въ своемъ дѣлѣ. Онъ совѣщовалъ опцу Луизы не удалять своей дочери отъ общесства, а запрошивъ посѣщать вмѣстѣ съ нею пація мѣспа, въ кошорыхъ бываешь много людей, и въ особенноти иногда вводить ее въ такой кругъ, гдѣ бы она могла видѣшь молодыхъ мушннв. Фольмаръ принималъ живое участіе въ судьбѣ Луизы; но онъ спарался на нее не смолрѣшь. Луиза запрошивъ не сводила съ него своихъ глазъ — но она молчала и была задумчива. Оспорожная внимательность молодого Фольмара весьма понравилась опцу Луизы; онъ просилъ его навѣщать какъ можно чаще своихъ сосѣдей.

Фольмару такое предложеніе было весьма пріятно, онъ воспользовался имъ на другой же день. Лице Луизы имѣло въ гла-

зѣяв его особенную прелесть. Лѣкаръ, которій заслуживаетъ, чтобы мы называли его докторомъ, сидѣлъ въ углу и дѣлалъ свои наблюденія. Онъ замѣтилъ, что всѣмъ развѣ, когда Фольмаръ усpreмлялъ глаза свои на Луизу, она выходила изъ своего задумчиваго унынія; на щенахъ ея показывался румянецъ, лицо ея оживлялось, а глаза блистали необыкновеннымъ блескомъ.

„Хорошій знакъ! подумалъ онъ; желаю теперь испытать, какое дѣйствіе имѣтъ будетъ имя Іосифа!“ — И опытивъ сдѣланъ былъ въ понедѣльное вечеръ. Фольмаръ принесъ прекрасный букетъ цвѣтѣвъ и положилъ его на окнѣ, подлѣ котораго сидѣла Луиза. Она совсѣмъ не обратила на него вниманія.

„Гдѣ взялъ ты эти цвѣты, Іосифъ?“ спросилъ отецъ у Фольмара. — При этомъ имени Луиза быспро взглянула на молодаго человека и долго смошрѣла на него съ безпокойствомъ; глаза ея мало по малу наполнялись слезами, которыя наконецъ покапались по щекамъ ея крупными каплями. Она сняла съ окна цвѣты; приложила ихъ къ сердцу; потомъ начала цѣловать и нѣсколько развѣ сказала: о другъ мой, Іосифъ! Добрый отецъ пожалъ руку у доктора и едва не бросился на шею къ Фольмару: то было первымъ знакомъ чувствительности въ Луизѣ послѣ ужасной ея потери.

Отецъ рассказывалъ, что Луиза прежде своего сумасшествія прекрасно играла на форшопіано; и на другое утро явилось въ комнатѣ ея форшопіано, купленное Фольмаромъ. Увидѣвъ его, она взяла спулъ, сбла, и пальцы ея побѣжали по клавишамъ; но они производили одни разспростенные звуки. Луиза вспала; на лицѣ ея изобразилось унылое неудовольствіе. Фольмаръ, сбвши на ея мѣспѣ, началъ сб большею выразительностію играть Богемскія пѣсни, кошорыя могли возбудишь нѣкошорыя милья воспоминанія въ душѣ Луизы. Она слушала сб великимъ вниманіемъ, облокотясь на спулъ, и вздыхала. Фольмаръ заигралъ народную пѣсню, кошорую она пытячу разв слыхала въ горахъ Богемскихъ — слезы побѣжали изв глазв ея ручьями.

Прошло нѣсколькo времени — многo счастливые признаки выздоровленія возобновляли уже надежду въ родичельскомъ сердцѣ. Однажды Фольмаръ приходилъ въ обыкновенное время въ своимъ сосѣдамъ; онъ весьма удивился, нашедши Луизу одну. Она погружена была въ глубокую задумчивость; но увидя Фольмара, вдругъ вссклинула: Іосифъ! Іосифъ! эшо пы! и просянула къ нему руки. Въ себя отъ восхищенія, молодой человекъ прижимаетъ ее къ сердцу, называетъ нѣжнѣйшими именами; успа ихъ вспрѣщи.

лись . . . пламень електрическій не можеть дѣйствовать быспрѣ: облако, замѣвавшее разсудокъ Луизы, исчезло. Она взглянула на Іосифа и покраснѣла. „Нѣтъ, ты не Іосифъ! сказала она, не тотъ Іосифъ, котораго убили передъ моими глазами! но ты всегда будешь утѣшителемъ Луизы!“

Въ эту минушу входитъ отецъ; онъ видитъ Луизу въ объятіяхъ Фольмара. „Да благословитъ Всевышній союзъ вашъ, дѣш мой! сказалъ онъ. Провидѣніе послало Фольмара въ этотъ домъ, чтобы положить конецъ нашимъ спраданіямъ. Докторъ, прибавилъ онъ, вы очень искусны въ своемъ дѣлѣ. Но этотъ молодой человекъ, не обѣщавъ ничего, сдѣлалъ гораздо болѣе, нежели вы.“

Луиза не позабыла своего перваго Іосифа; но вшораго не опдаситъ она ни за нѣя сокровища мѣра:

Съ Франц.

Нѣсколько писемъ Иоанна Миллера,
историка Швейцаріи, къ Карлу
Бонштеплену, другу его (*).

Шафгаузенъ, 14 Мая 1773.

Я давно желалъ имѣть сообщеніе съ
другомъ мудрости, имѣющимъ одинакую
со мною цѣль, одинакій возрастъ, и копо-
рому было бы мнѣ пріятно повѣрить всѣ
свои планы, всѣ свои мысли о наукахъ,
опечесствѣ, челоѣкѣ. Арабъ, спранспвую-
щій по раскаленнымъ пустынямъ Ирака,
не споль неперпѣливо желаетъ найти про-
хладишельный источникъ; какъ я, о ми-
лый другъ мой! желалъ спремиться за чело-
ѣкомъ, тебѣ подобнымъ. Ничто не про-
тивится нашему союзу. Мы оба умѣемъ
писать. Бернъ и Валленбургъ не раздѣлены
морями и мы союзники: такъ, союзники,
Бонштепенъ; будемъ же ими въ обшир-
нѣйшемъ смыслѣ эшаго слова.

Пусть будутъ наши письма, намъ од-
нимъ извѣстныя, вѣрнымъ изображеніемъ
нашего сердца; сохранимъ въ нихъ свои доб-
родѣтели, свои недоспахи, свои мысли

(*) Мы увѣрены, что эти письма, въ кото-
рыхъ изображается характеръ славнаго чело-
ѣка, будутъ пріятны читателямъ вѣст-
ника. *Изд.*

еще неясныя, планы свои, еще несовершенные, взаимную нашу криптику и нѣжные совѣщанія нашей дружбы. Какія бы ни были мои слабости и пропуски, я покажусь тебѣ такииъ, каковъ я есмь, съ открытымъ лицомъ и душою. Храни меня своимъ благоразуміемъ, и возвращай на добрый путь всякой разъ, когда моя пылкость завлечетъ меня въ заблужденіе. Мы знаемъ болѣе своихъ согражданъ; но мы еще весьма далеки отъ того, чтобы имѣть знанія всеобщія. Твои и мои замѣчанія вмѣстѣ принесутъ намъ гораздо болѣе пользы, нежели прудъ уединенный, неживляемый пособіемъ и примѣромъ. Я желалъ бы, чтобы мы, шакъ сказать, составили союзъ чпенія, мыслей, сужденій. Спрашивай меня свободно о всякомъ предметѣ, о которомъ и съ великимъ трудомъ не пріобрѣлъ ты основательнаго свѣдѣнія; спрашивай обо всемъ, что можешь хотя немного возбудить свое любопытство. Короче сказать, прошу тебя задавать мнѣ всѣ твои вопросы, какіе тебѣ вздумается, лишь бы рука твоя писала отъ своего сердца.

*

Вессингенъ.

Я продолжаю писать, эпю мнимую *Философію Исторіи*, но по сіе время еще не угадываю, какое имѣетъ намереніе авторъ. Всякой разъ, когда вижу Нѣмца, напра-

гающаго всѣ свои силы, чтобы сказать шутку или острое слово, по воображаю великаго Галлера въ маскарадномъ плащѣ, панцунцаго на балѣ. Благодаря священной важности древнихъ, Тацитъ величественно пройдетъ сквозь пыльные ряды вѣковъ до нашихъ позднѣйшихъ попомковъ. Испорички новыхъ временъ неизмѣняютъ эпохъ высокой важности: они хохлятъ забавляясь, и забавляются — одну минуточку. Безъ всякой заботы смотрю на пышные приготовления нѣкоторыхъ писателей нашихъ; ибо я неизмѣно имѣю смѣлыхъ надеждъ, какія имѣютъ они. Я ограничиваю себя испоричкою моихъ Швейцаровъ. Хочу жить, наблюдать и дѣйствовать исключительно для эпохи главной нашей цѣли моей жизни, и при концѣ ея представляю свѣту также просто, какъ и Юлій Кесарь въ своихъ Комменшаріяхъ, одни плоды замѣчаній пятидесятилѣтнихъ.

Вотъ что говоритъ о тебѣ Боннешъ: *Бонсплетень любилъ качества сердца, какъ жареное; а качества ума, какъ десертъ!* Но я знаю, что ты большой лакомка. А госпожа Боннешъ такъ уверена въ неразрывности дружбы нашей, что я, по ея мнѣнію, и безсмертіе приму съ ними только условіемъ, чтобы наслаждаться имъ подлѣ тебя, мой милый Бонспешень.

Бессингенъ, 2 Марта 1774.

Твой слогъ весьма опзывается Гошическимъ языкомъ Опшфрида. Онъ не течетъ свободно и ясно, а низвергается съ крушизны С. Гошарда. Не лъзя сазашь, чшобы онъ не былъ простъ; но онъ съ великимъ усилениемъ пробирается сквозь шучу ненужныхъ членовъ. Хорошо бы ты сдѣлалъ Бонспешшенъ, когда бы принялся перечишывать древнихъ, и спарался принаровишь Нѣмецкій языкъ свой къ генію ихъ языка: истинное искусство пишашь есть опкровеніе, кошорымъ можешъ пользоваться одинъ шолько умъ, полный картинъ и мыслей, и сверхъ шого знакомый съ оборотами и связью словъ живописныхъ или смѣлыхъ, представляющихся ему въ діалектахъ нашего и чужихъ языковъ.

Теперь насшупила епша великой дѣшпельности лишперашурной въ нашей землѣ: всѣ умы въ движеніи, шворяшъ или гошовашъ шворишь; но я еще не знаю, имѣюшъ ли Нѣмецкія головы шу нѣжность органовъ, кошорая сосшавляетъ великихъ или блистательныхъ геніевъ. Теперь чрезвычайное множество молодыхъ людей бросилось въ Испорію. Нѣкошорые изъ нихъ подаюшъ надежду; но мнѣ вообще не нравишся по неуваженіе, кошорое показываюшъ они къ великимъ писашелямъ иношпраннымъ. Спѣсь

никогда не бывала характеромъ истиннаго доспояиспва. Одинъ изъ эпихъ молодыхъ людей пишетъ ко мнѣ, что скажѹ я о Монпескьѣ? Духъ законовъ, есть декла-мація шарлатана въ сравненіи съ тѣмъ; что можно было бы написать объ этомъ предметѣ. И С... неопдаешъ справедливости эпой прекрасной книгѣ. Но я, съ своей стороны, чѣмъ больше читаю Монпескьѣ, тѣмъ болѣе удвляюсь его глубокомыслію. Прибавлю: онъ имѣетъ паксе познаніе о свѣтѣ и всѣхъ обстояпелъствахъ общежитія, какого ни одинъ изъ писателей Нѣмецкихъ имѣть не можетъ.

Эпошъ Вольшеръ въ своей испоріи никогда не разсмашриваетъ, что побудило духовнаго челоѳка сдѣлать пресупленіе: усердіе ли къ религіи, или другая какая нибудь страсть, совсѣмъ оному прошивная; онъ, кажешя, думаетъ, если судить по тому пону, съ какимъ онъ говоритъ о великихъ людяхъ, что никакой другой испоріи, кромѣ его, и читать не будутъ.

*

Бессипгенъ.

Скажи мнѣ, Бонспешпенъ: чтообъ выучишься смошрѣшь, надобно ли читать Шмишову Опшиву? Какаяжъ и тебѣ нужда читать и перечитывать скучныя Нѣмецкія рѳчи, чтообъ выучишься говорить передъ

Собраніемъ двухъ сошъ Бернской республики? Кто одаренъ сильною душою, кто имѣетъ наполненный живыми картинами, ясными понятіями умъ; кто говоритъ и пишетъ свободно. Учись Нѣмецкому языку своему въ *Discorsi sopra la prima decade* (въ Разсужденіяхъ о первой декадѣ); въ Цицероновыхъ рѣчахъ прошивъ Капилины, въ его книгѣ *de Legibus*; въ Полибіѣ, въ Фукидидѣ; а пошъ, приличный шебъ, ты можешь узнать тогда, когда будешь смотрѣшь на Двухсошый сошъ съ надлежащей почки зрѣнія. Я пошорю здѣсь обыкновенный мой символъ въры: краснорѣчіе республиканское пріобрѣтается единственно посредствомъ *una lingua sprenienza delle cose moderne, ed una continua lezione degli antichi* (опытнымъ знаніемъ дѣлъ новыхъ и безпреспаннымъ чтеніемъ писателей древнихъ). Ты способенъ имѣть такое краснорѣчіе; а я спарашься буду пріобрѣсти его.

Одинъ изъ лучшихъ новѣйшихъ писателей въ Германіи есть Винкельманъ; и онъ такъовъ болѣе потому, что не спрудясь проникнуть во всѣ сокровенности грамматики, написалъ умъ свой, опшъ натуры хорошо образованный, спасительнымъ млекошъ лишиперашуры древней, а чрезъ то и сообщилъ ему шу превосходную силу, которой пошомство будетъ гораздо болѣе удивляться, нежели современники.

Спайайся образовашь слогу свой болѣ по Плущарху, нежели по Таццшу. Первый, съ своимъ словоохотнымъ просподущемъ, можешь уподобиться нѣжному опцу, копорый разсказываеть дѣшамъ своимъ о спаринѣ и уговариваеть ихъ быть добрыми: народъ и судьи охотно покоряются его волѣ. Послѣдній, напросивъ, говорить какъ оракулъ боговъ. Важный языкъ его пугаеть слабыхъ, и они разбѣгаются предъ нимъ, какъ робкїя овцы при спрашномъ рыканїи царя лѣсовъ.

Пришли мнѣ, какъ скоро возврапишь-ся въ Бернъ, Кашалогъ своей библіотеки, Лѣтопись Альберта Бонспешшена, и Жизнь Кромвеля, копорую мнѣ случилось у себя однажды видѣть. Въ православной библіотекѣ соопечеспвенниковъ Кальвина я не нахожу ни эпои книги, ни сочиненїи Бодинброка. Напрасно будешь искашь въ ней и Полипической Ариемешики В. Пешпи, и Альгароппи, копорого я еще совсѣмъ не знаю, пошому что нигдѣ не находилъ его въ оригиналѣ. Не лзя ли помочь мнѣ въ такой ужасной крайности?

Я поступаю шеперь, какъ Императоръ Адрианъ — самовластно раздаю провинции. Чемъ болѣе знакомлюсь съ обширною наукою правленїя и дѣла общаго, шѣмъ съ

большимъ презрѣнїемъ изгоняю изъ круга занятій моихъ все *идеальное*. Мечтанїя для меня неспершимы.

*

Женева, 20 Декабря 1774.

Проведя нѣсколько часовъ за Исторїю моихъ Швейцаровъ, я нахожу себя лучшимъ, нежели послѣ Макіавеля. Это занятіе дѣлаешь мнѣ опечесиво мое споль драгоцѣннымъ, что я не рѣдно прихожу въ восхищенїе, замѣчая, что и ты, мой Бонспешень, начинаешь любить его болѣе прежняго. Твоя любовь къ нему была бы моимъ подкрѣпленїемъ и замѣнила бы для меня многое, когда бы я рѣшился, подобно тебѣ, предпочесть первую степень въ маленькой моей республикѣ десятиной или милїонной въ имперїи обширной; или когда бы для меня было довольно, ограничивъ себя въ эпомъ шбсномъ уголь мїра дѣлами благородными и пихимъ достоинствомъ, привлекашь уваженїе и вниманїе людей великихъ, а не предавашь себя въ добычу ихъ зависпи на еценѣ опкрышой.

Оспавшись здѣсь, я избралъ бы цѣлю жизни моей *placidam cum libertate quietem*, науки; семейственное счаспїе. Соопвѣпспвенно другой цѣли, словесность была бы однимъ только поспороннымъ способомъ къ моему возвышенїю; согласно же съ сею

послѣднею, я занимался бы словесностію по любви въ ней самой; я видѣлъ бы въ ней прелесть бытія, одушевленіе жизни общеспвенной, одинъ изъ сильнѣйшихъ узловъ дружбы.

Я положилъ за правило никогда не говорить: *это правленіе хорошо, это правленіе дурно*. Я говорю: это правленіе или шаково, или не шаково, какимъ ему бышь надобно въ отношеніи ко времени его или мѣсту. Всякое дурное правленіе сдѣлалось дурнымъ *постепенно*; не пошому чшобы оно было недоспапочно въ своемъ образованіи первоначальномъ, а пошому чшо самые законы пришли уже въ измѣненіе и упадокъ. Мысли свои о выгодахъ шакого правленія, въ кошоромъ бы всѣ равны были между собою совершенно, почишаю несбыпочною мечшою — пы оболыценъ Жанв-Жакомъ. Такого правленія никогда не бывало. Ни гдѣ ненаходимъ мы споль поразительнаго и непристойнаго неравенства, какъ въ демокрапіяхъ; а демокрапія *совершенная* никогда не могла болѣе паше минутъ продолжаться.

Твоя Метафизика меня мучитъ. Со временъ Плинія никто уже не подходилъ близко къ Везувію, а со временъ Эмпедокла никто не бросался въ опверзшіе Эпны; и пы, мой другъ, невзирая на шо чшо

Лейбницъ исчезъ въ пучинахъ Метафизики, и что самый Боннетъ иногда теряется въ ея лабиринтахъ, весьма бы хорошо сдѣлалъ, когда бы оспался вмѣстѣ съ нами на землѣ, чтобы говорить, писать и дѣйствовать, какъ учащъ насъ Макіавель и пріятель нашъ Маркъ Туллій.

*

Я получилъ письмо отъ нашего друга Нихольса. Вотъ умный человекъ, съ которымъ сердечно желалъ бы познакомиться короче, и который по многимъ отношеніямъ былъ бы для меня весьма полезенъ. Онъ не понимаетъ, какъ можешь такой благо-разумный человекъ, какъ ты, недоволенъ быть вашею аристократіею. Я согласился бы на это, говорилъ онъ, когда бы съ нимъ поступали пирански; но онъ самъ рожденъ былъ пираномъ. Онъ огорчилъ меня непріятнымъ извѣстіемъ: обстоятельство его таково, что онъ не можешь еще назначить сроку своего путешествія въ Испалію и Швейцарію. Кто же покажешь мнѣ путь къ Фирміану, единственному на свѣтѣ человеку, который можешь помѣстить меня въ приличный мнѣ кругъ дѣйствія и дать мнѣ способъ дѣлать такія дѣла, которыхъ достойны будущія описанія, или писать такія книги, которыхъ достойны будущія прочтенія!

Сенъ - Леже презираешъ душевно пвоихъ любимцевъ Римлянъ. Они попомки, говоритъ онъ, невольниковъ древняго Рима и еще Рима испорченнаго. Сидней его герой и философъ философовъ. На твердой землѣ онъ не находилъ свободы, и въ самой Брипантїи, какъ думаетъ онъ, ее слишкомъ мало. Онъ врагъ чиновъ и опличій, и любитъ одну свободу; онъ увѣщаваетъ и меня подражать его примѣру. Миллеръ! говоритъ онъ мнѣ: забудь о чинахъ, и свобода признаетъ тебя своимъ защитникомъ, а попомство шанетъ тебя богошворитъ. Но если ты хочешь быть просто невольникомъ блестящимъ — въ часъ добрый! наживай деньги! но ты купишь форсуну цѣлюю свободы, спокойствїя, безсмертїя и уваженїя людей честныхъ! выбирай.

*

Теперь понимаю, что было причиною восхищенїя твоего оиъ Жаншу (*). Боннетъ читаетъ мнѣ свои *Разсмаприванїя*. О Бонспешпенъ! какъ эпо чтенїе возвышаетъ мою душу! какъ всѣ пожертвованїя для добродѣтели и свободы кажутся низкими и маловажными, когда посмотришь на нихъ съ эпой вышины! Какъ бѣдствїя

(*) Тамъ жилъ Боннетъ.

жизни для меня теперь ничтожны, и какъ я радуюсь, что еще существую! Катонъ, Цицеронъ, Тацитъ, Ньютонъ, Пупъ... для чего не могу я въ эту минушу видѣть ихъ всѣхъ передъ собою! Для чего мой добрый Никольсъ не можетъ слушать вмѣстѣ со мною эшаго чтенія, и раздѣлять со мною тѣхъ чувствъ, которыя оно во мнѣ производитъ! Избави меня Богъ отъ ненавистной мысли, что мѣръ есть произведеніе случая! Нѣтъ, я вѣрю, я долженъ вѣрить, что Существо, непостижимое для моего разсудка, но обожаемое мною въ сердцѣ, управляетъ громадою эшихъ міровъ. Я вижу Сципіоновъ сонъ; но когда и Римъ и Картагенъ представляюща мнѣ однѣми пылинками, что будетъ *Ромень - Молъе*, Бомшешшенъ (*)?

*

Колоньи, 21 Марта 1776.

Письмо швое дѣлаетъ честь Провидѣнію. Споль кажется мнѣ приличнымъ Его правосудіе наградишь тебя тѣмъ счастіемъ, котораго давно уже ты достоинъ. Я не могъ *раздѣлять* швоей радости — ибо она есть личная моя радость. Мнѣ кажется, что собственное мое счастье сдѣлалось вѣрнымъ съпой минулы, въ которую сдѣлался счастливымъ другъ мой; ибо я давно

(*) Маленькій городокъ въ *Pays de Vaud*.

уже привыкъ соединять судьбу мою неразрывнымъ союзомъ съ своею. Я знаю, въ обыкновенной душѣ любовь заглушаетъ спокойнѣйшее и болѣе кроткое чувство дружбы; но въ душѣ высокой и твердой, въ душѣ Бенешпена, каждое чувство и каждая добродѣтель имѣютъ свое определенное мѣсто; и самая чрезмѣрность одного не можетъ быть вредною для прочихъ.

Я привелъ въ порядокъ свои историческіе матеріалы, которые проспиритуются до 1050 года. Сокровища мои чрезвычайны. Я переѣвилъ свой планъ: первое поному, что моимъ читателямъ нужна исторія одного *Швейцарскаго союза*, и нѣтъ никакого дѣла до прежнихъ, несуществующихъ владѣній; второе поному, что одна прекрасная картина лучше несравненно двадцати малѣнькихъ эстамповъ; и наконецъ прѣпѣ поному, что наша исторія прежде союза ни для кого не можетъ быть занимательна. Все это произвело новый планъ, который сообщаю тебѣ на разсмотрѣніе.

Глава Iя. Начало союза. Здѣсь даю я понятіе о первыхъ трехъ кантонахъ, о древнемъ физическомъ ихъ сословіи, о ихъ свободѣ, о духѣ Габсбургскаго дома, и наконецъ о причинахъ, положившихъ основаніе

союзу. Прежде не зналъ я, какимъ образомъ включишь въ главный рассказъ сокращенное описаніе дѣлъ нашихъ праотцевъ, предшествовавшихъ союзу; я былъ въ нерѣшимости, заспавишь ли говоришь моихъ прехъ Швейцаровъ по образцу Типа Ливіа, или просто представишь однѣ собственныя свои мысли, какъ сдѣлалъ Мантескьё въ своихъ *Разсужденіяхъ о величїи и упадкѣ Римлянъ*. Теперь кажется мнѣ весьма возможнымъ вмѣшиваешь нечувствительно въ мой главный рассказъ, подобно Тацитупу, повѣствованіе о происшествїяхъ древнихъ и правила, копорыя положишь я намѣренъ.

2 я Глава. О состоянїи городовъ собственныхъ съ премо канціонами и ихъ участіе въ общемъ дѣлѣ. Здѣсь говорю я о Луцернѣ.

3 я Глава. Продолженіе. Цирихъ.

4 я Глава. Продолженіе. Бернъ. Здѣсь, на примѣрѣ, открываю я въ духѣ свободы, копорая оживляла дворянство Бургонїи, начало Бургиньонской аристокрапїи, успановившейся въ Бернѣ, Фрибургѣ и Золотурнѣ. Словомъ сказаешь, я образую мои области, возвышаю ихъ и пишу біографїю каждой.

5 я Глава. Причины успѣховъ союзнаго оружія. Войны съ Австріею опчаспи извѣсны, опчаспи чрезвычайно скучны. По эшой причинѣ я и не позволяю себѣ входить въ подробности, приличныя болѣе лѣтописцамъ; но опирываю однѣ причины побѣдъ и слѣдствія ихъ, по образу и по подобію моего президента Монпескїе въ его *Разсужденіяхъ о величїи и уладкѣ Римлянъ* (Глава 2). Одно только эшо можетъ быть шеперь для насъ важнымъ; а польза естъ главная моя цѣль. Пускай записные ученые скопляють мѣлочныя предметы, занимающіе одно любопытство; я хочу замѣчать единственно то, что хорошо или дурно, что полезно или вредно; въ эшомъ отношенїи Исторїя моя будетъ имѣть нѣкоторое сходство съ *Разсужденіями о величїи* и пр. Таково содержанїе первыхъ пяти Главъ: шы ихъ получишь, какъ скоро онѣ будутъ написаны; надѣюсь, что кончу ихъ въ четыре недѣли. Я постараюсь, чтобъ слогъ мой былъ вмѣстѣ и важенъ и прѣстѣ. Важность прїяшна республиканцамъ и старымъ людямъ.

Не имѣя права по лѣщамъ моимъ на общее уваженїе, хочу заслужить его по моему характеру; а опредѣлишь мой характеръ передъ глазами современниковъ и пошомства предоспаваю моею Исторїи. Но,

другъ мой! ужасъ объемлетъ меня, когда посмотрю на себя, двадцатипятилѣтняго юношу, идущаго по тому блистательному поприщу, на которомъ великое множество великихъ людей древняго Рима, новой Италїи, Греціи, Франціи, Британнїи, вѣнчались безсмертными своими лаврами. Я вижу ихъ шѣни, спрашивающїя одна у другой въ изумленїи: достоинъ ли эпохъ отважный занялъ между нами мѣсто? Я вижу себя въ присутствїи попомства, того непристрастнаго судилища, которое нѣкогда сравнитъ меня съ теми великими образцами, и попомъ осудитъ или на безсмертїе, или на вѣчное посрамленїе. И шѣни прародителей нашихъ мечтаются: моимъ взорамъ; онѣ угрожаютъ возмутить спокойствїе моего сна, если обезобразю священные лики ихъ моею кистїю. Съ робостїю также вхожу и въ многочисленные соборща великихъ людей нашего вѣка; я желалъ бы обратитъ на себя ихъ вниманїе; желалъ бы ихъ занимать и имъ нравиться! Но какъ же трудно молодому человѣку, еще неимѣющему имени, проложить дорогу и къ уму и сердцу сихъ обладателей нравственнаго мїра! Спрашуся и себя, моего друга; ибо я полагаю любезнѣйшую славу мою въ томъ, что другъ мой мною гордился. Но посреди сихъ ужасовъ поддерживаетъ меня швердая увѣренность; чиню я открылъ въ предметѣ ме-

емь многія новыя спорны; что могу себя смѣло назвать не собираедемь, а историкомь оригинальнымь, и что наконець незамѣчаю въ себѣ и пѣни зависпи, напрошивъ я исполненъ живѣйшей любви къ предшествовавшимъ мнѣ великимъ людямъ.

Но, другъ мой, пребуду опъ себя, чтобы ты нескрывалъ опъ меня ни одной мысли объ этой Исторіи, и также о томъ, какъ должно писать ее. Требую эшаго опъ тебя какъ дара; ибо мысли твои почти всегда справедливы, новы и замѣчательны.

Освѣдомься, нѣшъ ли въ каталогѣ вашемъ Боденовыхъ сочиненій: *De methodo Historiae* и *de Republica*. Пришли мнѣ эти книги, если найдутся. Боденъ умѣетъ мыслить, а его никто нечитаетъ!

*

Жанлу, 14 Мая 1777.

Боннетъ печатаетъ свои *новыя замѣчанія о масъкомыхъ*, 200 стр. in 4° Это прекрасно, какъ романъ; особливо снашья о наукѣ удивилъ себя.

Великій Галлеръ пишетъ къ Боннету и жалуется на уединеніе. Оно дѣлаетъ душу его задумчивою и мрачною. Книги единственная его опрада. Онъ пересмапри-

ваешъ свои Нѣмецкія сочиненія; но едва достаешъ ему довольно дѣятельности, чтобы поправить нѣкоторыя фразы. Посѣщи его, другъ мой; сбери послѣдніе лучи эшаго угасающаго свѣта; не покинь Галлерова генія въ тѣ минуты, когда онъ еще сіяешъ передъ захожденіемъ своимъ за предѣлы мѣра. Другъ мой! Галлеры умирающъ — эша мысль наводитъ на меня уныніе. Когда подумаю о такой потерѣ, то радъ оплакивать и себя, и себя, и всю Европу. Сынъ его поручилъ мнѣ доставить ему нѣсколько растѣній. Прѣвжай ко мнѣ; мы навѣспимъ его вмѣстѣ.

*

Жанту, 22 Іюля 1776.

Мнѣ грустно, милый другъ, неизвѣстно грустно! Ни что такъ не приводитъ въ волненіе сердца, какъ смерть человека съ великимъ духомъ. Сульцеръ, апошъ добродѣтельный мужъ, апошъ любезный мудрецъ, апошъ всеобъемлющій умъ, Сульцеръ, котораго мы видѣли, съ копорымъ я провелъ здѣсь четыре восхищительныхъ дня, съ копорымъ я говорилъ, смѣялся, печалился, чувствовалъ, другъ Бонвеша, слава Германіи — его уже нѣтъ! онъ умеръ въ томъ маленькомъ городкѣ, копорой есть и мѣсто его рожденія; онъ завѣжалъ въ него на возвращномъ пути въ Берлинъ.

Я писалъ къ Бодмеру, котораго просилъ сообщить мнѣ всѣ подробности этого горестнаго случая. Магериалисты должны умолкнуть передъ смертію Сульцера! Какъ можетъ быть, чтобы Творецъ угасилъ эту душу, возвышавшуюся на такую высокую степень свѣта! . . . Когда я воспоминаю объ умѣ Сульцера, о его сердцѣ, о его любезномъ характерѣ, о привлекающей ясности его лица; то кажешся мнѣ, будто начинаю вдвое любить и науки и добродѣтель. О! пойдѣмъ, Бонспешенъ, по той дорогѣ, которую выбралъ для себя Сульцеръ; отдѣлимъ души свои отъ этихъ чувственныхъ душъ, которыя шлѣзятся на низкой степени челоѳчества; пойдѣмъ спокойно, рука въ руку, при свѣтѣ наукъ, ободряемые утѣшительною дружбою, въ срдченіе сего послѣдняго дня, въ который прекратитъ существованіе наше въ мірѣ, Главнымъ благодѣніемъ судьбы моей считаю то, что она провела тебя прямо ко мнѣ посреди осьми сотъ миліоновъ людей. Здѣсь, мой другъ, въ уединеніи, отдѣленный отъ всего міра, одинъ между землею и небомъ, даю тебѣ и совѣсти моей твердый обѣтъ, что наши души, на вѣки неразлучныя, будутъ всегда совокупно, соединенными силами спремиться къ одинакому и общему намъ совершенству. Тотъ самый Богъ, Который соединилъ всѣ кольца великой цѣпи творе-

нѣй, шотѣ самый Богѣ повелѣлъ намѣ бытъ друзьями, бытъ счасливыми другѣ ошѣ друга; слѣдовашельно, любя добродѣшель и мудросшь, намѣ не прилично оплакивашь Сульцера по примѣру людей обыкновенныхѣ. Оспавивѣ слабымѣ душамѣ бесполезную горесшь и щещпныя жалобы, возвысимѣ мысли свои къ разсмаприванію его добродѣшелей, воспрещающихѣ намѣ унывашь и плакашь. Почшимѣ его памяшь не суешными и скоропогибающими похвалами, но удивленіемѣ искреннимѣ, и если возможно, послѣдованіемѣ его великому примѣру (*).

Вчера началъ я чипашь, вмѣстѣ съ Боннешомѣ, разсужденіе Сульцерово, напечатанное въ Запискахѣ Академіи. При эшомѣ случаѣ сравнивалъ яшѣ характеры, кошорыми нѣкошорые славные писатели опличающся одинѣ ошѣ другаго въ слогѣ своемѣ. Монапескѣе, всегда превосходный, первой степени геній; Сульцерѣ мудрецѣ Сокраповой школы; Галлерѣ умный человекѣ, имѣющій необьяпныя свѣдѣнія; Лейбницѣ великій философѣ, совсѣмѣ недумающій

(*) Verum animum tuum ab infirmo desiderio et muliebribus lamentis ad contemplationem virtutum ejus voces, quas neque lugeri, neque plangi fas est. Admiratione eum, potius quam temporalibus laudibus, et si natura suppeditet, imitando decoremus.

писашь, и опъ пого чрезвычайно небрежный въ слогъ. Въ сочиненіи, о копоромъ я говорилъ выше, Сульцеръ разсуждаетъ о *Геніѣ* — прекрасный опривокъ. Авпоръ рассыпалъ въ немъ щедрою рукою многія сѣмена замѣчаній новыхъ; на всякой страницѣ видѣнъ авпоръ *Теоріи изящныхъ искусствъ*, просвѣщенный любитель древности, глубокой и тонкой судія произведеній искусства, наконецъ Профессоръ. Въ слогъ его встрѣчающся рѣдко — я сказалъ бы почти никогда — обороты и формы генія. И я и ты сотворены, кажешся, болѣе любить Меншескѣе, нежели Сульцера.

Меншескѣе, Тацишъ, Тишъ - Ливій, Блэкспонъ, Макіаведъ, все великое Греціи, вѣчнаго Рима, все что что произвела мужественная сила Сѣвера, свобода Британніи, образованность Французская, и трудолюбивая ученость Германской націи, все что что намъ оспалось опъ революціи мѣра и чего не испребили варвары въ шененіи двухъ тысячъ лѣтъ — памятники генія и мудрости шолкаго множества великихъ людей — все это, другъ мой, для насъ открыто, ещѣ наша собственность, можешъ служить намъ пищею. Всѣ вѣки собирали для нашего, а Тотъ, Копораго невидимая рука сохранила для

насъ сіи богатства, Тотъ говоритъ намъ:
читайте, и научайтесь.

*

Жанлу, 29 Июля 1776.

Каждый день около шести или семи часовъ сряду работаю надъ *Исторією моихъ Швейцаровъ*. . . Теперь дѣло идетъ о Бернѣ. Сколько опытовъ, копорымъ надлежало бы просвѣщать государства на щещѣ ихъ истинныхъ выгодъ, изцѣлить людей отъ пороковъ, предохранить народы отъ тиранства, а государей отъ деспотизма, и сіи опыты всѣ для насъ пошеряны! Люди грѣшатъ по невѣжеству, по незнанію настоящей своей пользы: для того-то и надлежало бы имъ просвѣщать себя опытами вѣковъ. Они ошибаются также и отъ того, что слишкомъ слабо чувствуютъ тѣ истины, въ копорыхъ увѣрены разумомъ. По этой причинѣ и недоволено того, чтобы извлекать изъ Исторіи важныя мысли; но надлежитъ передѣлать ее снова и совершенно въ другомъ свѣтѣ представить. Когда я подумаю о томъ, сколь много было бы можно сдѣлать, и какъ еще мало сдѣлано; тогда увѣряюсь, что XVIII вѣку еще много оспалось прибавить къ будущему усовершенствованію чловѣка. И это въ особенноти должность

Исторіи: языкъ ея имѣетъ силу непобѣдимую.

Ж.

Поединокъ, какихъ немного.

Одинъ молодой офицеръ былъ арестованъ за непристойный пошупокъ; по полученіи обратно своей шпаги явился онъ къ Капишану, спарому, заслуженному воину, который исполняя долгъ свой, дѣлаетъ ему опеческій, но весьма спрогій выговоръ. Молодой человекъ забылся и наговорилъ почтенному своему начальнику множество рѣзкихъ грубостей. Спарикъ, обезсиленный лѣпами и многими ранами, отвѣчалъ ему крошкимъ голосомъ: ты видишь, молодой человекъ, что я дрожу; по тому причиною моя спарость. Но я никогда не дрожалъ передъ непріятелемъ и имѣю храбраго сына.

Этотъ сынъ находился на опдаленной границѣ; но онъ прѣвхалъ къ опцу своему по первому его письму, и вызвалъ оскорбителя на поединокъ; они дрались опчаянно. Молодой офицеръ получилъ тяжелую рану въ грудь, отъ которой болѣе года пролежалъ въ постелѣ.

Онъ выздоровѣлъ — но вмѣстѣ съ здоровьемъ возвратился и сынъ оскорбленнаго спарца. Государь мой, сказалъ онъ, вами обиженъ мой отецъ! — „Знаю! Конечно вы думаете, что рана въ грудь слишкомъ дешевая плата за вѣтреную неосторожность!“ — Намъ надобно драться! — „Согласенъ! но я хочу драться на пистолетахъ!“ — Какъ вамъ угодно. — И къ первой ранѣ шпагою въ грудь присоединилась другая, столь же тяжелая, пулею въ бокъ. Раненый опять нѣсколько мѣсяцевъ пролежалъ въ постелѣ.

И не успѣвъ онъ подняться на ноги, какъ сынъ стараго Каипана явился къ нему съ новымъ предложеніемъ — драться. Какой неопытный! сказалъ про себя молодой офицеръ. Государь мой! васъ очень трудно удовольствовать; продолжалъ онъ; обращаясь къ своему сопернику; но я прошу васъ покорно дать мнѣ времени до завтрашняго утра; завтра поутру получите мой отвѣтъ.

Онъ созвалъ Каипановъ своего полку и предложилъ имъ, какъ опытнымъ судьямъ чести, рассмотреть безпристрастно обстоятельство сего дѣла. Обязанъ ли я, спросилъ онъ, драться по шѣхъ поръ, пока одинъ изъ насъ не оставитъ другаго на мѣстѣ?

— Но просили ль вы извиненія у оскорбленнаго? спросилъ пожилой Рапишанъ грендерской ропы. — „Нѣтъ, не просилъ!“ — Для чего же вы мѣшкали? скорбе! сѣю же мину! вамъ съ эшаго бы и начашь надлежало!“ — Молодой человекъ послушался. Возвращаясь отъ стараго своего начальника, онъ встрѣшилъ у себя на крыльцѣ молодаго сына его, кошорый, прощянувъ къ нему руку, сказалъ: благородной человекъ, прошу васъ бышь моимъ другомъ! — „Душевно эщому радъ. Но што же невелѣлъ вамъ сказашь прежде, чего вы отъ меня хошите? Мы бы не заряжали понапрасну своихъ пистолецовъ!“ — Говорить объ эшомъ было не мое дѣло. Простить вамъ могъ одинъ только мой отецъ; моя же обязанность была — за него драхься!

Д в ѣ б а с н и,

(*Башмакъ и Туфля.*)

Однажды гордый Башмакъ, украшенный богатыми пряжками, сказалъ смиренной Туфлѣ: Ахъ, Туфля, Туфля! какъ мнѣ жалка швоя участь! ты неимѣешь пряжекъ! Послушайся моего совѣта, доспань шакою же пару, какал у меня. Пряжки прекрасное дѣло, Туфля!

„А какую пользу приносятъ вамъ эти пряжки? Башмакъ!“

Какую пользу? смѣшной вопросъ! безъ пряжекъ я утонулъ бы въ первомъ болото, въ которое заглянулъ бы мнѣ вздумалось! —

„А я никогда не заглядываю въ болото!“

, Слуховая Труба и Ротъ.

„Послушай, Ротъ, ты очень не къ спашу изволишь сѣбсвивишься! сказала однажды Слуховая Труба; безъ помощи моей тебя никто бы не могъ слышать въ такомъ отдаленіи!“

— А безъ меня тебѣ и вѣчно бы молчать, Труба! ошвѣчалъ разсудительный Ротъ.

Что были вы, господа надменные историки, безъ тѣхъ гербовъ, которые пошудились великими дѣлами своими вложись въ ваши руки перо? Не по же ли, что эта хвасшунья Труба?

Лихтенбергъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Къ Мерзлякову.

Призваніе въ деревню.

Поэтъ, воскресившій намъ
Виргилія древняго,
Дающій и правила
И вмѣстѣ примѣры къ нимъ!
Оспавъ городъ суетной,
Столицу разсѣянья;
Въ деревню, въ деревню къ намъ
Укройся отъ грозныхъ бурь,
Подъ сѣнь роуца липовой,
Гдѣ ждетъ соловей тебя,
Соперникъ швой въ пѣніи.
Тебѣ ли жить въ городѣ,
Тогда какъ въ Природѣ все
Цвѣшетъ, улыбается?
И чѣмъ утѣшать себя
Среди толпы праздныхъ,
Гдѣ многихъ занятіе
Злословіе ближняго;
Гдѣ скука роскошная
Зѣваешь отъ праздности;
Гдѣ спишь въ пресыщеніи
Богатство лѣнивое,
Всѣ радости скучныя,
Веселости вредныя,
Всѣ ласки припворныя,
Объяшья холодныя;
Гдѣ голосъ любви самой
Едва, едва слышишься,

И гдѣ честолюбіе
 Въ однихъ дѣшскихъ мѣлочахъ?
 Смотри, какъ въ садахъ у васъ
 Деревья безплодныя
 Желѣзомъ обсприженны,
 Искусствомъ подровненны,
 Спояшъ какъ невольники,
 Едва, едва изрѣдка
 Листомъ, одѣваюшся,
 Едва, едва могутъ лишь
 Пускашъ роспки слабые;
 Сравни ихъ съ высокими
 Дубами, роспущими
 Среди лѣса дикаго: —
 Смотри, какъ подѣмлюшся
 Главы ихъ высокія;
 Смотри, разстилаюшся
 Власы ихъ кудрявыя
 Играючи съ бурями;
 Ихъ корни внуши земли,
 Вершины за облакомъ;
 Ихъ свойство — величіе,
 Удѣлъ — независимость.
 Сравни; вотъ подобіе
 И жишеля градскаго
 И жишеля сельскаго,
 Ихъ сходство, различіе! —
 О, вѣрь мнѣ, что въ городѣ
 И слава всѣдневная
 Есть гробъ славы истинной.
 Писашель, желая льстишь
 И нравишся публикѣ,
 Блишная мгновеніе,
 Теряешъ безсмертіе,
 И жершвуешъ самъ собой
 Воздушному призраку.
 Поэты великіе,

Вольперы, Гораціи,
 Любили бесѣдовать
 Съ Природою - матерью.
 Среди горъ заоблачныхъ
 И въ царствѣ Зимы сѣдой,
 Гдѣ вѣтры свирѣпствуютъ,
 Гремятъ громы грозные,
 Ревутъ воды ярія,
 Свергаясь въ пропасти,
 Въ долинахъ Швейцаріи,
 Цвѣтійстыхъ, муравчатыхъ,
 Въ прелестнѣйшемъ сумракѣ
 Деревъ сѣнолиственныхъ,
 Близъ жижины Дафниса,
 Близъ стада Розалии
 Пѣвалъ пѣвецъ Авеля.
 На грозной, крушой скалѣ,
 На волны нагнувшейся,
 Любилъ Демосѣенъ сидѣть,
 Любилъ смотрѣть издали
 На море пусынное;
 Любилъ онъ прислушиваться,
 Какъ волны колышущая;
 Обдумывалъ съ гениемъ
 Тѣ рѣчи безсмертныя,
 Въ кошорыхъ онъ пережилъ
 Аѳины и Грецію.
 Подъ свѣдомъ густыхъ аллея
 Любилъ Буало бродить,
 Искать рифмы звучныя,
 Творить стихи сладкіе. —
 Приди къ намъ, любезный другъ,
 Встрѣчатъ лѣто красное!
 Ты книгъ не бери съ собой;
 Здѣсь книга великая
 Природы опкрыша намъ:
 Въ деревнѣ не надобно

Цвѣтовъ оспроумя ;
Здѣсь сердце лишь надобно.
Друзья свои ждущь тебя ;
Въ обѣщанья опроверсныя
Готовы прижать тебя !
Приди раздѣлишь съ нами
Не яствы сахарныя ,
Не вина заморскія ,
Но Русской обѣдъ проспой ,
Приправленной ласкою
Хозяйки привѣпливой
И дальней прогулкою.
У насъ не найдешь , мой другъ ,
Ни элапа , ни мраморовъ
Подъ кровомъ соломеннымъ ;
За то и . у , насъ найдешь ,
Чего ищешь давно уже
Въ большихъ городахъ у васъ —
Сердца откровенныя ,
Свободу безпечную ,
Веселость игривую . —
И что пчелѣ надобно ?
Цвѣты и убѣжище !

Воейковъ.

Отрывокъ изъ Делилевой поэмы :
Сады.

Опшавъ зелени старайся замѣчать ,
Чтобъ лучше цвѣтъ къ цвѣтамъ , стѣнь къ
стѣнямъ подбирать .
Учись тому тогда , какъ осень увядаетъ ,
И томною рукой вѣнокъ свой украшаетъ :

Какой богашой видѣ, величіе и свѣплѣ!
Багряной, ранжевой, златой и алой цвѣтѣ
Льющѣ велелѣпной блескѣ съ сѣнспшой древѣ
вершины.

Но, ахѣ! сей яркой блескѣ предпеча ихѣ кон-
чины.

Вѣ подлунномѣ мѣрѣ семѣ равенѣ судебѣ законѣ
Для древѣ и для людей: — ужѣ скоро Акви-
лонѣ

Деревѣя обнажитѣ своимѣ дыханьемѣ бурнымѣ,
Туманѣ распелелся по небесамѣ лазурнымѣ;
Отѣ вѣшровѣ хрупкой лиснѣ вѣ полянахѣ за-
шумитѣ,

Мечшателей вѣ саду прѣяшно устращитѣ
И шумомѣ выведетѣ изѣ думы ихѣ унылой;
Но разрушеніе такое сердцу мило.

Когда жѣ печали я судьбою осужденѣ,
Воспоминаніемѣ прошедшаго смущенѣ;
Сѣ Природой горестной я горестѣ раздѣляю,
И вѣ общемѣ бѣдствіи опраду получаю.

Одинѣ съ тоской моей брожу шуда; сюда;
Дни юности прошли какѣ сладкая мечта,
И рѣзоснѣ унесли и радости сѣ собою! —

О Меланхолія! прѣди грустннѣ со мною,
Прѣди не сѣ страшнымѣ шнѣ, нахмуреннымѣ
челомѣ,

Какѣ скорбѣ ужасная; прѣди вѣ подобьи шомѣ,
Какѣ улыбаешся осенній день румяный,
Кѣ намѣ прозирающій сквозѣ синіе туманы;
Чшобы спокойствіе я видѣлѣ на челѣ,
Полузакрытый взорѣ, на коемѣ дума вѣ мглѣ,
Глаза гошовые печаль дѣлнѣ сѣ друзьями
И сердце облегчнѣ горючими слезами.

Такѣ я пншалѣ вѣ душѣ печальныя мечты,
Какѣ вдругѣ цвѣшущіе семейшвами кусты

Предстали предъ меня прелестны и кудрявы.
Простите, о дубы! и кедры величавы!
Прости обширный лѣсъ! прости дремучій боръ!
Теперь зовущъ меня и мой прельщаютъ взоръ
Не гордыя древа, — кустарники смиренны,
Придите милые! приди, народъ волшебный,
Чертами нѣжными украсишь сцену намъ: —
Вы крапкой переходъ отъ дерева къ цвѣтамъ.
Когдабъ я не спѣшилъ къ предположенію
цѣли,

Вы надолгобъ меня останоуишь успѣли:
Съ какой гошовностью я вамъ бы помогаль,
Прямилъ ващъ гибкой спанѣ и вѣтви распра-
вляль;

Съ какою радостью подъ вашими пѣнями
Провелъ бы ручейки своими я руками;
То вѣтви сводами, шапрами бы согнулъ;
То лозы вокругъ дубковъ зеленыхъ обогнулъ;
И воображалъ бы эрѣшь въ картинѣ этой милой
Эмблему красоты, соединенной съ силой.
Я ваши краски бы смѣшалъ одну съ другой,
Отъ бѣлой, розовой, до шемноголубой;
Разнообразилъ бы какъ можно наслажденья,
Чтобъ пресыщенный взоръ избавишь упо-
мленья;

Съ зависной ревностью и ваши бы цвѣшки,
И ваши чашечки и ваши бы верхи
Въ блистательныхъ моихъ ландшафтахъ без-
днились,
И Ванъ Гюйзимоу бѣ картины поспыдились.

А вы, Богъ коего съ избыткомъ награ-
дилъ,

Чьей власти пышные кустарники вручилъ!
Разсаживай древа съ искусствомъ имъ прилич-
нымъ;

Дары ихъ раздѣлай по временамъ годичнымъ,

Въ пѣни ихъ въ ясный день морозы забыва-
ютъ ;

Зимой , когда земля вездѣ обнажена ,
Тамъ пшички въ зелени , забывши времена ,
Забывши мѣстѣ обманъ , порхаютъ и кружатся ,
Поютъ возвратъ весны и лѣтомъ веселятся ,

Однако время , вкусъ , искусство и пруды
Одни безсильны намъ очаровать сады ;
Въ послѣдствіи на все мы смопримъ равно-
душно ;

Что прежде нравилось , по послѣ будешь
скучно ;

И часто , какъ въ саду любитъ чужой
Великолѣпемъ , отдѣлкой , красошой ;

Владѣлецъ онаго , средь радостей , унылой
Зѣваетъ , пресыщенъ . — Какой же тайной силой
Древа и рошцы возмогутъ привлекать ,
Быть вѣчно новыми и вѣчно восхищать ?

О ! какъ обычаемъ Лапландцевъ я пѣвлюсь ,
Какъ часто мысленно въ ихъ край переселяюсь !

Умѣютъ укрощать они суровость зимъ ;
Ни клену , ни дубовъ въ ихъ полѣ не узримъ ;
Не вышерпятъ они мерзвящаго шамъ хладу ;
Ель мрачная одна дана имъ на отраду ;

Ель скудной зеленью въ пропалинахъ блеститъ ;
Но самой мѣлкой кустъ , которой пощадитъ

Жестокость долгихъ зимъ и люшость вьюгъ ,
мороза ,

Имъ драгоцѣннѣе , чѣмъ мирры , лавръ и роза ,
Тамъ древо каждое друзьямъ посвящено ,

Для друга , для опца оно посажено ,
Для гостя , коего опѣздъ ихъ огорчаетъ ,
Приемлецъ имя ихъ , и вѣчно сохраняешь .

Похвальному дему примѣру подражай ,
Деревья очаруй и садъ свой оживляй —

Счастливыи жипель спранѣ благословенныхѣ,
мирныхѣ !
Не будешь у себя погда лѣсковѣ, пустынныхѣ;
Безмолвныя древа, намѣ спанушь говоришь ;
Воспоминанія по роцамѣ будешь жишь ;
Опсушественныя друзья имѣ будешь украсень-
емѣ,
И сердцу съ милыми въ разлукѣ ушѣшенемѣ.

Воейковѣ.

С т р а н н и к ѣ.

Берегѣ ! берегѣ мрачный, дикій !
Ахѣ, прими меня въ себя ! —
Гдѣ укрыться мнѣ, не знаю !
Гдѣ пристанище найши ?
Тамѣ и буря и волненье
И безвѣстность дальныхѣ водѣ ;
Здѣсь вокругѣ одна пустыня,
Лѣсь, пески, глухая степь.
Нѣтъ ни друга, ни роднаго,
Ктобѣ опраду, помощь далѣ ;
Я одинѣ ! я жду могилы,
Жизни, горестямѣ конца —
И во цвѣтѣ лѣтъ весеннихѣ,
На зарѣ прекрасныхѣ дней
Долженѣ я желать невольно
Разрушенья бышя !
О ! ужасно ! мрачность гроба
Юношу зовешѣ къ себѣ !
Сердце бишься перестанешѣ !
Взорѣ закроешя на вѣкѣ ! . . .
Но чего пугашся ? лучше
Чувство жизни потеряшь ,

Чѣмъ спрдашь и ядъ мученій
Въ пренепной груди носишь!
Тамъ костей твоихъ неспронешь
Злоба каменныхъ сердецъ;
Ни коварство, ни измѣна
Твой покой невозмутитъ —
Будешь спать сномъ тихимъ, сладкимъ...
Такъ, безчувственности ешь даръ!
О! приди, приди скорѣ
Вѣспникъ мира, смерный часъ!

Волковъ.

II. НАУКИ И ИСКУССТВА.

~~~~~  
В А Я Н І Е.  
~~~~~

О в а я н і и.

Подъ именемъ ваянїя вообще разумѣемъ мы подражанїе изящной Природѣ, состоящее въ изображенїи видимыхъ предметовъ со всѣхъ, или по крайней мѣрѣ со многихъ сторонъ, съ означенїемъ находящихся въ оныхъ впадинъ и выпуклостей. Такое изображенїе дѣлается или изъ твердыхъ

пѣлъ посредствомъ *высѣченія* и *вырѣзанія*, или изъ мягкой массы чрезъ *формированіе*, или наконецъ изъ расплавленныхъ металловъ чрезъ *отливку*. Первый способъ называется *рѣзьбою*, въпорой *лѣвленіемъ*, а прешій *литьемъ* спашуио.

Начало сего искусства покрѣпно неизвѣстностію. Доказательствами глубокой древности его могутъ служить многія мѣста изъ Священнаго Писанія, какъ-то: 1 и кн. Моисеевой гл. XXXI. ~~ст. 49~~ 30 и другія. Не распространяясь объ исторіи скульптуры, наменуемъ только народы, особенно занимавшіеся оною въ древности. Это были Египціане, Финикіане, Геруски и Греки — наиболѣе же сіи послѣдніе, кои возвели художества на высочайшую степень совершенства. Что касается до Римлянъ, то они болѣе уважали произведенія своихъ предшественниковъ, нежели спарались подражать имъ.

Хотя въ новѣйшія времена всѣ просвѣщенные націи упражнялись въ скульптурѣ; однакожъ ни одна произведеніями своими не могла сравниться съ произведеніями древнихъ. Причины тому, кажешся, слѣдующія:

Вопервыхъ, Греки имѣли гораздо болѣе предметовъ для изображенія посредствомъ

изящныхъ искусствъ. Религія и опеченная исторія доставляли имъ великое оныхъ множество. Мы неимѣемъ сей выгоды. Вбра, исповѣдуемая нами, заключающа въ себѣ многія высокія идеи; но какой художникъ въ состояніи изобразить оныя?

Правда, что скульпторы новѣйшихъ временъ имѣютъ нѣкоторыя испочки, неизвѣстныя древнимъ; но всѣ они такого рода, что не дающъ способовъ произвести что-либо *высокое*.

Вопорыхъ, почти каждый Грекъ былъ знающъ въ искусствахъ, и художникъ, опасаясь потерять добрую славу, не смѣлъ представить на судъ публики что-нибудь посредственное. — Вообще должно замѣтить, что преимущество, которое древніе имѣютъ предъ новѣйшими въ искусствахъ, происходитъ не отъ недостатка генія послѣднихъ, но отъ менѣе выгодныхъ обстоятельствъ.

Польза скульптуры очевидна. Сіе искусство имѣетъ по общему свойству въ исторію, что служитъ къ увековѣченію памяти великихъ мужей и въ возбужденію соревнованія при видѣ ихъ изображеній. Истина сего подтверждается многими примѣрами. „Въ мои лета былъ онъ уже ве-

ликій человекъ!“ — воскликнулъ Цезарь, взглянувъ на Александрову спашую. Кому не извѣсны дѣла Цезаря?

Сверхъ сей главной цѣли имѣешь скульппура еще другую, принадлежащую равно и прочимъ художествамъ, ш. е. употребленіе вкуса и благотвительное вліяніе въ нравственность. Сія послѣдняя цѣль тѣсно сопряжена съ первою; ибо когда возбуждается болѣе соревнованіе, какъ не при созерданіи изящества?

Ваятель долженъ изображать не одни только лица, долженъ обдѣлывать не одни только части тѣла. Самая правильная пропорція; самый исправный рисунокъ не приносятъ намъ удовольствія, не дѣйствуютъ на воображеніе, не производятъ въ насъ пріятнаго впечатлѣнія, если оныя не соединены съ живымъ изображеніемъ страстей и характеровъ. Въ семъ-то одномъ случаѣ ваятель можетъ назваться истиннымъ художникомъ; въ семъ только случаѣ можно сказать, что онъ оживляетъ мраморъ и мѣдь, одушевляетъ бездушное.

Тотъ, кто хочетъ посвящать жизнь сему искусству, долженъ провести юность въ изученіи оного. Но сіе изученіе не должно ограничиваться одними только аши-

нами; и въ! все, что можешь воспламенить воображеніе художника, дать ему идею, маперію, образовавъ вкусъ его — все должно находиться въ планѣ воспитанія молодаго ваятеля. Изыщная Природа, новѣйшія произведенія искусства, лучшія сочиненія касательно теоріи онаго, чтеніе стихотворцевъ, знакомство съ другими опраслами изыщныхъ художествъ — все сіе должно способствовать развитію и образованію генія. Какъ жалокъ поэтъ художникъ, который не читалъ твореній величайшаго изъ живописцевъ, превосходнѣйшаго изъ стихотворцевъ, неподражаемаго Гомера!

И въ! ничего, сколько непріятнаго въ произведеніяхъ искусства, какъ принужденное положеніе. Вообще поэтъ, гдѣ прилично желаніе сдѣлать впечатлѣніе въ зрителѣ, художникъ никогда не достигаетъ своей цѣли; гдѣ очевидно усиліе возвыситься до возможности очаровать, поэтъ совершенно въ! очарованія.

Наблюденіе исторической истины и правильный рисунокъ также необходимы для совершенства статуи.

Должно замѣтить, что кругъ дѣятельности для скульптора не столь обширенъ какъ для живописца; но обрабо-

ваніе произведеній скульптуры сопряжено съ большими трудностями. Причины тому слѣдующія:

1) Вообще скульпторъ имѣетъ менѣе свободы. Свойство произведеній его не позволяеть ему прибѣгать къ шбнямъ, къ укороченію или уменьшенію предмета, къ выгоднѣйшимъ или легчайшимъ положеніямъ, къ неявственному выраженію; все же сіе весьма часто употребляется живописцемъ; все сіе весьма часто выводитъ его изъ замѣшательства и прикрываетъ недостатки его произведенія.

2) Издѣліе ваятеля не имѣетъ основаніемъ гладкой поверхности, и слѣдовательно разматривается со всѣхъ сторонъ. Всякой признается, что скульпторъ долженъ прудиться вдвое или втрое болѣе живописца.

3) Геній скульптора долженъ быть сильнѣе, нежели геній живописца; онъ долженъ быть гораздо перпблвѣе и дѣятельнѣе, если хочетъ преодолѣть всѣ трудности, соединенныя съ обдѣлкою каждой части статуи.

4) Краски, производящія столь сильное очарованіе въ живописи, совершенно

прошивны скульптурѣ. Нѣкошорые ваятели желали ввести оныя въ свое искусство; но покушенія ихъ оспались тщетными, и всѣ опыты были неудачны. Причина сему, кажешся, та, что здѣсь слишкомъ явно желаніе подражать Природѣ; а гдѣ такое желаніе примѣшно, тамъ нѣтъ очарованія.

5) Ошибки въ рисунокѣ, опсшупленія отъ напуры, здѣсь болѣе очевидны; конечно пошому что каждый зритель можеть замѣчать оныя, не думая о правилахъ перспективы; каждый можеть скорѣе обозрѣвать цѣлое и его часпи и удобнѣе сличать съ напурою.

6) Окружающіе предметы, отдѣльныя группы, мѣсто главнаго лица — все сіе придаетъ варшинѣ многія достоинства, совершенно чуждыя ваятельному искусству.

7) Смѣшеніе свѣта и тѣни гораздо шруднѣе на спашубѣ, нежели на варшинѣ; ибо первая разсмаприваетъ со всѣхъ сторонѣ, а послѣдняя только съ той, кошорая благопріятнѣе для художника.

Ежели при всѣхъ неудобствахъ сихъ мы имѣемъ еще довольное число хорошихъ скульпшоровѣ, то шѣмъ обязаны ихъ вни-

машельности нѣ своимъ издѣліямъ. Причины сей внимательности, которою скульпторы могутъ похвалиться предъ прочими художниками, суть слѣдующія :

1) *Время*, употребляемое ими на издѣліе. Оно весьма продолжительно, и никакой художникъ не пожелаетъ послѣ столь долгихъ трудовъ произвести что-нибудь посредственное.

2) *Драгоценность матеріала*. Никакой скульпторъ не захочетъ употребить его на маловажное издѣліе.

3) *Прочность матеріала* и надежда, что произведеніе скульптуры достигнетъ до позднѣшаго попомнѣва. —

Главные источники, изъ которыхъ скульпторъ почерпаетъ свои познанія, суть изящная Природа и антики. Касательно сихъ послѣднихъ, онѣ имѣютъ ихъ гораздо большее число, нежели живописецъ. Знаменнѣйшіе изъ драгоценныхъ образцовъ древности суть: прекрасная группа Лаоконова, Аполлонъ Вапиапанской, Венера Медицейская, Торзо, Фарнезскій Геркулесъ, Ніоба, Боргезскій боецъ, Антиной, Фарнезская Флора, Умирающій боецъ и Маркъ Аврелій. Почти всѣ упомянутыя статуи

и безчисленное множество других находясь шеперь въ Парижѣ.

При копированіи древнихъ статуей художникъ долженъ наблюдать предосторожность, чтобы вмѣстѣ съ красками своихъ оригиналовъ не подражалъ и ихъ погрѣшностямъ. Замѣчено, что большая часть древнихъ скульптуръ, при всемъ своемъ гени, были весьма небрежны въ отдѣлкѣ особенныхъ частей статуей. Фальконетъ замѣтилъ, что вообще морщины лица и складки плашья изображаемы были древними весьма неисправно (*).

Знакомства съ новыми произведеніями искусства не долженъ пренебрегать скульпторъ. Изъ нихъ научается онъ костюму, приличности, отдѣлкѣ каждой части; научается также, какимъ образомъ избѣгать зашурдненій, необходимо сопряженныхъ съ Европейскою одеждою. —

Всѣ произведенія скульптуры можно раздѣлить на два главные класса: къ первому принадлежатъ шѣ, кои обдѣланы со всѣхъ сторонъ, или *статуи*; а къ по-

(*) См. его *Pensées sur la Sculpture*, въ Запискахъ Берлинской Академіи — прекрасное Разсужденіе, изъ котораго взялъ я нѣкоторыя полезныя замѣчанія. — В. К.

слѣдному шѣ , которыя обработаны съ нѣсколькихъ полюк споронѣ , возвышающихся на гладкой поверхности, или *барельефы*. Сїя послѣднїе занимающѣ , пакѣ сказать , среднее мѣсто между карпинами и спашуями. По сему должно наблюдать , чпобы главное лицо въ барельефѣ занимало главное мѣсто , пакже какѣ и въ произведенїяхъ живописи. Барельефы можно упопрелять съ особеннымъ успѣхомъ на подножїяхъ спашуи , на олшаряхъ и жершвенникахъ , пакже и вмѣсто карпинѣ надѣ дверями.

Самыя спашуи раздѣляются ; касательно величины , на *колоссальныя* , на спашуи *выше* , *ниже* и *въ самую естественную величину* ; касательно одежды , на спашуи *въ одеждѣ Греческой* , *Римской* , *военной* , на спашуи *покровенныя* или *закутанныя* и проч. ; касательно положенїя , на *лѣшія* , *конныя* , *стоящїя* , *сидящїя* и проч. Кромѣ цѣлыхъ спашуи находящя еще грудныя , или *бюсты*. Особенный родѣ оныхъ , посшавленныхъ на высокомъ подножїи , называли древнїе *терминами*. —

Касательно матерїи , есть спашуи *мраморныя* , коимѣ принадлежатѣ первое мѣсто ; *мѣдныя* , приличныя для фигурѣ

колоссальныхъ или открыпыхъ; *гилсовья*, копорья бывающъ обыкновенно копїями аншиковъ; *восновья* и проч.

Бывающъ также спашуи изъ золопа, серебра, яшмы, яшпара, дорогихъ деревъ, коралла и проч. — Но сїи маперїалы служатъ по большей часпи для малыхъ спашуй, копорья имбюшъ цблїю одно только украшенїе, а не увбковбченїе памяпи великихъ мужей.

Драгоценнбйшїя собранїя древнихъ и новыхъ спашуй находяпся въ Парижб, Римб, Флоренцїи, Порпичи, Лондонб, Вбнб, Минхенб, Дрезденб, Санкшпепербургб и Санб - Суси. — Лучнїе авпоры, писавшїе о скульптурб и ея произведенїяхъ, сущь: Келюсб, Винкельманб, Гейне, Лессингб, Гердерб, Сульцерб, Милленб, Рамдорб, Ешенбургб, Фальконешб и проч.

В. Козловъ.

~~~~~  
 Б О Т А Н И К А.  
 ~~~~~

О первоначальномъ разведенїи въ Европб растбнїй, принадлежащихъ къ хлбболашеству.

Начало растбнїй, употреблемыхъ нами въ пищу и разбвнныхъ нынб по всбмб

часпямъ земнаго шара, скрывается во мракъ неизвѣспности. Весьма прудно сквозь густую мглу вѣковъ добратся до того времени, когда занялась заря гражданскаго общежитія въ Европѣ, и когда началось воздѣлываніе полей для произведенія Цереринихъ растѣній. Сія однакожь эпоха доспойна всего нашего вниманія; ибо имѣетъ связь съ выгодами общежительнаго порядка и благоденствія, копорыми шеперь мы наслаждаемся. Почту себя весьма счастливымъ, ежели дамъ поводъ ученымъ Бованикамъ обратишь не сей важный предметъ свое вниманіе, и ежели спашья моя озаритъ хопя слабыми лучами свѣша сію часпъ испоріи растѣній, землешесшва и общежительнаго ушройшва.

Посѣву хлѣба приписывать должно, что люди промѣняли скоповодшво на землешесшво, кочевую жизнь на поспоянное мѣспопребываніе, и что насильшво успупило мѣспо владычешву законовъ. Сіи выгоды еще въ самой глубокой древности почиаемы были споль великими, что виновниками ихъ признавались боги, и что за изобрѣшеніе хлѣбешесшва многіе смершныя удосшоены обогшворенія.

Поезія въ пѣсняхъ своихъ прославляла сихъ благодѣтелей человеческого рода.

Кому изъ любительей древней липшерапшуръ неизвѣсны прекрасныя спихи нѣжнаго и роскошнаго Тибулла (*):

Rura cano, rurisque deos: his vita magistris
Desuevit quæna pellere glande famem.

„Воспѣваю нивы и боговъ сельскихъ, копорые опучили людей пицашься дубовыми желудями.“

Ювеналь, забывая сатирическую бдѣность свою, воздаешъ справедливую похвалу виновникамъ земледѣльства, сего благороднѣшаго изобрѣшенія (**):

Parem quaeramus aratro
Qui fatis est mensis: laudant hoc numina ruris,
Quorum ope et auxilio, gratæ post munus ariffæ,
Contingunt homini veteris fastidia quercus.

„Плугомъ, о дѣши мои, спанемъ добывашь хлѣбъ для своего пропишанія. Подвигъ сей угоденъ богамъ сельскимъ; они даровали чедовѣку хлѣбную пищу; ихъ-то благопшорнымъ пособіемъ чедовѣкъ возгнушался дубомъ, копорымъ прежде долженъ былъ пицашься.“

Трипшолемъ, какъ извѣшно, былъ одинъ изъ сихъ боговъ сельскихъ, прославленныхъ благодарными Греками. Онъ ро-

(*) Lib. II. El. I. v. 37.

(**) Sat. XIV. v. 182.

дился отъ Елевзина и Копоней; воспишанъ Церерою, отъ копорой получилъ даръ безсмершя, и копорая посылала его на колесницѣ своей, драконами запряженной, во всѣ страны для сѣяня хлѣба и для наученя людей земледѣшесству. Ему же приписываютъ изобрѣшеніе плуга. Валерій Флаккъ прославляетъ его спихами, доспойными споль великаго благодѣяня. Пинъ заставляетъ Язона, для достиженя Колхиды, желать или Персеевыхъ крыльевъ; или колесницы Тришполема, копорой распаживалъ плугомъ землю, еще невѣдающую даровъ Цереры, и научивъ людей пшашей хлѣбомъ, предалъ забвенію дубовые желуди.

Aut sursum, ut faevos frenasse dracones
Creditus, ignaras Cereris qui vomere terras
Imbuit, et flava quercum damnavit arista (*).

Но оставимъ спихопворные вымыслы, въ копорыхъ однакожь не лзя не примѣнить испины, сокрышой подъ завѣсою оспреумной аллегоріи. Выберемъ себѣ другой надежнѣйшій путь, и пойдѣмъ по оному, имѣя въ рукахъ свѣшильникъ Исторіи.

Ошечество пшеницы есть Сицилія; по крайней мѣрѣ такъ думаетъ Діодоръ Сицилійскій (**); копората мнѣніе очень важ-

(*) Argonautic. Lib. I. v. 68.

(**) Lib. V. c. 2. p. 222. ed. Wesseling.

но въ настоящемъ случаѣ, и которой под-
тверждаетъ свидѣтельство Гомерова (*).
Діодоръ говоритъ, что и въ его время
хлѣбъ въ Сициліи росъ дикой, что есть
самъ собою. *Μέχρη τοῦ γῦν φύεσθαι τοὺς αἰγυ-
ρίους ὁμοχρῆτους πυροῦς.* Онъ именно упо-
минаетъ о поляхъ Леонтійскихъ. У Гоме-
ра читаемъ: „Циклопы, полагаясь на бо-
говъ, ни насаждаютъ руками своими расщѣ-
пій, ни ороютъ; незасѣяныя и невспахан-
ныя ихъ нивы сами собою производятъ
пшеницу и ячмень. . . .“

*οἱ γὰρ θεοῖσι πεποιθότες ἀθανάτοισιν,
οὔτε φυτεύουσιν ἤχερσιν φυτῶν, οὔτ' ἄροισιν.
* Ἀλλὰ τὰχ' ἄσπεργα καὶ ἀνέροτα πάντα φύονται,
Πυροῖ, καὶ κριθῶν.*

На островѣ Сициліи Церера была оп-
лично почитаемая; вѣроятно, что Трипто-
лемъ отсюда принесъ въ Грецію употребле-
ніе пшеницы и искусство земледѣлія.

Сочиненіями древнихъ писателей оправ-
дывается мнѣніе, достойное всего вѣроя-
тія, что многія полевыя, изъ употребле-
емыхъ нами въ пищу, расщепія собственно
принадлежатъ сѣвернымъ сипранамъ Персіи
и Индіи, въ которыхъ онѣ произрастаютъ сами
собою. Лѣпная пшеница, по свидѣтельству
Страбона (**), произвольно расщепъ въ зем-

(*) Odyss. Lib. IX. 107.

(**) Lib. XV. p. 1017.

лѣ Мусикеновъ, находящейся въ сѣверной Индіи. Мы извѣстно, что нѣкоторыя особы не вѣряли существованію дикораспускаго хлѣба въ Азіи; онѣ полагають, что хлѣбъ сей сдѣлался дикимъ уже послѣ, и что первоначально былъ онъ сѣянъ: однакожь сіи возраженія уничтожаются замѣчаніемъ г. на Шпренгеля, которой удосповѣрился, что хлѣбъ одичавшій въ Европѣ не можетъ продолжитъ бытіе свое на одномъ мѣстѣ. Гумбольдтъ думалъ также вопреки сему; однакожь онъ послѣ самъ признался въ своемъ заблужденіи (*).

Въ опривкѣ Берозова сочиненія (**), находимъ, что въ Вавилоніи, по еспѣ на равнинѣ, лежащей между Евфратомъ и Тигромъ, распушъ сами собою дикая пшеница, ячмень, сочевица и бобы. Бопанислъ Мишо, которой путешествовалъ по Арменіи и Месопотаміи, увѣрялъ меня, что онъ видѣлъ дикую пшеницу близъ Гамадана, и что находилъ солому пшеницы въ глинѣ пакъ называемаго сполба Нимвродова.

Ячмень, у Плинія называемая antiquissimum frumentum, распушъ сама собою,

(*) Tableaux de la nature t. 1. p. 165.

(**) Ex Alexandr. Polyhist. descript. a Syncello, Chronograph. p. 28.

по свидѣтельствъ Моисея Хоренскаго (*) на берегахъ Аракса или Кура въ Грузіи, а по словамъ Марка-Поля въ Баласкѣанѣ, области сѣверной Индіи. Посредствомъ торговли сіе растѣніе привезено изъ Индіи во Фригію и даже въ Апшику, въ которой прежде всѣхъ странъ Греческихъ введенъ порядокъ общежитія и устройсво. *Hordeum Indis fativum et silvestre*, въ Индіи есть ячмень, которую сѣютъ на нивахъ; есть и дикая, говоритъ Плиній (**). Равнымъ образомъ Теофрастъ свидѣтельствуешь о семъ любопытномъ дѣлѣ (***) .

Почитаніе Цереры или Цебелы, Фригійской богини, которой вообще древніе приписывали честь наученія сѣять хлѣбъ, также служилъ доказательствомъ, что ячмень вывезена въ Грецію изъ Фригіи. При отправленіи Елевзинскихъ празднествъ, одержавшимъ побѣду аплемамъ выдавали въ награду по мѣрѣ ячмени, собранной на собственнѣхъ поляхъ, коихъ жилили, Церерою (наученные, прежде всѣхъ начали сѣять сіе растѣніе (****)). Плиній пишетъ, что изъ всѣхъ растѣній, извѣстныхъ въ хлѣбопашествѣ, люди прежде ячмень начали употреблять въ пищу (*****).

(*) *Geograph. Armen.* p. 360. (**) *Lib. XVIII.* c. 13. (***) *Hist. plant. lib. IV.* c. 5. (****) *Pausan. lib. I.* c. 38. (*****) *Lib. XVIII.* c. 14.

Пшеница, *triticum durum*, кажется, в самые древние времена вывезена из Африки в Италію, и в продолженіе прехв вѣковъ она одна служила пищею для Римскаго народа, у котораго наиболѣе извѣстна была подъ названіемъ *far adageum*. О ней - по пищею Овидій в Календарѣ своемъ (*).

*Farra tamen veteres jaciebant, farra metebant
Primitiis Cereri farra resecta dabant.*

Напрощивъ этого рода *fecale* принадлежишь северу. По свидѣтельству Плинія (**), ее съѣли Таврины, народъ Альпійской. Римлянамъ спала она извѣстною очень поздно.

Еще другой родъ пшеницы, которую называли Римляне *aginsa*, есть собственно Египетское растеніе. Ее - по разуменью Діодоръ (***) , говоря, что Изида нашла ячмень и пшеницу между дикими растеніями, и что научила Египтянъ съѣсть оныя.

Дуро дела Маль.

(*) *Fast. lib. II. v. 119.*

(**) *Lib. XVIII c. 40.*

(***) *Lib. I. c. 10 et 31.*

III. К Р И Т И К А.

Надгробное Слово, сочиненное Г. Левандою.

Сей Кіевскій Злапоустѣ, копорого имя и рѣчи извѣстны всѣмъ почишателямъ великихъ дарованій въ ихъ Опечесивѣ, а особливо автору сего примѣчанія, имѣвшему счастье пользоваться личнымъ знакомствомъ почтеннаго *Леванды* (*), сей Проповѣдникъ произнесъ въ Кіевѣ 19 Марша нынѣшняго года, въ день погребенія Гражданскаго Гу-

(*) Изъявляя наше уваженіе къ таланту сего мужа, мы позволимъ себѣ повпорить слѣдующія спроки изъ письма одного Кіевскаго жишеля къ его пріятели, копорый выписалъ для него сочиненія *Леванды*. „Сей спарець, увѣнчанный сѣдинами и добродѣтелями, лежалъ на одрѣ болѣзненномъ, когда я объявилъ ему желаніе В. В. Измайлова имѣть нѣкопорыя его рѣчи. Онъ назвалъ его лучшимъ изъ друзей своихъ. Сердечное удовольствіе изобразилось на лицѣ спарца, и онъ подалъ мнѣ дрожащею рукою посылаемыя при семъ рукописи.“ Намъ пріяпно гордиться любовію сего достойнаго Пастыря. В. И.

бернашора, П. П. Панкрашьева, надгробное слово, въ которомъ хотимъ здѣсь предложить свои замѣчанія. Можеть быть шайное сердечное расположеніе, съ которымъ мы читали его, принесло ему особенную цѣну въ глазахъ нашихъ; но достоинство рѣчи будетъ конечно чувствительное для всякаго человека, не совсѣмъ чуждаго языку вдохновеннаго паланца. Есть мѣста, есть движенія, которыми нѣтъ, кажется, ничего подобнаго въ рѣчахъ другихъ духовныхъ ораторовъ; и не лзя особливо не опадать справедливости пому простому и высокому краснорѣчію, которому всего болѣе удивляемся въ первомъ и знаменитѣйшемъ проповѣдникѣ слова Божія. Вы, которые такъ живо, такъ справедливо чувствуете достоинство Босюета, прочтите Леванду; разсмотримъ ходъ, мысли, выраженія сего надгробнаго слова; опредѣлите его цѣну, если угодно, по сравненію съ другими превосходными примѣрами въ семъ родѣ, и вы скажете конечно: мы имѣемъ нѣчто достойное сравненія съ великими образцами Хриспіянскаго краснорѣчія! Но оставля всякое сравненіе, для котораго не чувствуемъ себя на сей разъ расположенными, замѣтимъ только, какимъ образомъ чувствовалъ, мыслилъ и говорилъ сердцу земныхъ спрдальцевъ исполковашель Вѣры небесной.

Сей Христіанскій Учитель, пронушый плачемъ сиротъ, споящихъ предъ гробомъ, вспомнилъ пошъ великій случай, извѣстный намъ по Священному Писанію, когда самъ Спаситель, движимый небеснымъ соспраданіемъ, заплакалъ предъ гробомъ Лазаря. Конечно Проповѣдникъ, представляя себѣ чудесное воскресеніе, мыслилъ впайнъ своего сердца: для чего неимѣю великаго дара говорить мертвымъ — *возстаньте изъ гроба!* огорченнымъ — *утѣштесь!* и по сему первому движенію онъ взялъ за плечистъ слово Іоанна Евангелиста: *Проследися Иисусъ.* И такъ занимая мѣсто Христово преемника, и чувствуя, какъ смершный, япо чувствовалъ еще Христосъ, какъ Богъ и Спаситель, Проповѣдникъ такъ начинаешъ:

„Не долго было доводишь до сокрушенія сіе небесное сердце, сердце исполненное любви и жалости къ человекамъ. Довольно было ему увидѣшь несчастнаго, увидѣшь плачущихъ, и вдругъ чувствовать во всей силѣ всю бѣдность смершныхъ, соспрадать и плакать о судьбѣ человекѣвъ. Кому же болѣе и приличесствовало все сіе, какъ не Ходашаю Бога и человекѣвъ, видѣвшему съ небесъ всѣхъ насъ осужденныхъ на смершь, опѣ жалости преклонившему небеса и пришедшему взыскаши

„и спасти погибшихъ? Гдѣжь случилось
 „се, что плакалъ Избавитель нашъ, дока-
 „зывая слезами сердце свое; сбшующее о
 „бѣдности нашей и вмѣстѣ негодующее
 „на врага жизни, на смерть нашу? Недале-
 „ко пещеры, близъ мѣста, гдѣ лежалъ ново-
 „преславленный чешверодневный Лазарь.
 „Сюда провожали Иисуса плачущія двѣ се-
 „стры умершаго, но взирая на Господа и
 „надѣясь оспрады, но въ горести выговари-
 „вая: для чегожь, милосердый Спаситель,
 „не былъ Ты шущъ, когда умиралъ братъ
 „нашъ? съ нимъ бы вѣрно не случилось сего.
 „Ты, любя его и насъ, не далъ бы умереть
 „ему; а теперь все поздно, уже духъ гни-
 „лоси и разрушенія опъ шѣла его несно-
 „сенъ. О смершныя! коль ни слабы, воздер-
 „жись; не все говорите, что сердцу
 „перзаемому говоришь хочешь.“

Нужно ли оспанавливать вниманіе чи-
 шпателей на красопахъ сего величешвенна-
 го вспупленія? Какое сильное выраженіе:
опъ жалости преклонившему небеса!
 Не изъ сердца ли плачущихъ сиропъ выр-
 валось шрогашельное восклицаніе: *для чего,
 милосердый Спаситель, не былъ Ты
 шущъ, когда умиралъ братъ нашъ?*
 Но послѣ слышаннаго ропота человѣческой
 слабости, мы внимаемъ голосу Неба, го-
 лосу Христіанскаго смиренія, голосу, изре-

кающему непрѣмный судъ Бога въ сихъ словахъ крепкаго увѣщанія: *Смертные!* сколь ни слабы, воздержитесь; не все говорите, что сердцу терзаемому говорить хочется. Кто, кромѣ великаго сердцевида, можетъ такъ говорить къ смертнымъ, чинить въ сокровенности души ихъ и отвѣчать на пайной ропотъ сердца съ такою отеческою любовію!

Далѣе Проповѣдникъ показываетъ намъ ничтожность самыхъ человѣческихъ желаній. Волею Всемогущаго исполняешь воля слабаго человѣка — Лазарь воскресаетъ — но обратимся на слѣдствія, предсказанныя въ царствѣ столь разительной и со всею силою Христіанской мудрости:

„Се жизнь у двери гроба, се воскресеніе гошова, се возглашаетъ уже запрещивъ (духу), запрещивъ слезамъ, запрещивъ смерти, Жизнодавецъ: Лазаре, гряди! Се исходишь мершвый! прѣимице его на руки ващи — утѣщишесь!

„Но законъ смерти непрѣмненъ. Вы, и онъ умреце; одна жизнь на небеси, гдѣ вы, для безсмертія соединясь, умирашь болѣе не будеще. Все исполнилось такъ, Нѣтъ ни брата, ни сестеръ давно на земли.

„Велики были достоинства во умершемъ
 „братѣ: онъ былъ все для сиротствующи-
 „щихъ сестеръ. Велико упрежденіе за воз-
 „вращеніемъ его и паки въ жизнь. Но за
 „смертію вполнѣнною тоже слѣдовало огор-
 „ченіе, пока не собрались все они для ра-
 „дости въ вѣчность.“

И такъ, если бы и могли совершиться
 тайныя моленія смертныхъ; если бы удо-
 дно было всевидящему Промыслу повпорять
 для нихъ чудо Лазарева воскресенія: то
 не избѣжали бы они и тогда послѣдняго
 предѣла своего, которой есть необходимое
 условіе жизни человѣческой. Счастливы
 не толь, кто носится еще бурями по не-
 извѣстному океану жизни, но — кто, спу-
 ская на берегъ вѣчности, приспаетъ къ
 свѣтлой обители мира и радости подъ кро-
 вомъ Божественнаго Защитника. Мы опла-
 киваемъ его на землѣ, когда онъ радуется
 на небесахъ. Такая высокая мысль должна,
 по наставленію Христіанскаго Учителя,
 усмирить кипѣніе сердца, хотя и не мо-
 жетъ въ одно мгновеніе побѣдить силу
 опчаянія. Самъ Проповѣдникъ уступаетъ
 въ послѣдній разъ движенію общей горести,
 и говоритъ съ уныніемъ:

„Теперь, при поразительномъ зрѣлищѣ
 „семь, гдѣ льются слезы искреннихъ сер-

„дець ; гдѣ погребаются достоинства , да-
 „рованія , добродѣтели , вѣра и вѣрность ;
 „гдѣ оплакивается отецъ , супругъ , градо-
 „начальникъ , покровитель , сынъ Ошечества ,
 „исповѣдникъ имени Христова , украшав-
 „шійся милостями Бога и Царя — нѣтъ
 „Христа , который бы сказалъ : Лазарь
 „другъ нашъ успе , Лазарь умре ; иду , да
 „возбуду его.“

Кто изъ тѣхъ , которые видѣли уни-
 чженіе существа , для нихъ милого , чув-
 ствовали горестъ невозвратной потери , и на-
 прасно призывали къ жизни друга , опятаго
 у нихъ смертію — кто изъ тѣхъ не най-
 деть выраженія своего собственнаго чув-
 ства въ семъ глубокомъ изліяніи безупроч-
 ной печали: *Нѣтъ Христа , который бы
 сказалъ : Лазарь другъ нашъ успе , Ла-
 зарь умре ; иду , да возбуду его !*

Но принеся сію послѣднюю дань чело-
 вѣчеству , Проповѣдникъ выше возносился
 мыслию , и какъ бы вдохновенный опъ Неба ,
 зоветь огорченныхъ къ наслажденію Вѣры :

„Нѣтъ Христа , который бы сказалъ :
 „Лазарь другъ нашъ успе , Лазарь умре ;
 „иду , да возбуду его. Но есть Христосъ ,
 „который никогда не отдѣлялся опъ вѣры
 „его , былъ съ умирающимъ до послѣднихъ
 „минутъ , воспріялъ въ руки Свои духъ
 „кающійся , вѣрующій , предающійся Ему ;

„украсилъ его кровію и правдами своими, въ
 „семъ видѣ представилъ его милующему
 „Отцу, соединилъ съ Собою, прощая все,
 „забывая все, что опшоргало опъ Хриспа,
 „назначая не шеперь воскреснушь, но при
 „последней шрубѣ, жоплицей проникнушь
 „прахи мершвыхъ, оживишь и воспавишь
 „для соединенія съ душами для просла-
 „вленія вѣчнаго, безконечнаго. О Спаси-
 „тель нашъ, единое прибѣжище и утѣше-
 „ніе вѣрующаго! Ты изрекъ: Приидите
 „ко Мнѣ вси шрудяющіеся и обремененніи,
 „и Азъ упокою васъ. Се грядетъ въ Тебе
 „крестившійся, въ Тебе облекшійся, новый
 „предъ лице Твое мїровъ пришлецъ, сле-
 „зами покаянія и кровію Твоею вновь омы-
 „тый! Ты Истина вѣчная — Ты не опвер-
 „жешися Себе во вѣки! Ты упокоилъ его во
 „славѣ Твоей — вѣруемъ Господи. Аминь.“ —

Предметъ Хрисіянскаго Орапора есть не только пальма краснорѣчія, но особливо успокоеніе духа, смяшеннаго горестію; и счастливый Орапоръ приводитъ насъ къ сей великой цѣли. Главная прелестъ его шаланша есть, кажешся, ша сладостъ, копорая печетъ изъ испочника сердца, и въ сердце проливаешся. Можно бы сказати, что Леванда постигъ шайну свяшой любви и вѣчной горести; ибо никшо не умѣетъ шакъ плакати съ человекѣмъ и шакъ утѣ-

шасть съ Богомъ. Мы знаемъ отца, который лишился любезнаго ему опрока, который еще поскуетъ о сей потерѣ, какъ можетъ только отецъ посковать о сынѣ, и который, чипая сію рѣчь Леванды, вкусилъ райское утѣшеніе и благословилъ великой даръ новаго Запоуспа. Блаженъ, говоритъ сей отецъ оживленный упованіемъ Вѣры, блаженъ; кто съ якоремъ Религіи пропекалъ неизмѣримую глубину таинственной жизни, и во всѣхъ искушеніяхъ рока опирался на сіе подножіе вѣчной истины! Такъ конечно! Христіянинъ, сердечно убѣжденный въ таинствахъ Опировенія, отдаетъ друга, или сына, не смерти, не землѣ, но Богу, который возвратилъ ему жизнь и радость; есть мѣсто, есть убѣжище, гдѣ опчаянная мысль его, изумленная разрушеніемъ, можетъ сладкимъ образомъ успокоиться. И какая разница между Христіянскимъ ученіемъ и человѣческою мудростію! Одинъ Философъ, оплакивая достойную женщину въ письмѣ къ ея другу, вѣрующему въ Бога, произноситъ сіе убійственное слово: *Почитатель Бога!* *нѣтъ ее на свѣтѣ* (*). Напрощивъ того мудреца Христіянинъ, зная лучше сердце человѣческое, низходитъ къ

(*) Кому не извѣстно сіе письмо Женевскаго Философа и Писателя? В. И.

его слабости и говоришь съ чувствительностью: *Нѣтъ Христа, которъй бы воскресилъ Лазаря; но есть Христосъ, которъй вручаетъ его милующему Отцу и Богу.* Вотъ преимущество Божіаго Слова и шоржество Христіанской Религіи! Ни что невѣрно въ жизни, кромѣ сей послѣдней опоры слабого и страдающаго чело-вѣка.

Владиміръ Измайловъ.

IV. С М Ъ С Ъ.

А н е к д о т ы.

Когда парламентъ Парижскій осудилъ Руссова *Емиля* на сожженіе, и опредѣлилъ самаго сочинителя взять подѣспражу; въ то время Вольшеръ, жившій въ Делисѣ, предложилъ Философу Женевскому *Ермитажъ* свой, гдѣ онъ могъ бы укрыться отъ гоненія непріятелей. Въ семъ убѣжищѣ, писалъ Вольшеръ къ Жанъ-Жаку, вы можете себѣ философствовать, какъ угодно. Руссо опвѣчалъ Вольшеру письмомъ, въ которомъ особенно замѣчательны слѣдующія слова: *Я не люблю васъ, государь мой; вы развращаете мою республику своими комедіями.* Вижу, сказалъ

Вольшеръ прочитавши письмо, что пріятель нашъ Жанъ - Жакъ очень боленъ, и болѣе нежели какъ я думалъ. Ему ненадобно ни услугъ, ни совѣщевъ; ему нуженъ легкой опваръ, кошорымъ кормяшъ хворыхъ.

Въ одно время Дюсо пришелъ къ Жанъ - Жаку въ то самое время, когда онъ обѣдалъ. По окончаніи разговора, кошорой былъ довольно скученъ, гость вышелъ. Руссо проводилъ его, и сказалъ: „Не погнѣвайшесь, что я непригласилъ васъ опобѣдять. Мѣня все лю, и такъ ненавидашъ, что если бъ за споломъ сдѣлалось вамъ дурно; то незамедлили бы разгласить, что Ж. Ж. Руссо опоилъ васъ ядомъ.“

Сей *великой* Философъ, между нами ска-
зашъ, по странностямъ своимъ былъ чудакъ,
а по заблужденіямъ, противностямъ во мнѣ-
ніяхъ своихъ и по дикой опрометчивости су-
мазбродъ, достпойный жалосши, а не подра-
жанія. Д.

Разныя извѣстія.

Въ извѣстіи Доктора Неалля о походѣ въ Португаллію 1808 упоминаешся, что Англичане, кромѣ Конгревскихъ ракетъ, дѣйствующихъ при осадѣ крѣпосшей, употребляютъ еще на опкрышомъ полъ новое ужасное огне-
стрѣльное орудіе, называемое *Шрарпеллевою* бомбою (Sharpnell shells), по имени изобрѣшателя. Она заряжаешся сошнею ружейныхъ

пуль, съ превеликою быспротою разлепшающихся въ разныя спороны, и упавши въ средину многолюдной толпы, причиняетъ ужасное опустошеніе.

*

Изданіе *Арцуса*, журнала сочиняемаго въ Парижѣ на Англійскомъ языкѣ, прекращено съ послѣднихъ числъ Іюля.

*

Въ Греціи, въ малой Азіи и на берегахъ сѣверной Африки читаются газеты. Именно для жителей упоминаемыхъ земель Англичане печатаютъ на островѣ Мальщѣ Испаліанскую газету, въ которой представляють они систему Французскаго правительсва такъ какъ имъ надобно.

*

Нѣкто *Лоранъ* (Laurent), живущій въ Парижѣ часовой мастеръ, нашелъ способъ дѣлать флейсправеры, ни въ какомъ случаѣ неперемѣняющіе тона своего опъ вліяніи атмосферы. Въмѣсто дерева и слоновой кости онъ употребляетъ *хрусталь*. Флейсправеры его во всемъ сходны съ прочими, только у нихъ длиннѣ клапаны. Парижская Консерваторія музыки разсмотрѣвала сіе изобрѣшеніе, и объявила 14 Мая 1809 года, что новой флейсправеръ гораздо легче надуть нежели другой обыкновенной, и что его тоны гуще, чище и ровнѣе. Аѳеней искусствъ 8 го Сентября опредѣлилъ дать медаль изобрѣпателю. На послѣдокъ и само правительство наградило его медалью и привилегією. Новые флейсправеры однакожъ не дешевы.

*

Передъ симъ года за два много писано было въ журналахъ о *пангармониконѣ*, новоизобрѣшенномъ въ Парижѣ мусикійскомъ орудіи, похожемъ на органы и соединяющемъ въ себѣ звуки всѣхъ духовыхъ инструментовъ. Кромѣ флейшъ, кларнетовъ, гобоевъ и фагетовъ, въ немъ есть еще рога и трубы, надуваемые сокрытымъ мѣхомъ. Каждой инструментъ имѣетъ свой обыкновенной, но весьма чистой и правильной голосъ, такъ что слушающему кажется, будто играетъ **полной** духовой оркестръ, составленный изъ искуснѣйшихъ музыкантовъ. Знаюки и любители музыки съ великимъ удовольствіемъ слушаютъ игру на *пангармониконѣ*, которой показывается публикѣ ежедневно.

*

Къ числу рѣдкостей, находящихся **нынѣ** въ Парижѣ, принадлежитъ искусственный слонъ, т. е. машина, имѣющая видъ сего живописнаго; она ѣстъ, пѣетъ и варитъ въ желудкѣ своемъ пищу.

Письмо къ Издателю.

Въ Вѣспникѣ своемъ иногда помѣщаете вы извѣстія о бѣдныхъ, нуждающихся въ помощи. Благодарствую однимъ, вы равнымъ образомъ одоужаете и тѣхъ, кои ищутъ такихъ несчастныхъ. Состраданіе побудило меня просить васъ, М. Г. извѣстить друзей человѣческаго объ одной бѣдной, достойнѣйшей прирѣнія, 70-лѣтней вдовѣ.

Сія бѣдная вдова естъ Майорша Анисья Кузминишна Рейхова. Мужъ ея Яковъ Ивановичъ Рейхъ взятъ былъ изъ Голштиніи, изъ благородной фамиліи, Пешромъ III, опредѣленъ Имъ въ Россійскую гвардію сержантомъ, и служилъ Екашеринъ II 32 года.

Оставшись по смерти мужа около 52 хѣлѣтъ, г-жа Рейхова, сколько могла, пріобрѣтала насущный хлѣбъ слабыми своими трудами, но болѣе жила благодареніями нѣкоторыхъ знавшихъ ее благошворительныхъ особъ. Таковымъ особенно былъ для нее почтеннѣйшій Священникъ Вознесенской церкви, что на Гороховомъ полѣ, Пешръ Андреевичъ, котораго она и подобные ей бѣдные лишились уже около 9 лѣтъ.

Теперь, болѣе пяти лѣтъ, она почти не сходящъ съ постели, и пруды раздѣляющей съ нею горести дочери ея, при весьма маломъ пособіи нѣкоторыхъ благодарителей, едва достаточны къ поддержанію ея жизни. Неоднократно случалось, что болѣзнь дочери подвергала ихъ обѣихъ опасности — *умереть съ голоду* . . . Таково состояніе г-жи Рейховой! Безъ сомнѣнія такіе бѣдные не оставались бы безъ помощи, если бы участь ихъ была извѣстна многимъ.

Прошу васъ помѣстить сіе письмо въ вашемъ Вѣстникѣ и доставить прилагаемые при семъ 25 рублей Его Высокоблагородію г-ну Шпабъ-Лѣкарю Алексѣю Якимовичу Попоцкому (*), для опдачи г-жѣ Рейховой. Гнъ По-

(*) Онъ живетъ въ Рогожской части въ 1 мѣ кварталѣ, подлѣ церкви Святыя Живоначальныя Троицы, что въ Сыромятникахѣ, въ собственномъ своемъ домѣ.

поцкій, всегда съ особенною ревностію оказывающій сей пресварблѣй вдовѣ услуги по своему искусству, безъ сомнѣнія не откажется доставлять ей, что будетъ прислано къ нему отъ благошворителей.

Имѣю честь бытъ и проч.

Юля 28, 1810 года.

С. Пешербургъ.

А. Б.

*

Деньги отданы лично г - ну Попоцкому, которой подтвердилъ все написанное о г - жѣ Рейховой отъ А. Б., и обѣщалея исполнять всѣ препорученія благошворителей, до нее касающіяся. *Изд.*

IV. ОБОЗРѢНІЕ ПРОИЗШЕСТВІЙ.

Ф р а н ц і я.

Юля 6 го, въ день воспоминанія бисшвы при Ваграмѣ, съ превеликою пышностію совершенъ обрядъ погребенія Маршала Лана Дюка Моншебельскаго въ Парижской церкви инвалидовъ. По повелѣнію Императора Принцъ Архиканцлеръ положилъ на гробъ его медаль, долженствующую предать попомству подвиги сего военачальника и оказанныя ему почести. — Дюкъ Плезанскій (Лебрюнь), назначенный бытъ Императорскимъ намѣстникомъ въ Голландіи, уже находится въ Амстердамѣ и жи-

вешѣ во дворцѣ Королевскомѣ. Въ день прибытія намѣстника всѣ знашнѣйшіе чиновники государственныхъ учинили предѣ нимѣ присягу. Послѣ того присягнули Голландскія войска. — О состояніи здоровья Россійскаго Посла въ Парижѣ Князя Куракина помѣщены въ вѣдомостяхъ весьма благопріятныя извѣстія.

Б о г е м і я.

Императрица Австрійская въ бытность свою въ Дрезденѣ изволила осмащривать разныя рѣдкости, находящіяся въ сей столицѣ. Ея величество возвратилась изъ Пильница въ Теплицѣ, куда прибылъ также и Король Голландскій, подѣ именемъ господина *Сень-Ле*.

П р у с с і я.

Прусская Королева, Луиза Августа Вильгельмина, 19 Іюля скончалась въ Гогенцирицѣ, увеселишельномѣ замкѣ редишеля своего Герцога Мекленбургѣ - Стрелицкаго, куда пріѣхала она въ послѣднихъ числахъ Іюня для свиданія съ Его Свѣтлостію. Спуская недѣлю, шло покойной Королевы ввезенно въ Берлинѣ въ предшесствіи многочисленнаго опряда войскъ, знашнѣйшихъ придворныхъ особъ и духовенства. Двадцать чепыре Каммергера шли по обѣимъ сторонамъ гроба со множествомъ пажей и придворныхъ служителей. Министры и прочіе гражданскіе чиновники шли пѣшкомъ по порядку. Гробъ во дворцѣ вспрѣченъ Королевскою Фамилією, и потомъ поставленъ въ пронной залѣ, куда въ продолженіе чепырехъ дней въ назначенные часы дозволенъ былъ входъ публикѣ. Іюля 30 по совершеніи обряда гробъ поставленъ въ пришворѣ соборной церкви, гдѣ и будещъ онъ находиться впредѣ до Королевскаго повелѣнія.

Швейцарія.

Изъ Берна пишутъ о кончинѣ бывшаго Ландамана Швейцарской республики г-на д'Аффри. Недавно ѣздилъ онъ въ Парижъ для поздравленія Ихъ Императорскихъ Величествъ съ благополучно совершившимся Ихъ бракосочетаніемъ, и скоропостижно скончался отъ апоплексическаго удара, не успѣвши предстать Сейму отчета въ своемъ посольствѣ.

Швеція.

Юня 24 издана отъ Короля прокламація, копорою Е. В. обѣщаетъ 20,000 шалеровъ въ награду тому, кто (по случаю распространившагося слуха, будто кончина Наслѣднаго Принца послѣдовала отъ неестественной причины) доставитъ достовѣрныя свѣдѣнія о семъ несчастномъ событіи. Между тѣмъ продолжаются розыски судебнымъ порядкомъ о смерти Наслѣднаго Принца. Многія особы были допрашиваемы. Графиня Пиперъ и Графъ Фабіанъ Ферзенъ потребованы въ судъ для доказанія своей невинности. Отъ доктора Росси и отъ Профессоровъ, находившихся при вскрытіи тѣла, пребуются другія записки; ибо прежнія оказались неудовлетворительными.

10 *Августа.*

У в ѣ д о м л е н і я .

Чрезъ посредство неизвѣстной особы прислано къ Издашелямъ Вѣстника Европы отъ господина Спашскаго Совѣтника и Кавалера Василія Ивановича Рябина ассигнаціями 210 рублей для доставленія бѣднымъ Скопинскимъ жишелямъ, прешерпѣвшимъ несчасіе отъ пожара. Оныя деньги опправлены въ Скопинской Магистратѣ для употребленія по волѣ благошворителя.

*

Г. Тихоновъ, извѣстившій Издашелей письмомъ изъ Касимова, въ 12 й книжкѣ Вѣстника Европы сего года напечатаннымъ, о бывшемъ въ Скопинѣ пожарѣ, и достохвальнымъ примѣромъ своимъ подвигнувшей сосрадашельныхъ къ пособію несчастнымъ, нынѣ увѣдомляешъ, что многіе изъ Касимовскихъ жишелей собрали между собою по подпискѣ 402 рубля, и оправили сіи деньги въ Скопинской Магистратѣ чрезъ почту. Мы охотно напечатали бы здѣсь имена всѣхъ благошворителей, если бѣ дозволяли просшранство и планъ нашего Журнала.

*

Деньги 50 рублей изъ Омска отъ Ан. Т. и 25 р. изъ Холма отъ А. П. получены, и немедленно будутъ опправлены въ Скопинской Магистратѣ для употребленія, по желанію благошворителей, въ пользу разорившихся отъ пожара. *Изд.*

КОНЕЦЪ III ЧАСТИ.

О Г Л А В Л Е Н И Е

ПЯТДЕСЯТЬ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

Б. СЛОВЕСНОСТЬ.

Справа.

ПРОЗА.

Платонъ въ Сицили.	3
О дружбѣ и друзьяхъ.	31
Нѣчто о Риваролѣ.	35
Мурадъ несчастный.	81
Историческое изслѣдованіе о времени рожденія В. К. Святослава.	161
Привидѣніе.	249
Нѣсколько писемъ Іоанна Миллера, историка Швейцаріи, къ Карлу Бонспешпену, другу его.	263
Поединокъ, какихъ немного.	285
Двѣ басни.	287

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Мое мѣнчаніе въ ночь осеннюю.	41
Изъ Анеологіи.	124
Сравненіе двухъ полководцевъ.	—
Надпись надъ гробомъ молодой пашушки.	125
Къ Θεомѣ.	180
Скромнѣсть.	184
Эпиграмма.	185
Надгробная Компляшбру.	—
Къ Мерзлякову.	289
Отрывокъ изъ Делиевой поэмы:	
Сады.	292
Странникъ.	297

II. НАУКИ и ИСКУССТВА.

МЕТАФИЗИКА. ПСИХОЛОГИЯ.

О предчувствованіяхъ во снѣ. - 43

БОТАНИКА.

Взглядъ на нынѣшнее состояніе
Анатоміи и Физиологіи растѣ-
ній. - - - - 126

О первоначальномъ разведеніи въ
Европѣ растѣній, принадлежа-
щихъ къ хлѣбопашеству. - - 308

ФИЗИОЛОГИЯ.

Причина уродливости рождаю-
щихся дѣтей зависѣли отъ
воображенія мащери. - 186

ВАЯНИЕ.

О ваяніи. - - - - 298

III. КРИТИКА.

Надѣробное слово, сочиненное
I. Левандою. - - - - 316

IV. СМѢСЬ.

Описаніе ботаническаго сада Е.
С. Графа А. К. Разумовскаго,
въ Горенкахъ близъ Москвы. 52

Бездѣлки. - - - - 63

Мысли. - - - - 67

Чудаки. - - - - 68 и 141

Картина Валахіи. - - - 144

Нѣкоторыя извѣстія о дѣйствіяхъ
покойнаго Императора Павла
Перваго. - - - - 192

Стран.

Анекдоты.	- - -	325
Московскія записки.	- - -	73
Разныя извѣстія и замѣчанія.	76,	
- - - - -	151, 241 и	326
Письмо къ Издателью.	- - -	328

V. ОБОЗРѢНІЕ ПРОИЗШЕСТВІЙ.	77,	
- - - - -	156, 245 и	330
Увѣдомленія.	80, 159, 247 и	333

